

БИРЮК

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

Annotation

— Овца такая, еще бегать за тобой! — рывкнул он и, выпрямившись, пнул кого-то у своих ног.

Девушку. Мокрую насквозь, бессильно распростершуюся по земле. Она вскрикнула от удара совсем слабо, будто уже была едва жива.

— Пожалуйста... — прохрипела она. — Не надо... Вам заплатят...

— Заплатят, куда ж денутся, — цинично фыркнул ублюдок.

Я почти шагнул вправить мозг этому гаду, как услышал справа и сверху звук шуршания по камню. Еще один амбал с обрезом на плече появился на вершине ближайшего валуна.

— Нашел? — спросил он первого.

— Ага, — и снова пнул бедолагу. Я аж зубами скрипнул. Сука, ноги тебе повыдергивать за такое и в жопу засунуть.

— Че, обратно ее волоочь, Толян?

— Не, на хер она уже не нужна, видео сняли. Кончай ее, Васян.

— А че я-то? Шмальни разок, и все.

— Да че в нее шмалять, патроны изводить. Камнем по башке и в реку.

— Нельзя же... сказали ж, чтобы никаких следов.

Содержит obscenную лексику.

- [Галина Череди́й](#)

- [ГЛАВА 1](#)

- [ГЛАВА 2](#)

- [ГЛАВА 3](#)

- [ГЛАВА 4](#)

- [ГЛАВА 5](#)

- [ГЛАВА 6](#)

- [ГЛАВА 7](#)

- [ГЛАВА 8](#)

- [ГЛАВА 9](#)

- [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Галина Череди́й
БИРЮК

ГЛАВА 1

— Они работают как надо? Уверена? — повертела я в подрагивающих руках прозрачный пакетик с десятком голубых таблеток, если честно, адски напуганная этим ужасным чувством жадного предвкушения внутри. — Прошлые не особо-то действовали.

— Да ладно? А на тебя глянув, я бы так не сказала, — ухмыльнулась Милана, оглядев меня с ног до головы. — По мне, так ты десяток кэгэ скинула с прошлой нашей встречи.

— Но этого недостаточно! — буркнула я, впихивая ей в ладонь пару крупных купюр.

— Ты смотри, чтобы перебора не было, — покачала она головой. — Знаешь, бывают же вещи, которых просто невозможно достигнуть.

— Намекаешь, что я родилась жирной коровой и другой быть мне не вариант? — вспыхнула я моментально.

Легко умничать, когда сама без труда выглядишь как недостижимый идеал. Идеал для моего Гошки, а значит, и для меня. Потому что черта с два я сдамся и смирюсь с тем, что стану уже совершенно нежеланна для любимого мужчины.

— Эй, не психуй! — отступила на всякий случай Милана. — Чтобы ты знала, повышенная раздражительность — побочка у всех этих пилюль. Не безопасные они ни хрена. Так что башкой подумай, стоит ли из-за мужика...

— Из-за мужика не стоит! — оборвала ее я. — А для мужа законного — да.

— Как знаешь, — пожала она острыми плечами, заставляя меня давиться от зависти при взгляде на ее выпирающие, обтянутые только тонкой кожей ключицы. На таких вот остреньких углах и зависал мой муж, я видела, хоть он и думал, что не замечаю. У меня-то там... м-да. — Но я бы не стала. Ни за что.

— Просто мужчина тот самый не попался еще тебе, — отшутилась я уже ей в спину.

Оставшись ненадолго в туалете кафе в одиночестве, уставилась в изрядно заляпанное посетителями зеркало, офигевая от вида своих

расширенных зрачков и позволяя себе в полной мере осознать, как же я дико устала от всего. От этой вечной гонки за стройностью, в которой мне все не удавалось победить. От выжимания себя чуть не досуха на тренажерах, что не только было призвано добиться желанных форм, а точнее, их отсутствия, но и изгоняло эту зудящую непрерывно в последнее время неудовлетворенность, тоску по другой усталости, которая и не усталость вовсе, а сытая истома поющего после наслаждения тела. От боли в суставах и мышцах, что поселилась во мне и отпускала только после очередной чудо-пилюли. И душевная боль от того, что все время ловила Гошку за пристальным рассматриванием какой-нибудь суперстройняшки, которая изящнее, моложе, изысканней меня, тоже уходила с этим, как и голод с изнеможением. Открыла кран, вытрясла один голубой кругляш и запила его, запрокидывая голову, отдающей хлором водой.

Вернувшись за столик, Милану уже не застала и сама засобиралась поскорее из этого месторождения еды, что имеет неизбежное свойство цепляться на мои бедра и талию, тормозя на пути к мечте. При выходе на еще холодный по весне воздух меня сильно шатнуло, и только придерживавший за локоть случайный прохожий не дал упасть. Извинившись, я заторопилась к машине. Надо заехать навестить отца. Еще одно ежедневное неизбежное испытание. Я его, конечно, безумно люблю, но в последнее время папа становится все невыносимее. Болезнь так сказывается, что ли? Или это просто уже возраст? Но при каждой встрече он буквально изводит меня одним и тем же.

— Господи, Алька, да ты все зеленее и зеленее! — возмутился он вместо приветствия, сурово сдвинув седые брови.

— Привет, пап, как ты сегодня? — будто и не замечая этого, поздоровалась я. По дороге в больницу меня уже изрядно попустило. Настолько, что могла улыбнуться ему, делая вид, что не знаю, как все пойдет дальше. Как всегда.

Смотреть на него, полусидящего на кровати в больничной, хоть вип-класса, но все равно наполненной аурой безысходности палате, с вечными капельницами и плачущими приборами — само по себе испытание. Чего уж говорить о споре с ним таким.

— Я сегодня так же, как и вчера. Умираю потихоньку, — огрызнулся он. — А вот ты, смотрю, решила тоже на тот свет

отправиться.

— Ну пап! — вздохнула я, закатывая глаза и чувствуя при этом легкое головокружение.

— Что ты мне «папкаешь»?! — раздраженно продолжил он. — Ты себя в зеркале видела? Прозрачная почти и костями гремишь.

— Все я видела.

— Что, нравишься себе такой? Как смерть, ей-богу!

— Все со мной в порядке, — стремительно теряя терпение и подаренное препаратом хоть ненадолго чувство физического комфорта, отмахнулась я. — Быть стройным — признак здоровья, и это красиво.

— Алька, красиво — это когда от природы уродилась доска доской, и то на любителя. А ты у меня не той породы, ясно?! И этому своему альфонсику так и передай! Не прекратит тебе голову всякой херней с этим похудением забивать, я и из могилы встану и башку ему откручу!

— Да хватит, папа! — впервые в жизни я позволила себе заорать на него. — Прекрати во всем обвинять Гошу! И называть его так не смей! Их семья...

— Ой, да знаю я все про их семью и про пыль, что эти голозадые всем в глаза пускать привыкли! — скривился он пренебрежительно. — И кого ж мне еще винить? До его появления ты у меня была нормальной девчонкой, здоровой, а не вот этим суповым набором! Ты посмотри, как из концлагеря уже! Вены просвечивают, глаза запали, руки-ноги что те палки стали, кости скоро кожу прорвут! Кончай мне это!

Его приборы заверещали, в палату торопливо вошла медсестра, начав что-то говорить про беспокойство больного, и я уже подскочила, торопясь уйти.

— А ну стой, Алька! — громыхнул отец, отмахнувшись от медработницы. — Я тебе на полном серьезе говорю: не прекратишь угождать этому своему гаденышу мужу и гробить себя, я тебя в клинику запру, а ему такого поджопника отвешу — хрен когда увидишь его.

— Что же ты все время лезешь к нам, пап?! — не выдержав, взорвалась я. — Не понимаешь, что ли, что не заставляет он меня, я сама все, сама! Я хочу быть привлекательной для него!

— Дура! Ты жена ему законная, и от тебя он никуда не денется! Не от моих денег за тобой уж точно.

Господи, как тошно уже от этого! Мало того, что всю жизнь я жила с пониманием, что за этими его проклятущими влиянием и деньгами меня никто не видит. Вечно как в какой-то зоне отчуждения. Естественно, кто же сунется даже с обычным флиртом к единственной дочери долбаного Стального короля, зная его нрав крутой и замашки едва ли не бандитские! Только смертник какой, ведь если что не по его — все, ищи потом человека. Гошка вон только и решился, с ним хоть узнала, как женщиной себя чувствовать, и то отец над нами вечно коршуном нависал, пока не плюнули и не уехали на съемную квартиру.

— Да плевал Гоша на деньги твои! Он меня не за них полюбил.

— Если не за них и если полюбил, то чего тебе тогда морочиться и себя пытаться, а? Живи себе спокойно, детей роди, коли муж хороший да любит. Вон, твоя мать никакой дурью не страдала. Знала, что люблю, и не дергалась.

У меня аж в глазах потемнело. Ведь это как раз их родительский пример мне дышать нормально временами не дает.

— Знала, да? И о том, что ты по выходным за городом с девками отдыхаешь, она тоже, между прочим, знала и рыдала ночами, да только тебе никогда и слова не говорила. А и сказала бы... ты же...

— Да ты... не твое это... — схватился за грудь отец и отвернулся, а мне стало стыдно за себя и страшно за него.

— Прости, пап... — рванулась к нему, но он рубанул ребром ладони по воздуху, будто проводя между нами непреодолимую черту.

— Твоя мать, Алька, была золото, а не женщина, ей равных нет и не будет, — прохрипел он. — А ты бы с нее пример брала. Она знала, что девки эти все у меня — пустое, что я ее и всегда буду. Семья у нас была, а остальное — пшик один. И если твой Гоша тебя любит, как говоришь, и ты с этим смиришься.

— Не хочу! Не буду, пап! — вскочив, я пошла на выход. — Я терпеть, молча рыдать и сгореть раньше времени, как мать, не хочу!

Мой муж должен во мне не только жену, дом, очаг видеть. Я желанной быть ему хочу. Как вначале. И ради этого все сделаю.

Меня трясло и пошатывало, пока я шла к машине, желудок превратился в обжигающую черную дыру, и я понимала, что избежать

худшего не удастся. Мои нервы сейчас были разорваны в хлам, остановиться я не смогу, даже зная, что только сделаю себе же хуже.

Притормозив у первого же кафе быстрого питания, я ввалилась туда, заказывая целую гору еды. Заглатывала все, почти не жуя, наплевав на удивленные и осуждающие взгляды окружающих. Ела без остановки до тех пор, пока не ощутила это — спазм острейшего отвращения к себе вот такой, безвольной, недостаточно хорошей, чтобы любить и желать меня какая есть, и не способной стать ни для кого какой надо.

Зажав рот, рванула в туалет, где меня рвало, пока внутри не осталось ничего. Я рыдала, склонившись над раковиной и пустив воду, а мимо кто-то ходил, наверняка пялясь презрительно на меня, похожую на раскисшее дерьмо. Успокоившись, я тщательно умылась, проглотила еще волшебную пилюлю, и, доехав, еще минут тридцать накладывала новый макияж и усиленно тренировала непринужденную улыбку на лице, прежде чем подняться в квартиру. Мой любимый мужчина не должен видеть меня размякшей истеричкой.

ГЛАВА 2

— Не давай больше ключи этому долбоебу! — влетел за мной следом в яровский кабинет придурок Боев. Вот реальный придурок правда стал, как с мелкой моей сошелся. Раньше душа-мужик был, шутки временами дебилные, но в целом-то нормальный. С ним и прибухнуть без тормозов можно было, и в бане с телками оттянуться... Ладно, от последнего я сам первый отказался, долбоящер. Да так назад и не втянулся. А хули втягиваться, когда ты больше не мужик? Один кайф в жизни и остался, а этот лезет еще. Лечит. Иди, бля, вокруг Катьки хороводы води.

— Отъебись, Андрюха, — рыкнул я через плечо.

— А я говорю — не давай ему ключи, Камень! Он же опять забухает там на все выходные!

— А тебя оно ебет? Мои выходные — как хочу, так и оттягиваюсь, — бросил через плечо. — Я что, с работой косячу? Подвожу кого?

— Да ты скоро кусками печени разложившейся блевать начнешь, ебанат! — грохнул по столу кулачищем истеричка-качок.

— Опять же печень мо...

— Да хуй ты угадал, мудила! Катька как глянет на тебя, так плачет потом, успокоить не могу! Совесть есть у тебя, гад? — Есть, и прямо сейчас она душевно так вгрызлась в сердце. Прости, сестрен, что вот такой тебе убан брат достался. Забей на меня, роднуй, я слез не стою. — Что ж ей душу выматываешь? Из-за кого? Из-за курвы какой-то продажной?

Не поймешь ты, дружище. Да и не твое это дело.

Я наткнулся на тяжелый взгляд Камнева и сдержал порыв поежиться. Пялится вечно этими зенками своими, глубоко посаженными, как насквозь рентгеном просвечивает. Кажется, всю мою позорную подноготную как на ладони видит. А может, и не кажется. Камнев, он такой. Хорошо хоть большей частью молчит. Зато Боев за двоих справляется.

— А ты мне Катькой в рожу не тычь! — отгавкнулся я. — Ты когда ее женщиной порядочной сделаешь, лучше отвечай! У нее уже

пузо видать, а ты все яйца мнешь. Если передумал — убью к хренам.

— У моей конфеты не пузо, ясно? Еще так назовешь — втащу. И ты, сука, совсем уже мозги пропил, Колян? — нахмурился Боев еще сильнее. — Я бы уже сто раз Катьку в ЗАГС затащил, но ей так-то свадьбу хочется, а на свадьбе этой должен быть ее единственный родной брат, мать его ети, причем в нормальном виде, а не похожий на кусок заросшего, опухшего от бухла дерьма! От тебя народ уже в офисе шарахается, чучело!

— Вот и пусть себе шарахается, — отмахнулся я. — Так что, Яр, ключи от избушки одолжишь? Нет, так я и в палатке на природе перекантуюсь.

— Совсем ебанько, — закатил глаза Боев. — Конец февраля на улице. Да дай ты ему уже эти блядские ключи, а то замерзнет в сугробе каком, а мне потом как Катьке в глаза смотреть? Когда ты очухаешься уже, Шаповалов? Ну, бля, понимаю: приуныл, прибухнул сначала, полечился чуток. Но потом пойдя ты лучше в загул по бабам, оно точно работает безотказно, а не со стаканом дальше братайся! Уж от шалав все вреда здоровью меньше, хоть ты хер с ними сотри. Тьфу!

Он досадливо сплюнул и свалил, хлопнув дверью.

— Андрюха дело говорит, — уронил веско всегда немногословный Камнев, вытаскивая из ящика связку ключей и кладя их на столешницу.

— Андрюха у нас — поговорить любитель, — ухмыльнулся я, отказываясь встречаться с ним взглядом.

— Так и есть. Но это правоты его не отменяет.

— А я разве спорю? — все так же отказываясь смотреть ему в лицо, ухмыльнулся типа бесшабашно я.

— Колян, может, ну его, лес этот? — с хрустом щетины потер квадратный подбородок друг. — Давай сегодня сядем, вместе пару пузырей раздавим и потрындим за жизнь спокойно.

— Спокойно? А Роксана у тебя сама будет с детьми подкидываться, пока мы расслабон ловить станем?

— Роксана поймет. Объясню ей. Катьку вон на помощь ей пошлем.

— Что объяснишь? — мигом заведясь, я встал и сгреб со стола ключи. — Что есть у тебя друг-компаньон, слабак и нытик, и надо ему сопли подтереть да присмотреть, как за ссыкуном несмышленным?

— Не городи хуйни. Друзья — они для всего. И соплю подтирать, коли надо, и в рожу дать. А иногда просто вывалить на них, че за говно на душе.

— Говно надо не на друзей вываливать, — отмахнулся я и ушел. Сбежал. Услышав в спину тихое «Не прав, ох, не прав, мужик».

* * *

— У нас сегодня тушенка хорошая. Две по цене одной. И килька в томате вкусная тоже. — Продавщица в поселковом маркете, как ни старалась, не могла скрыть осуждающее выражение лица, пробивая мне три бутылки водяры и столько же банок с консервами.

— Тонкий намек, что закусывать активнее надо? — зло оскалился ей я и демонстративно прихватил еще и пару полторашек пива в холодильнике перед кассой и большой пакет чипсов, хер его знает какого вкуса. Жрать их не собираюсь. — Как не принять во внимание слова умудренной опытом дамы.

Вот как назло уже три недели подряд я попадаю на нее, когда тарюсь перед тем, чтобы забуриться в лес. Она мне точно уже ярлык «алкаш конченный» на лоб припечатала. Вон как горестно вздохнула, головой качая.

Да и класть я хотел на ее мнение. И вообще на всех с их жалкими потугами воззвать к моим совести и разуму. Просто... ну, сука, как наждаком по шкуре от ее взгляда. Да нах!

Добравшись до избушки, я первым делом принялся дрова колоть, воткнув пузыри с огненной водой в снег у крыльца. Я, может, и конченный, и алкаш и не мужик больше, но желания закончить жизнь самоубийством, медленно замерзнув тут, не имею. Пока. Там... как пойдет.

— Коленька, я тебя умоляю, поверь мне, любимый!

Голос Аньки, то молящий, полный слез, то проклинаящий, бьющий жесткой, как железный прут, по открытому сердцу ненавистью, занудел в голове привычной, намертво заевшей пластинкой. Которую, гадину, не вырубить, не разбить, даже если сам башкой об стену бейся. Тоже пробовал поначалу.

Перед глазами тут же вставало ее некрасиво зареванное лицо, распухший, всегда идеальный аристократичный нос и то, насколько дико смотрелось ее тонкое запястье в кольце наручников, что были прикованы к ручке в Андрюхиной тачке. В первый момент меня аж повело от ярости. Думал, заебашу Боева. Как посмел только! Мою женщину! Мою Аньку! А потом... Потом только и помню, как блевать тянуло с каждой минутой и открывшейся подробностью все больше. Моя женщина, да? Папина дочка из приличной семьи? Ну, подумаешь, папаня — раздолбай и в бизнесе полный лох, но люди-то порядочные.

Порядочные, ага. За малюсенькой поправочкой. Никакой он ей был не отец. А Анютка, как выяснилось, никакая не моя женщина. Где были мои глаза? А мозги? А хоть элементарная природная подозрительность? Почему, почему, бя, обладая такими возможностями, я не пробил эту «семью» на вшивость хоть слегка. Вылезло бы же все мигом. Но не стал. Даже мыслишки краткой не мелькнуло. Почему? Так она меня зацепила? За яйца и за мозги разом взяла? Но как? Как? Кто я, сука, после этого?

— Я думала, ты мой шанс! Выбраться из этого всего, зажить нормально! Он меня заставлял!

Ага, Колян, не любимый ты никакой, ты — ебанный шанс. Лесенка в достойную жизнь, палка-открывалка в нее.

— Ты не мужик, ясно?! Да мне под тебя и ложиться каждый раз тошно было и что кончаю изображать! Ты же понятия не имеешь, как бабе удовольствие доставить! Отстой, привык шлюх за бабки драть! А что сам по себе можешь? Ничего! Только для себя, о себе! Не мужик! Был бы мужиком, никому бы про меня не поверил!

И опять руки заламывать давай, глаза змеиные закатывать. Ноги типа подогнулись, на пол рухнула. А у меня тогда и боль адская навывлет в сердце, и одновременно весь как глыба льда.

— Ты мою сестру насильнику продала.

— И что? Я от тебя опасность отводила и ярмо это детдомовское снимала! Ты мне ноги целовать за это должен! И защищать! Хоть от кого! Любил бы — все простил и всех бы на хер послал, меня одну слушал! Все тебе вокруг кто? А я твоя, твоя... я для тебя все, Коленька, родименький! Меня слушай! Люби, как я тебя. Люблю же, люблю! За тебя и продам, и предам, да хоть своими руками кого убью!

Мне как позвоночник ломало в ста местах сразу, желудок — как мешок с красными углями, в сердце — что той нечисти колом. Протянуть бы руку. Зарыться в знакомый шелк волос. Подтянуть к себе. Прижать мокрой щекой к своей. Вдохнуть запах дорогого парфюма. Забыть начисто, что сделано и наговорено. И оказаться в иной реальности, где она не мразь продажная, что мною едва ли не брезгует. Пока я в постели кайфую, как слепой ебанашка, просто держит лицо и терпит, терпит.

— Не настолько ты хорошо сосала для этого, Анюта, — процедил сквозь зубы, а по ощущениям — кровь себе пустил. Дурную, лишнюю, пусть уходит с ее отравой.

— Пошел ты! Все вы пошли! Бросили меня все!

Так и было. К тому времени, как я ее приволок в их с «папой» личную квартиру, которая на деле оказалась съемной хатой этой парочки гастролирующих аферистов, ее любовника там уже и близко не было. Чутье у прожженного гада сработало. Собрал манатки и съехал из города, бросив «дочуру»-подельницу на произвол судьбы. И правильно сделал. Аньку я, конечно, не тронул. Пусть орала дурниной и бросалась, оскорбляя по-всякому, но руку поднять на ту, с которой... спал... которую любил... женой своей видел. Не мужик я, ага, но и не чмо позорное до такого опускаться.

Выгреб я тогда все наличные бабки, что были у меня дома, дал пятнадцать минут на собрать барахло самое необходимое и вывез за город. Бросил прямо на трассе, выслушав в очередной раз, какая я тварь и не мужик, и оставил там. Велел никогда больше не сметь возвращаться и вообще забыть обо мне, Катьке — обо всем. Ибо, если узнаю, дойдет до меня, что где-то рот раскрыла, хоть, по сути, и не знала ничего, найду и тогда уже не пожалею, удавлю. И уехал, оставляя ее на дороге с чемоданом, чувствуя себя гаже некуда. Но такие не пропадают. Ни на трассе, ни в чистом поле. Уехал, а вот голос в голове, орущий «ты не мужик, не мужик, не мужик, пустое место, ничтожество», так пока извести и не смог. Ведьма, видно, Анька-то.

Вернувшись, собрал ее остальное шмотье, глотая с горла водку, ею же и полил, вывалив на мусорку, и даже поджег. Соседи вызвали ментов. Мужики были знакомые, сказали «не надо так делать, Шаповалов» и даже подвезли в ближайшую сауну. В которые я больше не ходок. Потому как не встал у меня. Ни сам по себе. Ни во рту у

девки. И через день не встал. И через неделю. Вот потому больше и не позорюсь. Видимо, права Анька. Не мужик я. А смотреть в понимающие, услужливые глаза шлюх, убеждавших меня за мои же деньги, что все норм, со всеми бывает, и вовсе тошно стало с того времени. За деньги-то и нестоячему поклоняться, да? И ебаря самого конченого богом секса назовут. И любовь изобразят и оргазмы. Так, выходит?

ГЛАВА 3

— Алька, не начинай! — шикнул на меня Гоша, когда я, уместив голову на его плече, принялась поглаживать грудь через рубашку. — Устал я.

В глазах мигом защипало от обиды. Последний раз у нас был уже почти месяц назад, а после этого все, что я получала в качестве близости от мужа, — полусонные объятия и быстрые формальные поцелуи перед выходом из дома и при встрече. Чертовски недостаточно.

— Давай я тебе массаж сделаю, а? — проглотив привычную уже горечь, сумела натянуть улыбку и принялась расстегивать пуговицы на его рубашке. Черт, но в журналах же пишут, что мужикам тоже бывает сходу не до секса. И причину сразу в себе искать не стоит.

— Да не надо, Аль! — неожиданно почти грубо отмахнулся муж, и я вдруг поняла, что он весь напряжен, как струна, за малым разрядами от него не шарахает.

— Гош, я знаю, что ты устаешь. Понимаю, как тебе трудно. — Вздохнув, я осторожно зарылась пальцами в его волосы и принялась мягко массировать кожу его головы. Знаю, он просто обожает это. Вот и сейчас заметно расслабился и даже глаза прикрыл. Господи, я хочу, хочу его... близости хочу. — На тебя столько всего свалилось. Но и отдыхать тоже хоть капельку надо. Я тоскую по тебе, как чужой стал в последнее время.

Наклонившись, я нежно поцеловала уголок его рта, помня и об этой его слабости. И еще раз, ожидая отклика. Гошка никогда не любил агрессивных, навязанных, слишком глубоких поцелуев. Поначалу я, бывало, ошибалась, увлекаясь, но давно привыкла сдерживаться. Но вместо того чтобы откликнуться, Гошка дернул головой так, словно я его укусила, и вскочил с дивана в нашей гостиной, чуть не опрокинув меня на пол.

— Знаешь, да?! — неожиданно заорал он на меня, нависая и пронзая каким-то беспощадным, насмешливым взглядом. — Что ты знать-то можешь? И понимать! Папина принцесса, о которой он только

и печется! Никто его доченьке не ровня, одни прощелыги да альфонсы кругом! Тебе хоть приходилось терпеть такое отношение к себе?

— Гош, я...

— Что, блин, ты? Понимаешь, что я, взрослый самостоятельный мужик, ради тебя все это выношу каждый божий день? Впрягся его бизнесом заниматься, пока старик в больнице, пашу с утра до ночи, но так этого еще и мало! Я должен ежедневно бодренько на отчеты к его величеству бегать. Выслушивать, какой я баран тупой, что он запрещает мне сотрудничать с кем-то, а между прочим, это те люди, что уже почти весь наш край под себя подмяли. Живет мозгами в своем гребаном Совке и не соображает, что времена поменялись. С бандюками ему дела вести запаadlo, а то, что если и дальше кобениться станем, то и завалить могут, его не колышет ни разу. Он же и так одной ногой в могиле, вот и смелый. Все на связи свои старые мне тычет, на таких же старперов.

— Гоша, остановись.

— Ну уж нет, ты же, дорогая, хотела, чтобы я расслабился, поговорил с тобой. Так слушай теперь. Мало мне всего этого рабочего дерьма, так еще и за тебя и твой внешний вид должен выслушивать. Какого хрена тебе вздумалось морить себя голодом? Чтобы папаша твой мне мозг чайной ложкой еще и за это ковырял?

— Гош...

— Да что Гоша?

— Ты не смотришь на меня, не хочешь — вот что! Мне тебя не хватает! Как мужа моего, как мужчины! И думаешь, я слепая и не вижу, на каких женщин ты засматр...

— Дура! Ты хоть ничего из этой ереси отцу своему не наболтала? А? Отвечай!

— Нет. Но...

— Но что? Я теперь еще и кобель, что от тебя налево ходит, для него, так? Да старый же меня...

— Ничего такого, Гош! Отец, наоборот, убеждал меня дурью не страдать и закрыть на такое глаза.

— Ну прекрасно! Закрывать глаза! Алька, да ты меня, считай, подставила.

— Прекрати! Ничего подобного. Я живой человек и имею право высказывать свое мнение. Не хочу я жить, как они с мамой, слышишь?

Я люблю тебя. Хочу тебя. Но если ты — нет и больше ничего не чувствуешь ко мне... Давай просто разойдемся уже.

— Разойдемся, да? — ухмыльнулся Гошка жестко. — Почему? Потому что я тебя не ублажал давно?

— При чем тут убл...

— При всем, милая. Это же, видно, ваша семейная черта — иметь по-всякому. Папаша твой мозг мне сношает, а тебе секс вот подавай, и пофиг, хочу ли я. А если что не по-вашему — вперед, Гоша, давай разводиться, мы тебя мигом сменим на другого.

— Что? — Я буквально задохнулась от боли.

— Не так, что ли? Может, уже и женишок новый на примете есть, а, Алька? Сама нашла, или старый присмотрел?

— Хватит! Я ничего этого не заслужила! Если ты устал, то идем спать, пока не наговорили ничего такого, о чем пожалеем потом оба.

— О, нет, как же! Какой спать, когда нашей принцесске хочется секса. — Гоша, кривясь и скалясь, принялся срывать с себя одежду. — Сию же минуту холоп обслужит и ублажит. Как изволите?

Я смотрела и не могла узнать любимого человека. Где тот улыбчивый, сдержанный Гоша, что ни единого грубого слова никогда не употребил при мне. Его и правда все так достало? В том числе и я?

— Прости, — пробормотала я, чувствуя себя дрянью конченной. Что я за жена, если в упор не видела, до чего он уже дошел, погрузившись только исключительно в страдашки о недостаточности интереса и желания с его стороны. Эгоистка. Все мне. Для меня. — Гошенька, прости меня.

Я протянула руки, желая обнять его, но муж опять шарахнулся, будто мои прикосновения могли его обжечь, и быстро ушел в спальню, хлопнув дверью.

* * *

Конечно, мне стоило все равно пойти и лечь с мужем. Но я отчего-то не смогла себя заставить. Не могу я вот так все время. Чувствовать себя навязывающейся, капризной прилипалой. Или нищенкой, что стоит с протянутой рукой, выпрашивая у него хоть каплю ласки. А еще боялась нарваться на еще большее количество злых, обидных слов,

забыть и простить которые потом будет трудно. Ведь я верю, что «потом» у нас обязательно будет. Времена настанут полегче, тучи разойдутся для нас. Оба перетерпим, успокоимся, и все вернется. Ведь если у людей есть настоящие чувства, то они не могут взять и уйти безвозвратно. В никуда. Так ведь?

С утра тошнило, опять ломило все суставы, голова просто раскалывалась. Я вытряхнула в ладонь голубую пиллюлю и с полминуты колебалась, глядя на нее. Может, и правда ну ее к черту эту недостижимую изящность. Ведь полюбил меня Гошка не за худобу, да и сейчас что-то появляющаяся вроде стройность не сильно-то мне помогает вернуть его внимание. Потому что не в том причина. Теперь я это знаю. Нужно время и терпение. Просто... для того, чтобы терпеть и ждать, тоже нужны силы. А я ощущаю сейчас себя разбитым корытом. Ну как я такая смогу поддерживать мужа? Только опять эгоистично ныть, как мне плохо. Будто ему и без меня хлопот не хватает. Так что это в последний раз. Завтра я прекращу. Буду очень стараться.

Гошка к утру не отошел, хотя я не замечала за ним прежде долгой обидчивости. Все так же держал дистанцию между нами и избегал любого прикосновения. Больно.

Не желая больше подставлять мужа перед отцом, села с ним за стол и съела нормальный завтрак, приготовленный нашей Ниной. Но еда падала в желудок, будто была камнями, и я не смогла и доесть тарелку овсянки, как пришлось сорваться в туалет. Когда же вышла, Гоша уже уехал. Даже не поинтересовавшись, что со мной.

Горько.

Но все пройдет. Верю.

В тренажерный зал я собиралась, рассеянно по походу пытаюсь поддержать телефонный разговор с Мариэллой, моей двоюродной сестрой. Имечком таким чудным ее маманя наградила, жена папиного брата, очень манерная дама, с которой никто в нашей семье не ладил. Так уж, как говорится, исторически сложилось. Потому как, когда мой отец со всей присущей ему топорной прямоотой и простотой говорил «Да какая в жопу Мариэлла, Манька она!», ту аж бомбило. Да и с самой сестрой мы не ладили в детстве. Она вечно, пользуясь тем, что была на пару лет младше, вымогала мои любимые игрушки, устраивая безобразнейшие истерики, а после возвращала, обязательно

изуродованными до неузнаваемости. Но после того, как папа окончательно сдал около года назад, она сама стала звонить мне, приезжать, поддерживая. И опять же так исторически сложилось, что именно ей я, разок напившись, пожаловалась пару месяцев назад на тотальную холодность мужа и поделилась желанием обязательно быстро и существенно похудеть. Она же мне и нашла Милану с ее чудо-таблетками.

— Все, не буду я больше играть с этим, — категорично сообщила ей я, хоть и у самой загорелись щеки. Смело так заявлять, учитывая, что препарат прямо сейчас в моей крови. — Мы вчера поговорили с Гошкой. Хотя точнее сказать, что он на меня тупо орал, но я поняла, что дело тут не в том, толстая я или худая. Дура я эгоистичная, не видела, что он устал от всего как собака.

— Господи, Алька, ты это серьезно? — возмутилась Мариэлла. — Ты позволила мужику на себя орать, да еще и свою вину во всем нашла? И теперь еще и запустить себя собралась? Очнись! Гоша твой сегодня есть, а завтра свалил, а ты себя опять в жирное чучело превратишь ради него?

Жирное чучело? Ну спасибо тебе, родня.

— Я решение приняла, — огрызнулась я, — пора нам настоящей полной семьей становиться. Сегодня же запишусь на прием к гинекологу своему. Хочу родить Гошке ребенка. Чтобы он больше не выдумывал себе, что какой-то легко заменяемый проходняк.

— Ну знаешь... короче, я такое с тобой пока обсуждать не готова. — И она положила трубку.

Припарковавшись перед зданием новейшего и пока единственного в нашем городе фитнес-центра, выбралась из салона и полезла на заднее сиденье за спортивной сумкой. Позади кто-то лихо притормозил, судя по визгу покрышек. Только выпрямилась, оборачиваясь в поисках лихача, как передо мной вырос какой-то детина в кожаной черной куртке и такой же черной обтягивающей шапке, надвинутой до самых глаз. Жутких. И тут же в подбородок врезался его кулак, голову отбросило, ударяя меня еще и затылком об авто. В мозгу все взорвалось болью, но сразу сознание я не потеряла. Упала на четвереньки и поползла, хрипя в попытке позвать на помощь.

— Крепкая сучка, вся в папашу, — зло пробормотали надо мной, и болью обожгло уже живот, лишая дыхания.

Нападавший пнул меня, роняя на бок, и, несмотря на замельтешившие цветные пятна, я смогла различить, что он не один. Сразу два массивных силуэта нависли надо мной, закрывая мрачной массой весь мир.

— Мой отец... он вас... — все еще не в силах нормально вздохнуть, прохрипела я.

— Ага, был твой отец, да весь вышел, — презрительно хохотнул один из нападавших, и его новый удар в лицо отключил мое сознание.

ГЛАВА 4

Я покосился на торчащие из глубокого снега прозрачные горлышки бутылок. Воткнул лезвие топора в пеня. Конченный я слабак, но блядский голос Аньки задрал уже меня, а бухло было единственным, что ее затыкало. Хотя бы потому, что вырубало и давало спать. Без ебанных снов, что она идет такая вся несчастная в чистом поле, сгибаясь под ледяным ветром, утопая по колено в снегу, и все твердит и твердит свое гадское «ты не мужик, чмо, не мужик». Брехня, нет этого! Она уже сто пудов пристроила свою красивую жопку на чью-то еще шею. Такие, как она, не пропадают. Но и настоящие мужики так, как я, не поступают. Не выкидывают, как мусор, плевать, что дальше, тех, с кем спали. Ну а как по-другому? Запереть ее где-то? Насколько? Где? На хуя?

Выхватив из снега бутылку, я свернул с хрустом крышку и заглотил с горла. И чуть не подавился, услышав что-то очень уж похожее на отчаянный женский крик.

— Ну, бля, поздравляю, Колян, твой психозаеб крепчает. Уже глюки слуховые пошли.

Поднес опять к губам горлышко, но тут панический далекий визг раздался снова, а спустя секунду и хлопнуло. Выстрел. С таким я не ошибусь.

Кинув бутылку, машинально подцепил топор и рванул на звук. Кажись, со стороны реки было. Шагов через десять мелькнула мыслишка, куда и зачем пру. Но как появилась, так и испарилась. Если у меня и правда не глюк на нервной, бля, (нервной, как у бабы истеричной) почве, то кричал кто-то, отчаянно нуждающийся в помощи. Женщина. А я, может, и чмо уже перед Господом Богом, но не вообще конченное.

С быстрого шага перешел на бег, напряженно прислушиваясь и злясь на похрустывающий под ногами снег. Он мешал слышать лучше. Но как выскочил на берег реки, стало еще хуже. Тут снег повывудало или он стоял в оттепель недавнюю, но зато сама речка вскрылась ото льда чего-то в такую рань, и шум воды глушил все. Зараза! Аж в башке гудело от усилий. Однако крик больше не повторялся, и я понятия не

имел, куда двигаться. Чисто по наитию потрусил вверх по течению. Через метров пятьсот открытый берег в мелких камнях сменился неудобницей со здоровенными валунами. В такой чертовне вообще ни хера не разглядеть. И я чуть не пропустил. И не нарвался. Первым увидел в просвете между камнями здоровенного бугая, что склонился над кем-то. Я на всякий отшатнулся за валун, оценивая обстановку.

— Овца такая, еще бегать за тобой! — рывкнул он и, выпрямившись, пнул кого-то у своих ног.

Девушку. Мокрую насквозь, бессильно распростершуюся на земле. Она вскрикнула от удара совсем слабо, будто уже была едва жива.

— Пожалуйста... — прохрипела она. — Не надо... Вам заплатят...

— Заплатят, куда ж денутся, — цинично фыркнул ублюдок.

Я почти шагнул вправить мозг этому гаду, как услышал справа и сверху звук шуршания по камню. Еще один амбал с обрезом на плече появился на вершине ближайшего валуна.

— Нашел? — спросил он первого.

— Ага, — и снова пнул бедолагу. Я аж зубами скрипнул. Сука, ноги тебе повыдергивать за такое и в жопу засунуть.

— Че, обратно ее волоочь, Толян?

— Не, на хуй она уже не нужна, видео сняли. Кончай ее, Васян.

— А че я-то? Шмальни разок, и все.

— Да че в нее шмалять, патроны изводить. Камнем по башке и в реку.

— Нельзя же... сказали ж, чтобы никаких следов.

— Да тут ни души вокруг, а зверья валом. В жисть и костей никто не найдет.

— Ну, может, хоть камнями завалить?

Пока они вели над своей жертвой этот поганый спор, девушка, видно, собралась с последними силами и стала отползать в сторону.

— Куда, бля! — рывкнул один из мучителей и безжалостно, с силой поставил ей свою ногу на спину, роняя лицом об камни.

— Охота тебе дрочиться — заваливай. — Вооруженный бандюган повернулся уйти. — А, чуть не забыл! Пальцев ей парочку отрежь. Те, что с колечками. Пригодятся вдруг, если видео папаню не доконают.

И он пошел.

— Фу, бля, ну че вечно я должен такой хуеой заниматься, — возмущенно пробормотал оставшийся и наклонился, схватил жертву за руку, жестоко выворачивая ее. Полез в карман за ножом.

Именно тогда я, с максимальной скоростью преодолев расстояние между нами, и опустил на его затылок обух топора. Но, сука, надо было не миндальничать, а бить сразу лезвием тварь.

Рухнув на девчонку, боров не отрубился сразу, а взревел, попытавшись вскочить. Палево! Но второй удар его все же упокоил. Подозреваю, что навечно, но и хер на него.

Кровь хлынула на женщину, и я только и успел зажать ей рот, чтобы не заорала истошно. Она боролась со мной, вытаращив огромные, черные от до предела расширившихся зрачков глазищи, брыкалась и колотила куда ни попадя, мыча в мою ладонь, а потом и вовсе укусила.

— Тихо ты, дура! — зашипел на нее. — Свои, блядь, свои! Кончай! Валить отсюда надо!

Еще где-то тридцать бесценных секунд она приходила в себя, затихая. Взгляд ее становился более сфокусированным, зрачки сужались, открывая вид на золотисто-карюю радужку.

— Я не с ними, — продолжал шептать я, удерживая ее. — Не с ними. Поняла? Кивни!

Она кивнула, шаря все еще панически зенками по моему лицу.

— Ни звука. Валим отсюда, — убрал ладонь от ее рта, уже почти уверенный, что не заорет. Взгляд вроде адекватный стал.

Вскочив, я вздернул ее с земли, но ноги девку не держали совсем, и она начала валиться назад.

— Хуй с ним, — буркнул сам себе и закинул ее себе поперек плеч, плюхнув животом на шею, и, ухватив одной рукой за руки, другой за ноги, стартанул в обратную сторону.

Топор оставил. Чем его нести? Нам сейчас только до тачки моей домчать, а там прочь из этой глуши. Куплю я Камню десяток топоров этих новых.

Я только и успел пробежать метров пятьдесят, как сзади грохнул выстрел, и по валуну в полуметре от нас шарахнуло, окатив острыми осколками. Моя ноша вскрикнула и дернулась, я же молниеносно вильнул вправо, тут же влево, понесся уже скачками, что тот заяц, уходя из-под огня.

— Цела?

Ответа не было, а отвлекаться я не мог. Сзади долбоеб с обрезом палил еще и еще, мешкая только, чтобы перезарядить, пока я, виляя туда-сюда, рвался к ближайшим деревьям, что, как назло, здесь росли на приличном расстоянии от берега.

— Стоять, блядь! Завалю нах! — орал он, явно впав в бешенство.

Это хорошо, что бесится. Мало того, что обрез в принципе оружие не для дальнего прицельного огня, так еще и стрелок он был, видно, говно, да еще и психовал. Значит, руки трясутся.

Но выблядок меня все же достал. Одинокая дробина прошла мою икру, как кто раскаленным шилом ткнул. Только поздно. Я уже нырнул в лес, за толстые стволы, и теперь хуй он попадет в меня. Из минусов — сейчас я оставлял прекрасно видимый на снегу след, даже если и обычных-то было бы недостаточно. И утырок с ружьем пер за нами, явно не намеренный сдаваться. Так не пойдет.

Я побежал что есть сил, не выбирая пока направление, просто создавая дистанцию, путая следы. Как только по звуку понял, что зазорчик по времени есть, остановился, поставил еще пребывающую в паническом ступоре женщину на землю, с силой усадил к самому широкому стволу.

— Ни звука и ни шагу, поняла?

Она только пялилась на меня, начав клацать зубами. Бля, хоть бы не околела от холода, а то все зря.

— Сиди! — шикнул напоследок и торопливо покрался навстречу стрелку криворукому, что топал, как слон, и матерился на весь лес.

Я, конечно, не гребаный индеец, но и он как следопыт и охотник явно говно. Шел, почти уткнувшись рылом в след из моей крови, и по сторонам толком не смотрел. Тупая беспечная херня людей, уверенных, что оружие в руках наделяет их суперсилой, однозначно гарантирующей успех. Поэтому мне и удалось без труда обойти его по дуге, заходя за спину. Свистнул, он резко обернулся, нелепо взмахнув обрезом. Я перехватил ствол в воздухе, рванул, отбирая, и вмазал прикладом между глаз, роняя. И еще раза три для верности, вколачивая обломки костей переносицы в его тупой мозг. Все, твое время местное зверье кормить, сволота. Обыскал карманы, нашел четыре патрона, права. Забрал все и прихватил обрез. Бегом вернулся к девчонке. Та уже и трястись перестала, окаменела прям.

— А ну вставай! — дернул я ее, лишь сейчас рассмотрев, что на ней только один сапог на высоченном каблуке, такой же насквозь мокрый, как и ее шмотки.

Молча я принялся сдирать с нее одежду, и тут замороженная моя пришла в себя.

— Нет! Нет! Не надо! — замолотила опять меня куда ни попадя руками.

— Да кончай ты! В мокром околеешь мигом. В мое одену.

Слава богу, дошло сразу. Заморгала ошарашенно. Раздевать себя не помогала, но уже и не дралась.

Дрова я рубил в одном свитере, так и рванул, но я же не совсем debil и в лес всегда выезжал в теплом нательном армейском белье под одеждой. Скинув свитер, надел на нее.

— Звать как? — В ответ она только икнула. — Сколько их всего? Знаешь?

Снял штаны, наклонился.

— За плечи схватись, — командовал ей, покорно подчиняющейся. — Ногу подними! Теперь эту!

Затянул ремень до последней дырки, но все равно болталось на ней, чуть не спадая. Тощая какая-то — пиздец. Сколько ее держали скоты эти? Вообще не кормили? Отодрав от ее брошенной на землю блузки полоски, завязал низ штанин, чтобы голые ноги не торчали, и огляделся. Выругался. Как и говорил, ни хрена я не индеец и местные окрестности не знаю вдоль и поперек. А пока ломился, уходя от стрельбы, понятие, в какой стороне избушка Яра, а значит, и моя тачка, чуток потерял. Лес и лес кругом, да еще и быстро смеркается и холодает.

Надо возвращаться по своим же следам.

— Слышь, красотуля! — тряхнул я девчонку за плечи. — Сколько их было? Двое?

Она мотнула наконец головой.

— Ч... четверо, — проклацала зубами.

— Стволы еще есть у них?

— Н... не... зна...

— Ясно. Так, дальше тебя так же понесу. Ты прижимайся ко мне покрепче, не замерзнешь тогда совсем. Ясно?

Не дожидаясь кивка, опять закинул ее себе на плечи и пошел назад. На берег вылезать не буду, достаточно просто звук течения услышать, и направление нужное просеку. Главное, не нарваться на поделщиков двух мною упокоенных жмуриков.

— Если что, я тебя на снег кидаю сразу, а ты не тормози, отползай за что придется. Дерево, камень — похуй. Лишь бы не попали. Поняла?

Тишина.

— Поняла — спрашиваю?

— Угу.

— И как там ни пойдет... Вдруг одна останешься, топай вдоль реки вниз по течению и смотри в сторону леса. Постарайся тропинку там не пропустить. Выйдешь к избушке и там же моя тачка. Водить умеешь?

Вместо ответа она стала всхлипывать и затряслась еще сильнее.

— Не ной мне! — шикнул и сразу встал, как споткнулся, от хлопка железом по железу впереди.

— Вот пидоры! — прошипел под нос, уже понимая, что оставшиеся два бандюгана, видно, нашли как-то не следы нашей беготни по лесу, а те, что вели к дому камневского деда. Вот же, сука, везение!

И судя по звуку, только что пиздец пришел моему «Ленд Роверу». Хорошая тачка была. Новая почти.

И точно, сквозь деревья вдалеке заблывало красноватыми отблесками.

— Гондоны блядские!

Пробежав вперед еще немного, так что происходящее стало почти как на ладони, я снова ссадил девчонку.

— Значит так. Планы меняются, красотуля. Ты сидишь здесь. Я отойду. — Она дернулась, панически заозиравшись. — Цыц, бля! Отхожу, ты сидишь! Вернусь, будем дальше кумекать, как выбраться. Поняла? Дышишь ровно. Напрягаешь все мышцы в теле, считаешь до десяти, расслабляешься. И опять, и опять, пока не приду за тобой. Отрубаться не смей!

— А если... если... — выстукивая зубами, просипела она.

Если-если, может, и если, но чего гадать.

— От дома дорога в поселок. Далеко. Тридцать пять кэмэ. Но жить захочешь — дойдешь. Все. Жди.

Встав, я сдернул с себя еще и футболку с длинным рукавом из нательного. Я чай замерзнуть не успею, а ей все теплее, вдруг что.

На крайняк ума и желания выжить хватит небось трупы раздеть. А без трупов тут никак не обойдется. Вопрос только, сколько их будет.

ГЛАВА 5

Я пришла в себя от сильной тряски в почти полной темноте. Боль в голове и так адская, еще и это. Вспомнив, где я и что со мной, заорала что было сил и задергалась, осознавая, что руки скручены за спиной чем-то. Похоже, жесткой веревкой, которая нещадно передавливала запястья и вгрызалась в кожу. От усилий освободиться становилось только больнее. На мой вопль никто не среагировал. Истерически осмотревшись, я поняла, что лежу в багажнике. Воняло тут ужасно: бензином, машинным маслом, мочой, блевотиной и, кажется, кровью. От этого и у самой к горлу подступила тошнота, но ужас мигом прогнал ее. Мои похитители не прятали лиц! Никаких масок! Они настолько уверены в своей неприкосновенности, или же... или же опознавать их будет некому. Я не должна выбраться отсюда живой, так?

Затрясло, и я разрыдалась от страха и отчаяния. Из салона до меня доносилась громкая музыка, какие-то отвратные блатные шлягеры про тюрьмы и воров, галдеж нескольких грубых голосов и периодически циничный ржач. Паника трансформировалась в злость, и я принялась колотить ногами куда придется. Через несколько минут трясти перестало, хлопнула дверца, и вдруг мне глаза резануло ярким светом и обдало холодом. Я же так и не успела накинуть шубку.

— Пожалуйста, отпустите меня! — затараторила я, обращаясь к темному силуэту бугая, черт которого не могла разобрать пока, щурясь сквозь слезы. — Мой отец может заплатить вам! Он заплатит, сколько скажет...

Договорить мне не дали.

— Пасть захлопни, сука! — И новый удар по голове.

В следующий раз в себя меня привели хлесткие удары по щекам.

— Алло, подъем, овца! — рявкнул кто-то и хлестнул особенно жестко.

Открыв глаза, я обнаружила себя на земле. В снегу. Посреди леса. Метрах в десяти стоял огромный черный внедорожник, дверь была открыта, музыка по-прежнему орала. Надо мной нависали страшными

теньями трое амбалов, все так же не скрывая лиц, четвертый еще сидел на водительском месте.

— Вставай, сказал, бя. — Теперь один из жутких громил «слегка» пнул меня по ребрам. Наверняка сделай он это в полную силу, я бы умерла на месте, но все равно было ужасно больно, и я закричала. Никто, никогда в этой жизни меня и пальцем не трогал.

— Прекратите! Вы хоть знаете, кто мой отец? — взорвалась я снова злостью от боли и обиды.

— А то! — фыркнул один из них. — На колени вставай давай!

Тут я заметила в руках одного из них видеокамеру.

— Вам ведь деньги нужны, да? Вы меня отпустите? Мой отец — богатый человек. Он заплатит. Вам не нужно издеваться надо мной. Он и так даст, сколько скажете. И муж мой даст.

— Встала на колени, сука! — страшно заорал на меня бритый мордатый ублюдок с камерой. — Или я тебе сейчас уши на хуй отрежу, раз ты ими все равно херово слышишь!

Я сделала, что сказал, не в силах сдержать рыданий, как ни старалась.

Господи, этого не может происходить со мной! Не может! Но происходило. И с каждой минутой становилось все кошмарнее. Главный, я так понимаю, из похитителей, включил камеру и велел мне просить отца заплатить за меня. Они сочли, что делаю я это с недостаточным, как один выразился, чувством, и они принялись издеваться.

Хлестали по лицу, дергали за волосы, разорвали блузку. И снова заставили повторить мольбу на камеру. Но и этим не успокоились. Продолжили бить, оскорблять, плевали в лицо, щипали за грудь, глумились, как могли, явно входя все больше во вкус. Я рыдала не переставая, молила их прекратить, грозила, огрызалась, опять умоляла, но их все это только развлекало, судя по всему.

— Жить хочешь, да, папочкина принцесса? — разошелся совсем самый активный, на редкость уродливый тип с корявой, как после оспы, рожей. — Хо-о-о-очешь. Отсосешь мне за то, чтобы отпустили? Всем нам.

— Ну нах! — отозвался тот, что все снимал.

— Да ладно, пацаны, охуительно же! Кто еще сможет похвастать, что выебал в рот дочку самого Стального короля, а? Давай, Толян, не

хочешь сам, такними, как я ее, на память, бля.

— Ты ебанат тупой! За такую память тебе самому потом порвут и рот, и все остальное! И нас — за то, что смотрели и снимали. Одно дело — завалить, а такое...

— Ну и пошли вы, ссыкуны! Не смотрите тогда, раз бздите.

— Мужики, пора сворачиваться! — крикнул тот, что так и сидел в машине. — Темнеть будет скоро, и холодно, пиздец.

— Я быстро, — похабно фыркнул желавший поиметь меня ублюдок, схватил за волосы на затылке, вздернул на ноги и поволок за собой. — Сюда иди, шкура, а то у нас тут мальчики очкуют смотреть.

Его послали на все голоса.

— Ну, давай! — Он толкнул меня обратно на уже и так разбитые колени. — Рот открывай!

Я ничего уже не соображала от издевательств и боли. Ничего, кроме того, что я умру сразу, как он со мной закончит. Я не ошиблась — оставлять меня в живых они не собирались изначально. Я подчинилась грубо надавившей на мой затылок руке и, только ощутив чужую плоть во рту, сжала зубы.

Он взвыл, отпуская меня, и я оказалась на ногах совершенно неосознанно. Побежала. Не разбирая дороги, выворачивая ноги, чудом не падая, отчаянно дергая стянутые за спиной руки. Кажется, я кричала. Сзади грохнул выстрел, я заорала как чокнутая и побежала еще быстрее, так, что казалось, мышцы лопнут. И не успела затормозить, когда деревья резко кончились, а лес стал берегом реки с обрывом. Невысоким, метра три, но о ледяную воду я приложилась боком знатно. И ушла на глубину, беспомощная, со связанными руками, против течения. Но и не готовая сдаться. Извивалась, дергалась, надрывалась, пока меня волокло и прикладывало о камни. В глазах то темнело, то сверкало, легкие горели адским огнем, в то время как остальное тело сжирало диким холодом. Никаких картин всей жизни у меня перед глазами не пронеслось. Пришла только обреченность. Теперь точно все.

Правое запястье выскользнуло из намокшей веревки. Вдруг. Неосознанно, на одних инстинктах я взмахнула освобожденными руками, мысленно вопя от дикой боли в плечах. Рванулась к воздуху. И колотила конечностями из последних сил, пока в тело не уперлись камни на отмели. Ползла. Наверное. Дальше... все очень смутно. Меня

нашли. Догнали. Это конец. Хотя в любом случае конец: не прикончат, так замерзну. И как-то уже плевать. Больше не могу.

Но оказалось, что могу.

Одни стоп-кадры. Удар между лопаток. На щеку и плечи брызнуло горячим. Тяжесть сверху навалилась неподъемная. Не могу дышать. Исчезла. Передо мной рожа нового мучителя. Глаза бешеные, глубоко посаженные. Горят по-волчьи. Страшно. Зажал рот. Скрутил. Шипел в ухо что-то. Сначала не понимала ни слова. Потом. Вспышками. Свои. Свои. Валим. Валим? Мы? Я на его широченных плечах. Дико холодно. Везде, кроме тех мест, где мы соприкасались. Опять на земле. Бросил. Нет. Вернется. Обещал. Рванул мою одежду. Нет, только не снова! Не надо! Унял, содрал все. Я голая перед ним, но не стыдно. Плевать. Хотя глаза эти звериные шарят, будто куски от меня отхватывают уже. Одел в сухое. Душат слезы. Это так похоже на... счастье? Извращенное, неправильное, но счастье, что не бросил. Не тронул. Спас. Не радость, нет. Радость — это что-то сейчас из другого пространства. Здесь ее быть не может. Именно темное счастье. Такое же темное, как подобие удовлетворения от противно стягивающей мою кожу высыхающей крови мучителя.

Мой неожиданный спаситель зол — бандюки добрались до его машины. Он собирался опять уйти. Я запаниковала и стала цепляться за него. Он шепотом прикрикнул на меня, пообещал вернуться. И я поверила. Сразу. Говорил что-то про дорогу. Едва уловила. Велел ждать. Это запомнила твердо. Села у дерева, делала как он велел. Напрягала все мышцы, даже зубы сжимала, считала до десяти. Расслаблялась. Не понимала зачем, но делала. Он велел. Сначала ничего, кроме боли, не чувствовала. Наверное, это нужно, чтобы и правда не отключиться.

Со стороны пожарища слышались крики. Сердце замолотило. Выстрелы. Мозг прострелило импульсом бежать отсюда сломя голову, но нет. Напрячь все мышцы, считать до десяти, расслабиться. По нервам — страх ледяными искрами, но при этом по всему телу — подобие тепла. Оно уже не так скованно. Снова выстрел. Крик. Жуткий очень. Хрип. Тихо. И внезапно — бабах! Вспышка осветила лес, доконав меня, и, подорвавшись с места, я рванула. Попыталась. Жесткий захват поперек талии. Земля исчезла. Мои ноги замолотили в воздухе. Забилась в бесполезном усилии вырваться, вопя во все горло.

— Тихо! — рыкнул знакомый хриплый голос у самого уха, и во мне как тумблер сработал. Повисла тряпкой в его захвате. — Я тебе сказал сидеть. Куда собралась?

Он не спрашивал даже. Перехватил мое безвольное тело поудобнее, разворачивая к себе, и опять понес. А я уткнулась лицом в его голую грудь. Сильно так, что даже в носу хрустнуло, и обхватила руками. Сжимала их, сжимала. Будто судорогой свело.

Неожиданно мой спаситель остановился и стал меня от себя отцеплять. Нет, только не еще раз! Я не могу больше без него остаться! Борюсь с ним, цеплялась еще сильнее. Вжималась губами в его кожу где попало. Не целовала. Прилипала, удерживая контакт еще и так.

— Да что же ты творишь-то! — рыкнул он, опуская меня на что-то и наваливаясь сверху. Давая шанс теперь еще и обвить его ногами. Огромного, твердого, нужного до истерики.

ГЛАВА 6

В абсолютно пустой башне грохотало набатом одно: «Я ебнутый извращенец, пиздец-пиздец-пиздец!» Грохотало громко, отчетливо, никакой, блядь, двусмысленности.

Но это никак не помогало. Оно гремело где-то там, рядом с нормальностью, куда мне сейчас была только одна дорога — через содрогающееся от моих бешеных толчков женское тело подо мной. А чтобы добраться туда, нужно кончить. Край нужно. Дышать не нужно, а кончить — да. Поперло внезапно, еще когда схватил ее, ломанувшуюся в панике от взрыва, и прижал к себе. И тут же как разрядом ебнуло от яиц и до мозгов, прошило так, что аж мотнуло, как вдатого, — с места и в говнище, как от выстрела в черепушку.

На адреналине всякая херня с людьми происходит, знаю, помню — чего только не повидал в Чечне, но справиться с собой это ни хера не помогало. У меня встал от тисканья женщины, чьего имени даже не знаю. Паникующей, трясущейся совсем не от возбуждения. От страха. Не передо мной. Но это разве что-то меняет? Да только похуй. Я только что захерачил двух ушлепков: одного залпом с обоих стволов в грудь, второго удушил, повалив мордой в снег. Думал, больше такого никогда... Да срать на это сейчас! Мы посреди долбаного леса, на морозе. Машина полыхает. Черт знает, как выбираться из всего. Она избита, напугана, может, даже прошла через насилие... да только этому гаду внизу плевать. Тварь такая! Сколько времени головы не подымал, разве что спросонья, а теперь... И дело ведь не только в нем. Не только.

У меня аж челюсти свело от похоти. Лютой. Вгрызшейся в меня с той же свирепостью, с которой я только что убивал. Такое насмерть. Непобедимо. А все из-за нее. Девчонки этой. Впаивалась в меня вся, будто оторви — и смерть ей. Но надо бороться. Надо.

Развернул девчонку так, чтобы, сука, стояком ей спину не подпирать, да только она с этим уебком озабоченным как сговорилась. Обвилась по новой, прижалась вся, будто нужнее меня никого и в мире нет. Мне этим так вставило, что штормить прям начало. Попер чуть не бегом до бани, скрипя зубами. Я нормальный мужик, нормальный, а

помирать от желания трахнуть женщину в таком состоянии ни хрена не нормально. Это пиздец как уебищно. Скотство. Мразью последней быть надо.

Пинком дверь открыл, влетел в темноту, отцепить ее попытался, оторвать от себя. Пару вдохов без прикосновений — и попустит. Должно.

Да только без шансов. Моя спасенная вскрикнула тонко, отчаянно и цепляться стала вообще неистово. Я ее на лавку спихивал, а она карабкалась на меня, ногтями царапала, впиваясь, ногами обвивала. И по коже на груди ртом. Открытым, жадно, бездумно, задевая зубами, будто пила, давясь, или еще и так удерживать хотела. Не удержала. Не мог я больше держаться. В мозгу взорвалось, заполыхало, по мышцам током шарахнуло, колени подрубило, роняя на нее. А она как и ждала этого. Выгнулась, извиваясь, принимая, как будто водой, тоской голодной была. Пятки в поясницу вогнала, в плечо укусила. Я рыкнул, сатанея совсем, сгреб волосы на ее затылке пятерней, вынуждая отпустить. Пока отпустить. Потом пусть хоть загрызет. Подорвался под ее жалобный всхлип. Схватил за брючины, легко вытряхнув ее из своих штанов. Рывком задрал ей свитер. Так же резко сдернул с задницы нательное вместе с трусами. Член по животу что та дубина резиновая шлепнул. Навалился обратно, уткнулся мордой в изгиб ее шеи, присосался, наверняка оставляя след, и рванулся в нее. Туго. Горячо. Сухо. Больно. И мне, и ей. Ну остановись же ты, дебил. Не хочет ведь, не хочет. Она не хочет, а я, блядь уже не могу. Я весь, каждым нервом и мыслью, там, в этом пробивающем себе путь в ее не готовую плоть стволе. Я даже чуть сдать назад не могу. И она не может, потому что держит, ногти в плечи вгоняет, открывается шире, сама насаживается. Трясаясь и скрипя зубами, качнулся раз. И еще. И моя спасенная-жертва потекла. Моментально, щедро, аж захлюпало. Я чуть сразу и не обкончался. По головке как маслом, шелком, жаром, жадным захватом разом. По нервам — чистым кайфом ее стонами. По мозгам мне осознанием, что вот так, остро, жгуче, по-живому, охуенно, не было... не было никогда. Не помню уже.

Замолотил бедрами, окончательно съезжая крышей от хриплых криков моей незнакомки. От того, что внутри она сжималась вся, как если бы и так еще удерживала, не отпускала.

Сраная лавка слишком узкая. Уперся ладонью в стену, а одной ногой в пол, чтобы врываться в нее еще сильнее, еще... еще... Каждым толчком до упора, так что глубже — нереально, только порвать напополам. С оглушительным в замкнутом пространстве чавканьем плоти о плоть, мокром, пошлом, от которого сатанел.

Моя девочка задохнулась, задрожала вся мелко-мелко, и мне до смерти в тот миг захотелось увидеть, как она кончает. И тут же накрыло и самого. Дергало и гнуло, как досуха выжимая. Думал, весь скончаюсь. Повалился на пол на бок, что бы не задавить. Лежал, пялясь распахнутыми глазами в темноту, а меня все прошивало и прошивало спазмами, выдавливая хрипы. И так до тех пор, пока не услышал всхлипы.

— Что я сделала... — клацая зубами, пробормотала моя неожиданная любовница. — Что сделала...

— Успокойся, — просипел я, поднимаясь. — Это нормальная реакция на страх и все такое. Ну, в смысле все херовое надо поменять... бля, заместить чем-то приятным. Как-то так.

Ага, психолог из меня невдолбенный.

— Не нормальная! — сорвалась она уже на крик и вскочила, сходу начиная рыдать. — Ничего тут нормального! Как мне жить теперь?!

— Так, ясно.

Подтянув на место нательное, я быстро вышел из бани, в свете костра из моей тачки нашел водку в снегу.

Вернулся, торопливо нашарил керосинку и спички, зажег и вернулся к ней. Она... Блядь, вот ты скот, Колян! Имени не спросил, а отымел так, что ноги у самого до сих пор трясутся, да и у нее завтра не факт, что сходитья запросто будут. Девушка съежилась у стены, качаясь, и рыдала взахлеб, бормоча свои «как жить».

Взял ее за подбородок, она дернулась вырваться, глаза заплыли от слез и побоев, горят безумно, губы опухли и треснули. Урод, ну какой же я урод! Удержал, нажал на челюсть с двух сторон. Заставил пить. Она вырывалась, давилась, кашляла, обливалась, била меня по рукам. Лягнуть даже пробовала.

— Пей, сказал! — рывкнул на нее.

Влил в нее где-то стакан. Поднес к своим губам горлышко. Но пить не стал. Мне сейчас ясный мозг нужен.

— Как зовут тебя?

— Ал... ик... Александра.

Александра. Сашка у меня тут.

— Так, успокаивайся, Сашка. Я тебя закутаю сейчас, тепло нам организую. Отдохнешь чуть, и поутру пойдем тачку этих гондонов искать. Выбираться надо.

— Ты их... всех? — Она пыталась на мне взгляд сосредоточить, но, видно, алкоголь уже врезал по мозгам, и голова ее непроизвольно откидывалась, а взгляд съезжал.

— А оно тебе надо — знать? Спи, сказал.

Сашка будто ждала команды, обмякла, невнятно бормоча и закрывая глаза, и меньше чем через минуту совсем затихла, скрутившись клубком.

Я бегом смотался в самую избушку, загреб там шкуры, одеяло ватное — короче все теплое. Так же рысью вернулся, обернул Сашку так, что бы из плотного кокона и макушка не торчала. Дал чуть времени пригреться, опять метнувшись в дом. Набил печку щепками, запалил. Чуть только тепло пошло, перетащил девчонку из бани.

Нафигачил дров, как разгорелось, и через полчаса в доме была теплынь. Воздух прогрелся, хотя, конечно, все было настывшим и для настоящего комфорта понадобится время. Но мы-то тут чисто до утра — сил набраться, потом двигать надо. Решив не откладывать досветла, оставил Сашку сопеть в клубке одеял, пошел на улицу — говнище всякое прибрать надо.

Мой «Ленд Ровер» уже догорел почти полностью, подмигивая мне редкими всполохами. Пидоры, вот как есть, на кой было первым делом в движок стрелять? Хорошая же тачка была.

Морщась от брезгливости, обыскал, раздел трупы, покидал шмотки в костер, что они же устроили из моей машины, чуть оживив пламя. Оставил только на всякий случай ключи, доки, какие нашел по карманам. Надо быть в курсе, с кем дело имел.

Подхватил под мышки уже коченеющую тушу ближайшего беспредельщика, потянул по тропинке к реке. Бросил в воду. Второго туда же. По камням протащит, да рыбы со зверьем понадкусывают, и даже если кто найдет, то ни хрена не опознают. Да и опознают, нам-то с Сашкой что? Небось по друзьям-родным оповещения не делали, что повезли девчонку в лес кончать. Хотя вопросов даже по тому, что я успел услышать тогда на берегу, рождалось до фига. Девочка она не

простая, они ее не от похотливой прихоти схватили явно, не поразвлекаться в лес завезли, хотя и такое сплошь и рядом стало в нашем ублюдском мире твориться. Я четко слышал, что снимали видео, значит, похитили ради выкупа. Вот только, судя по всему, возвращать Сашку не собирались. Передернулся, вспомнив, что один сученыш велел другому отрезать ей пальцы с кольцами. Вот ведь... Голыми практически руками замочил четверых, а в душе и не шелохнулось нигде. Ни сочувствия, ни сожаления, даже настоящей злобы не было. Злоба, она в таком деле лишняя. А жалеть... Родителей таких вот гадов жалко, да. Но ведь не моя вина, что такое из их детей выросло, и уж они ничьих родных-близких не жалели никогда. Вот от мысленной картины, как тот гондон пальцы Сашке режет и камнем голову разбивает, в груди клокотать начинало и хотелось еще раз их всех...

Вернувшись со службы на Кавказе, я вроде как заблокировал в себе воспоминания о том, какими зверями способны быть люди, что творить с другими людьми. И как легко убивать таких. Как неестественно спокойно на душе при этом. Легко быть чудовищем, уничтожающим других чудовищ. И я почти стал верить, что это самое чудовище во мне издохло от нормальной жизни. Ну или уснуло навечно. Но ни хрена. Ни хрена! Только почуяло оно опять перед собой новых монстров, и вылетело. Ни тормозов, ни единого сомнения. Так что смирись, Шаповалов, зверь ты по натуре. Зверь и изврат теперь еще, у которого на нормальных баб не вставал, а на избитую, перепуганную, отчаявшуюся встал до темноты в глазах, до полного неадекватности. Потому что и она вот такого монстра захотела? Нуждалась в нем? Ну так это ненадолго. Это пока не соображала от страха ничего. Вон сразу и пожалела.

Так, спокойно! Об этом потом. Вывод из того, что увидел и услышал: Александру похитили не ради бабок. Или не только из-за них. Скорее всего, она — жертва для устрашения кого-то. Нагнуть надо кого-то несговорчивого, видимо, а это уже сильно серьезно. Эти четверо так, никто, быки, исполнители. За таких не мстят в основном, но мало ли. Если заказчик упертый какой, то с него станется послать еще бойцов, объявись девчонка живой-здоровой. Есть у нее кто, на кого можно положиться? Кто прикроет, защитит?

Тупой вопрос, Колян. Был бы такой, она бы сейчас в камневской избушке не лежала. Хотя кто угодно может налажать, не уследить.

Не можешь — не берись тогда, дебил! Бесит аж!

Ладно, разберемся. Разберусь сначала, что она за девочка, чья, а потом и выводы делать и решать буду, вернуть или...

Пока волок второго амбала к реке, погода стала быстро портиться и повалил снег. С одной стороны, хорошо: хрен следы и че тут было разберешь. А с другой, я опять же ни черта не следопыт, и шанс отыскать остальные тела и машину бандюков поутру резко снижался. А найти надо по-любому. Мало того, что нам с Сашкой нужно выбраться, так еще и нечего тут колымаге и трупам делать в принципе. Слишком близко к дому яровскому, а значит, палевно. Подставлять никого мы не будем. Но до утра все равно ничего не сделать больше.

Набрав дров, я вернулся в дом, обтерся, оделся, погасил лампу и сел у окна наблюдать за окрестностями и дорогой, пристроив на подоконнике обрез и ТТ, добытые у бандюков.

ГЛАВА 7

Глаза никак не выходило открыть. Как и сразу вспомнить почему. И отчего моя обычная в последнее время головная боль сегодня была просто адской. Застонав, я хотела откинуть одеяло, под которым было очень жарко, но тут же вся и похолодела, поняв, что толком и шевельнуться не могу, а усилия сделать это провоцируют вспышки боли повсюду. Кроме привычной ломоты еще и жгучие очаги на ребрах, плечах, коленях, правом боку. Саднит, будто отбитая, поясница, спина, тянет низ живота. Между ног слишком влажно и так...

Вскрикнув от остроты нахлынувших разом воспоминаний, я задергалась, впадая в панику от невозможности двигаться.

— Тихо ты, Сашка, — раздался хриплый голос моего вчерашнего спасителя, а заодно и любовника. — Нормально все.

Нормально. То же самое он мне твердил и после того, как... изнасиловал? Нет, неправда это. Воспользовался моим неадекватным состоянием? Опять же не совсем так. Я, конечно, истерила, но когда все началось... когда он рывками содрал свои же вещи, стал входить в меня, распластав на той узкой лавке в темноте, когда моя бешеная нужда держаться за него, как за обещание, гарант того, что уже все, больше не тронут, и боль от его чрезмерного, беспардонного вторжения и давления твердой поверхности подо мной смешались, превращаясь... в безумие, зверство первобытное... От которого реально захлебывалась остро-жгучим удовольствием.

Хотя что за определение «удовольствие»? К моим ощущениям оно так же подходит, как сказать, что внутри солнечного протуберанца тепло. То, что было... оно скорее пытка, мучение, но именно от него я едва не умерла, кончая. Разве это нормально? Разве это там вообще я была?

Я замужем, я люблю своего Гошку, я хочу только его, я терпеть не могу грубость в принципе в жизни, а уж тем более в постели. То есть... я люблю только так, как у нас было с мужем, никого ведь больше...

Господи, Алька, о какой безумной хрени ты сейчас думаешь? Люблю, хочу...

Меня похитили, издевались, почти убили. На моих практически глазах незнакомец прикончил четырех человек. Хотя разве они были люди? Скоты.

А дальше... Скотство заразно, да? Иначе как объяснить то, что случилось дальше. Что я, по сути, отдалась, а он взял... Ни про какое это не «люблю и хочу». Это другое все. Категории, вселенные даже разные. В обычной жизни такого не бывает, слов для этого я и не знаю даже.

— Ты в порядке? — наклонился мужчина надо мной, еще плохо различимый в сером предутреннем свете.

Все, что я запомнила и видела сейчас, — он огромный. Бритая голова. Плечи, на которых нес меня, широкие, мощные, как валуны. Ладони, которыми удерживал, здоровенные, твердые, горячие очень. И он тяжелый. Сильный до жути. Пах снегом и потом. И сгоревшим порохом. И внутри меня его тогда было так много... Внутренние мышцы сжались, добавляя тягучей боли в животе и там, в сокровенной глубине тела... такой, черт возьми, глубине, где никогда прежде я не чувствовала... никого. А сейчас... Там болело, но не так, что хотелось замереть, расслабиться, переждать, пока схлынет. Нет. Невольно тянуло сжимать мышцы там снова и снова, переживая эти волны тягучей болезненности. Как чесать укус комара. Безумие, как есть разрушительное безумие.

— Я... — вышел какой-то сип, и снова прошило болью. Совсем другого свойства. Губы, треснувшие, болели, горло, ребра. — Мне нужно...

— Сейчас, — мой спаситель нахмурился. Кажется. Мне так почему-то показалось, пусть света и было недостаточно, когда он стал разворачивать меня, как спеленутого ребенка. — Ведро вон там в углу, — он кивнул в нужном направлении. Реально ведро. С крышкой.

— Что? — оторопела я.

— Я не буду смотреть, не хипишуй.

— Я не могу...

— На улицу не хрен шастать. Потная вся со сна, — с легким раздражением ответил он.

— Я не буду при тебе! Я замужем вообще-то! — черт знает зачем и выпалила это. Очень вовремя вспомнила. К месту. И не плевать ли ему?

— Угу. Замужем, — шумно выдохнув, кивнул мой спаситель.

— Я... я не знаю, как вышло... это.

Он только молчал и смотрел. Глаз и выражения лица в полумраке не разобрать, но у меня аж мурашки рванули.

— Я никому не скажу... ни о чем, — проямлила, все более теряясь под его невидимым, но физически тяжело ощутимым взглядом.

— Думаешь, меня е... волнует? Сдохли и сдохли. Мрази.

— Я не только про... этих. Мы там... будем считать, что не было... ничего.

— Не будем, — отрезал он, пугая меня. — Вставай.

Не дожидаясь, пока послушаюсь, он отбросил тяжелый край шкуры и рывком поставил меня на ноги. Стало стыдно до удушья. Сверху его свитер, ниже пояса ничего. Ничего не видно «такого», но я в жизни себя более голой перед посторонним человеком не ощущала. А приток влаги между ног... Само собой, ни о каком предохранении в момент вышибшего мне мозги безумия я не вспоминала. Хотя вспомни даже, будто бы это что-то поменяло в э-э-эм-м-м... процессе. С Гошей мы всегда пользовались защитой. Он отказывался доверять только мазям и таблеткам. Странно даже, до чего он боялся моей беременности. Боже, Алька, о чем ты опять? Мы же сто раз все это обсудили, переговорили. Наши дети не должны были родиться пока просто потому, что кому — то кажется, что пора. Во-первых, нам рано, мы же никуда с этим не торопимся. Во-вторых, хватит и того, что мой отец давит на меня и Гошку. Не хватало еще и им это терпеть. Пока мы не станем совсем независимыми, никаких детей.

Внезапно подумалось... это выходит, что мы с Гошей ждем смерти моего отца? Ведь так? Почему именно сейчас осознанием накрыло?

— Сашка, отомри. Быстро давай дела свои делай, — заставил меня вздрогнуть его голос.

— Ка... как вас зовут? Или мне лучше не...

— Николай.

— Понятно, — встав на ноги, я охнула, поняв, что у меня, похоже, подвернута правая нога.

Поковыляла к ведру, говоря себе, что, наверное, и не смогу. Оглянулась на Николая. Он отвернулся и как раз загружал дрова в

небольшую печку. Присела, едва дыша от стыда. Даже если он не видит, то не глухой же! Но организму было плевать на мою неловкость. И после всего... что было, еще такого стесняться?

— А нет... салфеток влажных? — робко спросила, морщась от липкости между ног.

— Были. В машине.

Мужчина подошел к сумке на лавке и, порывшись в ней, достал серую футболку.

— Хорошо хоть барахло сразу достал, — сказал он, намочив край трикотажа в котелке на печке. — Босиком не стой на полу!

— Я вам все компенсирую, — выпалила, попятившись, когда он подступил ко мне. — Спасибо вам. За все. Я отблагодарю. Никому не расскажу. Никогда.

— Сядь, — кивнул он на лежанку.

— Я сама, — схватилась я за мокрую ткань. — Не нужно больше... ничего такого.

От его близости мне моментально стало жарко, сердце замолотило, и снова в низу живота стало тянуть и внутри сжиматься.

— Сядь, говорю. — Николай мягко, но так, будто и не было сопротивления с моей стороны, толкнул меня в грудь, опрокидывая на лежанку. — Посмотрю, чего натворил. — И опустился на корточки напротив.

— Что? — Я подтянула ноги к себе, зажимаясь. — Все в порядке, не... не нужно.

— Сашк... Кончай это, — уронил так... тяжело, окончательно, что ли, что я, сама не знаю почему, подчинилась.

Безропотно позволила ему развести себе бедра и всего раз дернулась, стоило ему первый раз провести по коже влажной тканью. Задержала дыхание, зажмурила глаза, твердя себе сквозь бешеный грохот крови в голове, что это ничего не значит, что сейчас все закончится, что, в принципе, ничего такого не происходит...

— Сашка, не психуй, дыши, — хрипло пробормотал Николай, проводя между моих ног снова и снова, и с каждым движением это все больше напоминало ласку, или просто я подвигалась умом от невыносимой нереальности ситуации. Такого не может происходить со мной! Не может! Не снова! — Это нужно. Не держи себя. Бесполезно.

Что? Что нужно?

Жадно хватнув воздух, вместо него я вдохнула будто живой огонь, что вмиг промчался с током крови повсюду. Спину выгнуло конвульсивно. Я стукнулась затылком о стену за спиной и застонала. Пошло, как какая — то...

— Больно? — Голос мужчины уже напоминал скрип.

А мне было больно. Больно от того, что заживо загорелась. От того, что внутри все узлами связало мучительными в... предвкушении? Чего? Того, что он опять будет во мне? Как это опять может происходить со мной? Как я, замужняя женщина, могу на пустом месте, ни с чего вот так начать задыхаться от желания к незнакомцу? Не от желания, нет. От лютой похоти. Безотлагательной.

— Ко мне иди! — рыкнул Николай и дернул за руку, практически роняя на себя.

А я... я потянулась трясущимися руками к его ширинке. Рывками растегнула его штаны, не глядя, запрокидывая голову и подставляясь под его жалящие поцелуи. Окончательно поплыла от его хриплого стона и от ощущения мощного ствола, что стиснула загребущей ладонью. Слепо шупала его, ловя пальцами пульсацию в выпуклых венах, размазывая его влагу по массивной головке. И заорала до боли в горле, когда Николай приподнял меня, как невесомую, и насадил на себя. Так же, как в первый раз. Разом, до конца, с болью и взрывом чистейшего кайфа в каждом моем нервном окончании. Меня мотало, как безвольную тряпку, пока он врывался снизу снова и снова, толкаясь так мощно, что мои колени отрывались от пола. Пусть я и была сверху, но абсолютно ничем не управляла. Он брал меня, как сам хотел, порывивая по-звериному в мою кожу что-то матерное про то, какой кайф быть во мне. Долбил, как одержимый, с силой насаживая на себя. Заставляя кричать и кричать от чрезмерной наполненности. Улетать от того, что во мне не могло уместиться столько ощущений разом. Я взорвалась, забившись в его захвате, а Николай замер, вдруг отстранившись, и смотрел, как меня колотило в оргазме, смотрел неотрывно, и со мной это творило нечто совсем безумное. Я обмякла, задыхаясь от мучительного удовольствия, которое он продлил, сорвавшись в совершенно бешеный темп, доводя себя до финала. И кончая в этот раз, он выстонал мое имя.

Боже, что же я творю?

ГЛАВА 8

Поздняк метаться, Колян. Вставило тебя. Реально так. Сходу. И похер, что прежде такого не случилось. Не осознать, что случилось, невозможно. Ведь если никогда в жизни в яму с кипятком не проваливался внезапно, то совсем не значит, что ты станешь сомневаться, что это она, когда там окажешься. А я, сука, в кипятке. По макушку. Стоит только к этой Сашке приблизиться. Прикоснуться. Уловить, как она на меня отзывается. Сразу как разрядом по моим тормозам шарашит и вырубает их, отпуская лютую похоть с цепи. Один вдох — и понеслась. И с ней та же херня. Пусть и сопротивляется, стыдом давится, опоры ищет, чтобы тормознуть. А нет ее. Как и у меня. Ни опоры, ни оправдания больше в виде первого адреналина в крови. Это просто есть между нами. И от этого еще все жестче и горячее. Вот только кончил, еще в ней, а все равно голодный. А надо ведь мозги включать и выбирать. Выхаживать Сашку мою, разбираться, что да как. Муж еще какой — то где — то на задворках маячит. Сейчас, когда мы здесь, она ко мне прилипла, — на задворках. А потом хер знает, еще надо будет постараться его куда подальше отправить.

Стоп. Надо? Кому надо? Мне?

— Вот так это происходит, да? — подрагивая еще, пробормотала Сашка в мою потную шею.

— М? — Вставай, Колян, поднимай жопу с пола. Ну! Нужно, пусть и охереть хорошо и вот так.

— Измены. Когда говорят, что сами не понимают, как и случилось. Будто и не с ними все это, как другой человек это был. Теперь я понимаю. — Не-а, не понимаешь. Пиздеж все это галимый. Никакой не другой человек. Ты, ты это сама была, и тебе это было нужно, как и мне, сильнее, чем дышать. Почему — вопрос десятый, на потом, и, в принципе, мне пох. Важно то, что все, что тут было, — оно настоящее. Острое, жгучее, живое. Для обоих. — На пустом месте. Это же просто невозможное что-то.

Сашка заерзала, и я таки поднялся вместе с ней, хоть и со скрипом. Усадил аккуратно на край лежанки, поймав ее легкую

гримасу дискомфорта. В грудь кольнуло стыдом. Но не сожалением. Нет. Я должен, конечно, если по-людски, сожалеть. Она и так измучена, а тут еще я ее затрахиваю, как животное обезбашенная какая — то. Но не выходило сожалеть. А вот хотеть опять — легко. Оголодал. Да. Но не только. Зверел-то я окончательно не только потому, что мне мозги внезапно вернувшийся стояк подпирал. Дело в Сашке. В ее отклике. На тысячу процентов настоящим. Бля, тормози!

Намочил опять футболку в горячей воде и протянул девушке. Пусть уж и правда сама в этот раз. А то снова в себя придем, только когда кончим.

— На пустом месте ничего не бывает, Сашк.

— Что?

Нет, мы пока тему эту развивать не станем. Вон как вскинулась, глазами опухшими сверкнула в гнев праведном, губешки потресканные затряслись. Не оскорбляю я тебя, дурочка. Просто версию твою о том, что и второй раз вставило ни с чего, поддерживать не намерен. Потому что точно знаю: подойду сейчас, трону — и вставит и в третий. И еще.

— Расскажи мне все о похищении, — велел, переключая ее, и чуть не пожалел.

Сашка вся как замерзла. Взгляд остекленел, лицо, на которое я столько пялился ночью, отходя со своего поста у окна, мучительно соображая, почему улавливаю что-то знакомое, исказилось.

— Не реви! — рыкнул, и она вздрогнула, будто хлестнул ее, но так даже лучше. Нечего ей все заново переживать.

— Я не... рассказывать толком нечего. Около фитнес-центра вышла из машины, а тут они затормозили рядом. Вырубили. Очнулась первый раз в багажнике. Кричала, стучала, ударили снова. Потом уже сразу лес. На ко... — она судорожно вдохнула, и вздрогнула, — на колени поставили. Стали видео записывать. Потом... один... в общем, я вырвалась чудом. Побежала. В речку упала. Потом нашли опять на берегу. И сразу ты. Спасибо те...

— Что они велели говорить? — спросил, подходя и забирая мокрую тряпку, когда она заозиралась рассеянно, ища куда ее деть.

— Что? — встрепенулась она.

— Укройся, застынешь, — кивнул ей обратно на кровать. — Можешь точно вспомнить, что и кому они велели говорить?

— Я... что-то про то, что нужно сделать все, что они хотят. Иначе меня станут пытаться и все такое.

— Конкретно про деньги было?

— Я не... не помню. Вроде нет.

— Адресовалось все кому? Мужу твоему? Он у тебя кто?

— Гоша? — Да пох, как его там. — Он никто. — А вот это хоть и оговорка, но душу прям согрела. — То есть... дело тут в отце моем. Гоша сейчас просто бизнесом его управляет, пока отец в больнице.

— Отец кто?

— О... Ольшанский...

— Иван Палыч? — Сашка рвано кивнула, зарываясь в одеяло-шкуру по самый нос.

Вот, значит, как. Дочь Стального короля тут у меня.

Вот почему мне знакомой показалась. Он же «Орион» нанимал безопасность на свадьбе ее обеспечивать, когда я только пришел к мужикам туда. Веселая была свадьбка: народу пару тыщ гуляло, бабки рекой, пыль в глаза, ну все как полагается на мероприятиях такого уровня и у таких конкретных людей. А мне там веселья особого не было. Ибо чуть не опозорился при всем честном народе, потому как на невесту у меня случился стояк просто бешеный. Скотский какой — то просто. Я этот зуд потом три дня по саунам унимал. А все потому что Александра Ольшанская выглядела в том белом воздушном платье как адово искушение для меня. Никакого обоснуя для этого, но до красной пелены перед зенками. Личико куклячье, по-настоящему куклячье, детское такое, наивное, а не потаскано-отштукатуренное. С глазищами, счастливыми, сверкающими, огромными, в пол-лица. Светилась вся изнутри до такой степени, что почудилось — от земли оттолкнется и улетит. Нечем ее земле этой удержать, нездешнее она нечто, волшебное, бля. Зато формы такие, что яйца сразу что те камни загрыюкали и мозги в кашу. Дал бы кто волю, я б ее мигом сожрал. Содрал, как зверь, все это белое, пушистое и зубами, языком, пальцами, членом гудящим — в плоть.

Камнев просек тогда, что у меня с какого-то хера башня перекосилась, и отправил в офис от греха подальше. А вот Боев, конечно, не упустил шанса обстебать, когда вместе оттягивались. Сказал, гогоча, аки конь тыгыдымский, что теперь точно знает, какие ебнутые маньяки на рожу бывают.

Александра Ольшанская. Вот оно как. Сделала жизнь кружок в пять лет, и все равно ты подо мной оказалась. Как не узнал-то тебя? Ясно дело, после уродов тех лицо опухшее, измученное, зареванное, но все равно... Что-то изменилось прям радикально. Исхудала, смотреть больно, но не в том суть. Я ведь тогда не столько черты ее запомнил или на фигуру там запал. Нет. Другое это было. То самое сияние в глазах, в ней всей, как свет солнечный, что мне после мрака недавнего на службе божьим даром показался. Чудом каким. А после того, через что прошла, какой там свет и невесомость. Вот и не узнал. Или все же узнал. Тем самым нутром звериным, что все эти годы молчало, угомоненное спокойной жизнью. Оно и тянется к ней с бешеной силой, учуяв желаемое даже в обход разума и осознанной памяти. И вот вопрос на миллион: есть хоть один шанс из этого самого миллиона, что теперь, заполучив, испробовав, заграбастав, монстриная моя сущность согласится ее отпустить? Отдать. Гоше, блядь.

Хер ему. По всей морде холеной.

— Так, Сашка, давай-ка сейчас пожрем и начнем рядить тебя во что есть. Будем двигать отсюда.

— Да, — закивала она как-то очень нервно. — Мне домой нужно очень. Папе нельзя волноваться, сердце у него, и Гоша мой с ума сходит.

Сердце — это серьезно, а вот на Гошу твоего срать мне. Жратву, что я покупал, из машины вытащить не успел, к сожалению. Но вот в подполе в избушке яровской всегда можно откопать чего на черный день. Я внимательно еще раз оглядел в окна подступы к дому и только после этого полез в подвал. Нашлась-таки пара банок каши с мясом. Значит, будем топтать не с пустым брюхом.

Поднялся, открыл, разогрел, кумекая, как лучше нам выдвинуться. Оставить Сашку и разведать, где тачка? Не, не вариант ее бросать тут без защиты. Мало ли что. Вместе пойдем. Или на себе понесу, не надорвусь — вон кожа да кости. Кстати, с хера ли, если не держали ее долго и голодом не морили? Я же помню, какой была. У-у-у-ух, какой. Аж пальцы тогда крючило от желания тискать ее такую охуительно мягкую на вид грудь и попу. Ладно, с этим тоже разберемся.

— Так, давай есть, — обернув банку в тряпку, я подал ее Сашке.

— Нет, — замотала она головой. — Не смогу я. Меня вырвет.

Я прищурился раздраженно. Что, дешевая еда простых смертных не для воздушных принцесс? Но тут заметил, что у Сашки весь лоб в испарине и ее явно потряхивает. Взгляд какой — то бегающий, будто ни на чем сосредоточиться не может. Заболела все же. Отставил еду, потрогал ее лоб. Жара не было, наоборот, холодная какая-то. От прикосновения дернулась, будто у нее кожа болела, простонав «Тошнит». Нахмурившись, поймал пальцами за подбородок и поднял лицо к себе, опознавая поганые симптомы.

— Ты на чем сидишь, кукла? — прорычал сквозь зубы, глядя на ее расширенные до предела зрачки.

ГЛАВА 9

Плохеть мне начало стремительно, стоило поостыть после нашего взрывного секса. Боль в мышцах, ломота в суставах, глаза режет, пот липкий, потряхивало все сильнее. Как будто и так не было паршиво. И физически, и морально. Господи, жила двадцать пять лет и не знала, что шлюха. Озабоченная самка, что сама бросилась на чужого мужика. Позволила поиметь себя, как... Черт, для этого похотливого зверства, жесткости, от которой я вдруг вся становилась как всеми и каждым нервом наружу у меня и слов не было. И это при живом-то муже! И ладно бы один раз! За повторение мне было стыдно до удушья. Стыдно. Больно. Но ничему из этого не выходило полностью уничтожить осознания, что я этого хотела. Сама. Так что всю ломало, тянуло и выкручивало, стоило Николаю до меня дотронуться посильнее, чем сейчас от этой дурноты.

— Я спрашиваю, на какую отраву ты подседа?! — снова рявкнул мой спаситель, пугая меня.

— Я не... не понимаю, о чем ты! — рывком я освободила подбородок. Хотела отодвинуться, да некуда. Лежанка узкая, спиной уже в стену уперлась.

— А ну мозги мне не еби! Я слепой, по-твоему? — разозлился он еще сильнее.

Сейчас уже стало светло, и я могла нормально рассмотреть его лицо. Совсем не мальчик, больше тридцати точно. Темный ежик волос, крупные, такие значимые, что ли, почти грубые черты. Глубокие, явно от привычки все время хмуриться, морщины на лбу, на виске вздулась и пульсирует вена, мрачно прищуренные темно-карие глаза глядят остро, будто не то что насквозь меня видят, а вообще на мельчайшие составляющие разбирают, кромсают и при этом поглощают. Страшно. Потому что нельзя чувствовать на себе такой взгляд-ультиматум и никак не реагировать. Нужно или отдавать что-то... себя... вообще все, или же бежать в панике. А мне бежать некуда. И что хуже — я не нахожу в себе этого желания. Бежать. А вот отдать... Господи, что же творится со мной? Как такое объяснить? А оправдать?

Николай не стал дожидаться моего ответа, схватил за руку и задрал рукав своего же свитера на одной моей руке, зыркнув на бледную кожу цепко, потом тоже самое сделал со второй.

— Да что ты... — попыталась отбиться я, когда он еще и ступни мои осмотрел так же бесцеремонно. — Какого черта?!

— Что, Сашка? Герыч? Кокс? — Он теперь схватил меня за волосы на затылке и запрокинул голову, чуть шею не свернув, осмотрел мои ноздри. — Значит, колеса какие-то, да?

— Ты рехнулся? — выйдя из себя, я его пнула, вырываясь. — Я не наркоманка!

— Ага, в уши мне не дуй, кукла. Тебя ломает, скажешь нет?

Он выпрямился и теперь смотрел на меня сверху вниз настолько подавляюще, что удивительно, как у меня позвоночник еще не сломался.

— Нет! То есть... это не то, что ты себе придумал. Я принимала таблетки специальные. Стимуляторы, что бы есть не хотелось, но оставались силы. Похудеть хотела. Ничего такого!

— Да пиздец, совсем ничего такого. А колошматит тебя просто от недостатка этих ебанных витаминок, да? Ты совсем дура? Где ты брала эту хероту, а? Как твой, сука, муж тебе такое позволил?

— Да при чем тут Гошка? — не выдержав его агрессии и нападок на близкого человека, закричала я в ответ. — Он ничего не знал!

— Охеренно! Отношения у вас, смотрю, высокие, — скривился Николай так презрительно, что меня затошнило еще сильнее. — Как можно не замечать такого, если живешь с человеком рядом и трешься жопа к жопе каждый день? В упор его не видя?

Я всхлипнула, словив импульс острейшей боли. Сильнее он не задел бы, даже ударив в самое сердце. В глазах потемнело от гнева и обиды.

— Как ты смеешь! — заорала во все горло, вскакивая и становясь напротив этого наглеца. — Это вообще не твое дело! Не касается тебя, понятно?

— Не понятно ни хера, Сашка. Не понятно мне, что, блядь, за муж у тебя такой, что девчонку, солнышко сладкое, за пять лет превратил в задроченную, отощавшую вешалку почти и наркоманку да еще и допустил, что ее скоты какие-то похитили, глумились над ней и замочить хотели.

— Он тут не при чем!

— Он твой мужик. Так что как раз он тут при всем. Иначе говно он и чмо, а не муж.

— Не смей! Не. Смей! — тыкала я пальцем в его твердую грудь. — То, что мы с тобой переспали, — это безумие и моя ошибка и не дает тебе права лезть своими лапами в мою семью и отношения с мужем!

Николай схватил меня за запястье, обрывая тыканье, и я задергалась, чувствуя его этот захват, как если бы он был из чистого пламени легко вливающегося от места контакта в мою кровь.

— Мы с тобой, Сашк, еще не спали, — не обращая внимания на мои попытки освободиться, он наклонился, сближая наши лица. Уставился мне в глаза, и меня тут же как обездвжило. Огромной дозой бомбанувшей опять ни с чего похоти. — И класть я хер хотел на эти твои отношения и семью. А лапами своими я лез к тебе и еще полезу, а ты позволишь.

— Нет! — хрипнула я смехотворно неубедительно даже для своего слуха.

— По-о-озволишь, Сашка, — протянул источник помутнения моего разума и уверенно обхватил свободной рукой за талию. — Я тебе это могу хоть прям сейчас доказать.

— Не... нет! — возразила, но не сделала ни малейшей попытки сопротивления, когда он резко потянул меня к себе, буквально распластав по своей мощной груди. А я и поддалась, прильнула, размазалась по нему, как теплое масло. Голова закружилась, как сама собой запрокинулась, губы вспыхнули, открываясь в поисках пропавшего вмиг воздуха. А может, совсем и не в нем я нуждалась. Точно не в нем.

— Хочешь... ведь хочешь... — пробормотал Николай, не поцеловав, а просто скользнув открытым ртом по коже горла, а меня потрянуло и выгнуло. — Хочешь... и я хочу... пиздец как хочу... Выберемся — я с тебя с живой не слезу... Поняла?

— Нет... нельзя... неправильно... — бормотала я, цепляясь за его плечи и уплывая, нет, со страшной скоростью проваливаясь в ужасную бездну порочного желания. Дрянь я, какая же блудливая дрянь! — Нельзя...

Бормотала, а сама подставлялась под его ласкающий мою шею, плечо, обнажившееся в сползшем вороте свитера, рот. Гнулась, втиралась в него, в его жесткие ладони, грубо шарившие повсюду, тискающие то грудь, то ягодицы, сама вдавливалась животом в выпиравший твердый член. И внезапно оказалась без всего этого безумия, плюхнувшись задницей на лежанку.

— Тормозим, Сашк. Выбраться сначала... — дыша, как и я, захлеб, рыкнул Николай, отступив от меня, и зыркнул хищно, что аж жгала вся от дикой смеси страха и предвкушения. — Потом... заебу.

Он отвернулся, взявшись ковыряться на полках, что вдоль стены, а я сидела, пялясь ошалело в его широченную спину, давясь дыханием и возвращающимся чувством тотального стыда. Да как же так-то? Не я это. Не я!

Николай вернулся ко мне с ворохом чужой одежды в руках, и на миг я испытала импульс ломануться от него. Слома голову прочь, куда угодно, только бы от этого мужчины, одним касанием способного уничтожать все то, что я знала о себе как о женщине, о верной, любящей жене. О человеке с четкими принципами и понятиями о порядочности, морали. Нормальности. Он дотрагивался, и я становилась безмозглой нуждающейся грешной плотью. Все исчезало. Жизнь моя обычная, Гошка, боль и унижение от тех отморожков, скорое неизбежное возвращение в реальность, где я должна буду теперь до скончания века жить с осознанием собственного предательства.

— Так, давай-ка посмотрим, во что обрядить тебя, чтобы не замерзла, — Николай бубнил, разворачивая вещи, не глядя на меня. Его дыхание еще не совсем выровнялось, и на скулах горели красные пятна. — Вот, давай сначала в пару слоев нательное на тебя наденем. Свитерними.

Я послушалась. Все стало плохо. Мы застыли опять. Я — голышом сидящая на лежанке. Он — на корточках передо мной. Взгляд остекленевший шарит по моему телу. По синякам. По коленкам сбитым. По соскам, съезжившимся и торчащим. А меня снова уносит. От боли и дурноты в тягучую трясику вожделения. В животе тянет, поясницу сводит от желания прогнуться, подставиться под этот его взгляд-прикосновение.

— Одевайся, Сашк, — мотнул головой Николай, разгоняя этот наш общий жаркий морок. — Вот ведь штырит...

Я стала натягивать чужие, пахнувшие пылью вещи. Чихнула.

— Чистое все тут у Яра, просто лежит черт-те сколько, — нахмурился мужчина, взявшись натягивать на меня одну за другой три пары теплых носков. — Обуви никакой, правда, нет лишней, кроме резиновых сапог. Но в них ты утонешь. Так что на мне опять поедешь.

Я только кивала, послушно позволяя рядить себя, что ту капусту, соглашаясь со всем. Потому что я ему доверяла. Он знал, как и что надо делать. Он меня спасет, выведет. Я ему верю. А себе вот больше нет. Кто я теперь? Незнакомка для самой себя.

— Ты сказал про пять лет назад. Мы разве знакомы? — неожиданно вспомнила я, когда уже стояла в его теплой куртке в дверях, наблюдая, как Николай делает последние приготовления. Залил печку, сложил по карманам всякие мелочи, похоже, ключи и документы моих похитителей, патроны. Взял обрез, повесил мне на плечо. Сунул за пояс себе пистолет, тоже, видимо, добытый у них.

— Я тебя знаю, — неопределенно дернул плечами он и подтолкнул на выход, мешая внимательней всмотреться в лицо. — Мы свадьбу вашу с этим... Гошей охраняли, кукла.

Он на секунду скривился брезгливо.

— Так, ну двинули с богом, — он легко вскинул меня на плечи и зашагал по хрустящему снегу. Лежать поперек его плеч, будто тюк какой-то, было неудобно, да и ломота и озноб с болью подступили с новой силой, но я жаловаться не собиралась.

— Я тебя не помню, — прошептала виновато. Отчего — и сама не понимаю. Просто... как можно было его не заметить? Не запомнить? Вот такого... огромного. И это совсем не о физическом объеме, росте, мышцах.

— Ну и хер с ним. Зато теперь не забудешь. — Это однозначно. Никогда. — Держись давай, Сашк, резво надо нам.

Я только и могла, что схватиться за его плечо и держаться, когда он с шага перешел на бег. Мельком только скользнула взглядом, ища следы вчерашнего кошмара, но ничего не увидела. Даже остов сгоревшей машины снегом запорошило.

— Ориентир на берегу не запомнила? — спросил Николай минут через десять перемещения вдоль шумной реки.

— Обрыв. Там был обрыв. Я с него упала, когда бежала от этих... — Меня передернуло от воспоминания о всех унижениях и ужасе.

— Забудь! — отрывисто велел мой спаситель, и я опять послушалась. Велела себе чувствовать только тепло, исходящее от него, а не тот холод и страх, через который прошла.

— Ага, а вот и наши колеса, Сашк! — радостно сообщил мне еще минут через двадцать бега трусцой Николай.

Подошел к джипу, что так и стоял с распахнутыми дверями. Снял меня с плеч и пересадил на застывшее кожаное сиденье. Сел за руль.

— Вот, бя, — прошипел сквозь зубы. — Аккумулятор сдох.

— У них музыка орала тогда. Наверное, поэтому.

— Херня-война. Ща все решим.

И он решил. Понятия не имею как, но джип таки завелся после того, как он поколдовал с ним.

— Ну что, кукла, домой? — подмигнул мне Николай и кратко улыбнулся.

А я так и зависла с открытым ртом. Потому что, ей-богу, этот проблеск радости на его мрачном лице я буду помнить. Вечно.

ГЛАВА 10

Все. Моя ты, Сашка. Этот взгляд окончательную точку поставил. Хотя и тех обжиманий перед выходом хватило бы. Мои лапы к ней притягивает, что ту железную стружку к магниту. Обратно не отодрать — только краями в хлам изрежешься. А как притянутся, так она вся плавится, течет по мне, совсем дураком делая. Так что да. Этот твой взгляд замороженный, Сашка, считай, подпись кровью под договором с дьяволом, с чудовищем. Его не разорвать уже, кукла моя солнечная. Сожрет тебя монстр, заглочит целиком, девочка, в себе спрячет, никому ничего не оставив. Монстрам тоже нужно солнце, только мы жадные эгоистичные твари, хотим его исключительно для себя и носить предпочитаем в себе, остальные мимо.

— А вдруг нас остановят?! Что мы будем... — глянула на меня Сашка, встрепенувшись, когда я вырулил с гравийки на асфальт. До этого сидела нахохлившись всю трясучку. Херово ей, видно. Найду ту тварь, что на эти пилюли блядские ее подсадил — во все дыры дурь ему позаколачиваю.

— Разберусь. Поспи.

— Мне надо первым делом к отцу в больницу.

— В больницу — да. Тебе. К отцу твоему сам схожу.

— Почему?

Потому что чует моя жопа, что не надо пока светить твоим внезапным спасением. Не для широкой публики эта информация. Нам повторных втягиваний твоих в эти разборки вокруг бабок не надо. Если, конечно, речь тут исключительно об этом. Смущает меня этот подписанный тебе смертный приговор. Сразу, по умолчанию, без торговли и вымогалова. Не укладывается это в обычную схему. Для показательного наказания замочили бы вообще на месте. Или увезли, поглумились и все равно напоказ бы выставили. А не в тайге подальше тело бы собирались бросить, чтобы зверье подчистило и никаких концов. Смысл?

Видео, пальцы — да, тут логично. А вот мочить сразу без следа — нет. Стальной король не мальчик вчерашний, он бы потребовал доказательств, что дочь жива. Но у него сейчас совсем швах со

здоровьем, Сашка сказала. Так, может, это все, чтобы его доконать, а совсем не ради бабок. Точнее, ради бабок, но организатору не надо часть. Он хочет все. И кто у нас тогда под подозрением в первую очередь? Правильно, самый ближний круг. Так что побудешь ты пока для всех, кроме папани, пропавшей, кукла. Заодно и подальше от пиздюка Гошы, не хуй ему больше рядом ошиваться. И никакой дури, пусть переломает.

— Потому что надо так.

— В смысле? — тревожно глянула, вытянув изящную цыплячью шейку.

— Спи, сказал. Дай подумаю.

— Коль, мне надо с мужем связ...

Бля, че неумная-то такая? Свяжусь я и с экс-мужем твоим. И развяжусь. Ага.

— Не надо.

— Что? Гошка же волнуется, с ума сходит наверняка...

— Чай не девка, удар не хватит на нервной почве.

— Слушай, ну это уже ни в какие ворота! — Сашка пронзила меня гневным взглядом. Не, как пронзила. Пыталась. Так-то из нас двоих тут я тот, кто пронзает. И натягивает. — Он мой муж.

— Был, Сашка, — дернул я плечом, отмахиваясь от ее визуальных колючек. Мне они что слону дробина.

— Что ты вообще... — опешила она. — Что значит «был»?

— А то и значит. Ты его была до того, как он тебя просрал и позволил оказаться в лапах тех мразей. Все, с того момента ты его кончилась. Я тебя забрал оттуда. Теперь моя.

Сформулировал корявенько, но по делу. Че тут мудрствовать и словеса красивые разводить?

— Ты себя хоть слышишь? — заерзала моя солнечная кукла, конкретно искушая и сбивая с серьезных мыслей. У меня дела срочные, а мне лезет в башку дурную, где бы тебя сейчас с большим толком поерзать. — Я что, предмет какой-то? Один потерял, другой подобрал, присвоил и все дела? Да, я тебе до смерти своей благодарна буду и отплачу всем, чем смогу, компенсирую, но...

— В жопу твою благодарность и компенсацию. И помолчи уже, потому что мне доказать тебе, чья ты и в чьих руках течешь — минута делов. Только тормозну у обочины.

Сашка воздухом подавилась, глазами, губами захлопала, а я только ухмыльнулся про себя. Сопи, не сопи возмущенно, а делать-то нечего уже. Приговор тебе вынесен и приводится в исполнение.

— Да при чем тут секс?!

— А при чем тут клякса в паспорте?

— Это безумие какое-то, а не разговор! Я замужем...

— Ненадолго...

— ...я мужа люблю!

— Люби себе. Как друга.

— Ты псих?

— Не, Сашка. У меня и справка есть, у нас без этого никак. Психов на моей работе не держат.

— Ты ведь сейчас издеваешься надо мной, так?

— И в мыслях не было. Я тебе сказал — спи. Все решу. Но тебе охота поболтать. Мы болтаем. Где тут издевка, кукла?

Ну, на самом деле какое-то пьяненькое веселье меня все же разбирало. Не над ней посмеяться, нет. А от того, как же, на хрен, на душе-то хорошо, когда принимаешь все свое говно, как оно есть. И от того, что вот такого, всего в этом говне, захотела солнечная неземная девочка из другой жизни. Захотела и продолжает хотеть, каким бы неправильным это ни считала по здравому размышлению. Каким бы неправильным было и мне лезть к ней своими лапами и членом. Не будь во мне этого зверского дерьма, не было бы нас сейчас прямо здесь. Не было бы у нас общего будущего. А оно теперь будет. Я убил ради этого. Да, не знал, почему все это, изначально. Судьба не выдает заранее сценарий, что бы выучить его назубок. Она все больше по коварным импровизациям. И эта конкретная, что свела снова меня и Сашку, мне в кайф.

— Ладно. Сначала в больницу, — сдалась Сашка, причем, видно, не мне, а своей слабости и скрутилась опять клубком на сиденье. Думает, небось, потом сама все разрулит. Наивная.

ГЛАВА 11

— Вы не имеете права меня тут удерживать! — возмутилась я, глядя на медбрата, что с непрошибаемым лицом вкатил штатив с капельницей в палату. Хотя скорее уж тюрьму.

Чисто, просторно, но дверь железная запирается, на окне решетка, к основе кровати прикреплены мягкие ремни, явно для фиксации буйных пациентов.

— Успокойтесь, Александра. Вы здесь исключительно для вашей же пользы, — монотонно ответил он мне. Привык, небось, к истерикам. — Мы вас прокапаем, снимем интоксикацию, понаблюдаем. Все хорошо.

— Все это можно было бы сделать и не в этой... тюрьме! Вы хоть знаете, кто я? Я... — чуть не проорала имя с фамилией, но что-то екнуло. Мало ли. Судя по последним событиям, орать на каждом углу свою фамилию не самая удачная мысль. Дочь Стального короля в клинике для нариков. — В курсе, что у мужчины, который привез меня сюда, нет никаких полномочий и прав запиравать меня здесь?

В машине я не стала затевать длительные разборки с Николаем из-за этих его диких притязаний на меня. Во-первых, становилось все хуже, морозило все сильнее, глаза горели, горло жгло, ломало, и крутило мышцы. Хотелось плакать или разбить что-нибудь. Во-вторых, чем-то сильно он мне отца напоминал. А с тем спорить бесполезно. Что в лоб, что по лбу. Броня в два пальца толщиной, изящество и тактичность асфальтоукладчика, степень восприятия чужих доводов и возражений — минус миллионная. Решила, доберемся до цивилизации, и там я уже сама во всем разберусь. Свяжусь с отцом, Гошкой, с органами. И удовольствовавшись этой мыслью, каким-то чудом уснула. Кто же знал, что этот коварный гад меня, сонную и тепленькую, в какую-то чертову каталажку медицинскую сдаст для наркоманов и алкашей. Реабилитационный центр, ну да. Офигевшую и лупающую глазами чмокнул в лоб, буркнул «я быстро» и свалил!

— Александра, как только вам станет лучше и вы преодолеете критический момент, то поймете, что ваш муж руководствовался прежде всего стремлением сохранить ваше же здоровье, — продолжил

безразлично бубнить этот здоровенный детина. — Ручку мне дадите? Добровольно.

— Мой кто? — фыркнула я, но запястье протянула. Ну не сражаться же мне с ним. Без шансов. К тому же если действительно они что-то сделают с той изжевывающей меня изнутри болью, дурнотой и слабостью, то я буду только благодарна. Что-то я безумно вымоталась от этого, и сон по дороге ничуть не помог. Мне становилось только хуже, и я за малым уже только не позволяла себе начать подвывать. — Николай мне не муж.

— У меня другая информация. — Ни один мускул на лице не дрогнул же. Ему настолько плевать? Привык, что пациенты врут постоянно? Или Николай был настолько убедителен?

— А как меня сюда приняли вообще без документов?

Вену он нашел моментально, больно почти не было. Уж не на фоне того, как я себя и так уже чувствовала.

— Вам лучше лечь и расслабиться.

— Вы игнорируете мой вопрос? А что, если вы помогаете свершиться преступлению? Осознанно. Напичкаете тут меня и заставите...

Что там такое ужасное меня должны заставить, я додумать не успела. Облегчение и сонливость накрыли меня будто тяжелым ватным одеялом, что заглушило все вокруг.

Проснулась я от мужского храпа. И перепугалась не на шутку. Гошка не храпел, только, бывало, посапывал чуть свистяще во сне. А тут такие раскаты, что сразу выдавали изрядную мощь легких. Понимание, где я, пришло с запозданием в пару секунд. Тело ощущалось тяжелым, слабым, как после долгой болезни. Я сколько в отключке была? Привез меня сюда Николай ближе к обеду, а сейчас совсем темно. Хотя зимой рано смеркается. Палата освещалась только фонарем с улицы. И в этом сумраке я различила огромный силуэт у моей койки. Даже не вглядываясь в лицо, я поняла, что это Николай. Развалился в кресле, которого я тут перед сном не заметила, и закинул ноги на хлипкий стул. Наверняка ему ужасно неудобно. Хотелось в туалет. И помыться было бы совсем неплохо. Но куда идти? В таких заведениях вроде свободу передвижений должны ограничивать. Или нет?

Тихонько поднялась, кривясь от болезненности практически везде в теле. Сползла с койки и только шагнула к двери, как на запястье тут же сомкнулся прямо-таки железный захват.

— Куда? — хрипло рыкнул мой спаситель, одновременно дергая меня на себя.

Я, естественно, тут же завалилась, он подхватил, разворачивая и усаживая на себя верхом. Кресло под нашим двойным весом испуганно взвизгнуло.

— Мне в туалет! — возмутилась я, слегка треснув по его твердому плечу. — Ты как маньяк какой-то из ужастика, ей-богу! Только же храпел и тут же хватаешь! У меня чуть сердце не встало!

Не обращая внимания на мое возмущение, Николай надавил своими лапищами мне на поясницу и между лопаток, окончательно влепляя в себя.

— Как ты? Полегче? — пробормотал, шумно засопев в висок. Загреб волосы на затылке, откидывая мне голову, провел губами вдоль линии подбородка, снова шумно вдыхая. — Пахнешь больницей, но все равно пиздец как кайфово.

Пульс заколошматил, на щеки, уши, шею будто плеснули кипятка.

— Вымыться мне вот тоже нужно. Пусти! — Я положила ладони ему на грудь, но отталкиваться не стала. Хотела, но просто забыла об этом от того, что Николай поерзал между моих ног, сдвигая так, чтобы дать почувствовать, как быстро он твердеет. Без церемоний и ласк просто подстроил мое покорное тело, как ему захотелось.

А у меня... Слабость, насущные потребности организма, возмущение недавнее на его самоуправство — все вмиг как отключилось. Именно так. Щелк! Невидимый тумблер вырубил реальность, мгновенно перемещая меня в то пространство нашего невозможного безумия. Внезапно и со всеми его чокнутыми симптомами: огненного смерча, снесшего все разумное, рваных вдохов, жадных животных тянущих спазмов внутри. Всего того, что должно было остаться там, в том лесу. Потому что здесь ему не место. Нельзя!

— Коль... нельзя, — выдохнула, четко осознавая, что сопротивляться не буду, что бы сейчас ни стал делать со мной. Все позволю. Даже просить, может, стану. — Неправильно это.

— Хер там! — буркнул Николай, запустил ладонь под свою же теплую футболку, что по-прежнему оставалась на мне. Стиснул правую грудь до боли, чуть ослабил хватку, подразнил большим пальцем съездившийся сосок. Меня тут же выгнуло, заволакивая сладкой мутью мозг. Давление его члена между моих ног стало интенсивнее. Пульсация в моем животе такой, что бедра стало сводить от микросудорог. — Это неправильно, Сашк?

— Ко-о-оль... — жалобно прохныкала я, не соображая, о чем прошу: прекратить и дать мне опомниться или окончательно отключить мою способность соображать. Чтобы валиться уже в это безумие очертя голову. Сейчас, без оглядки на потом. Последний раз.

— А так неправильно? — натянув мои волосы сильнее, Николай выгнул меня на себе дугой, принявшись терзать вторую грудь и ритмично толкаться бедрами. Каждый раз попадая твердым бугром в штанах в такое средоточие моей чувствительности, что я беспомощно вскрикивала, цепляясь за что угодно: за его надежные плечи, мощное запястье, ручку кресла, что при каждом рывке бедер мужчины визгливо скрипело все громче. — А, Сашк, скажи, так неправильно?

Отпустив измятую, ноющую грудь, он с нажимом провел растопыренными пальцами вниз по ребрам, моему содрогающемуся животу и безошибочно нащупал клитор. Надавил сильно и резко, вышибая из меня вскрик, который наверняка услышали на всем этаже. Отпустил и принялся поглаживать, убивая меня совершенно. Перед глазами — ослепительное марево, воздух рвал легкие, сердце молотило на разрыв. Захват на моих волосах причинял жгучую боль, изогнутое под таким углом тело прошибали жестокие импульсы, от которых я дергалась и извивалась, делая этим все интенсивнее. Оргазм был вот он, в одном вдохе от меня. Издевательски пульсировал на кончиках ласкающих меня между ног пальцев Николая, обжигая искрами предвкушения, но все не становясь тотальным пожаром. Чертовы пальцы, ласкающие слишком плавно, в одном размеренном темпе, который доводил меня до безумия, но совсем в него не сбрасывал. И я жалобно заскулила, цепляясь за его запястье, царапая, требуя жестче, быстрее, требуя нового импульса боли, что станет моим пропуском в наслаждение.

— Охуенная... — прохрипел он, вскочив и в один шаг достигнув койки. Кинул меня поперек нее. Я вскинулась, он жестко толкнул в

грудь. — Лежи!

Дернул штаны, закинул мои ноги себе на плечи, и я выгнулась, шокированная его жестоким вторжением. Тем самым, исключительно его, когда нет отступлений, только напор до тех пор, пока он не загонит себя целиком. Он убивал меня этим. Ни пощады, ни ожидания, ни мгновения приспособиться. Он не просил ему отдаться, просто брал. Сразу до предела. Полностью. Сразу жесточайший темп. Так, чтобы плоть о плоть билась, врезалась с пошлым громким хлюпаньем. Подчиняя, поработывая, а не выпрашивая получить от этого удовольствие. Навязывая его. Не принимая и намека на отказ. — Какая же ты... охуенная... вот такая... Давай... давай... Сашк... не могу...

Меня подхватило буквально с нескольких толчков. И его со мной, судя по последним свирепым ударам бедер.

— Где тут, блядь, неправильно, Сашка? — поднял он голову с моей груди несколько минут спустя, все еще рвано выдыхая.

— Коль, я за...

— Шаповалов, ты вообще всякий стыд потерял! — оборвал меня гневный мужской голос снаружи.

— Валиев, откроешь дверь — втащу! — крикнул в ответ Николай, выпрямляясь и сажая меня. — Ладно, домой поехали, Сашк. Задрало меня кое-как корячиться. В постели тебя хочу.

Действительность, как она есть, налетела на меня, как мощный порыв ледяного ветра, наотмашь швыряя отрезвление, как пригоршни колючего снега в лицо. Господи, что же я творю? Все это началось с похищения, унижений, убийств, со страха, который нормальный человек не должен переживать никогда. И от него нужно избавляться, лечиться, а не позволять тому, что из него же и родилось, продолжаться. Это же выходит, что я позволяю всему этому пустить в себе корни, завладеть мной насовсем. Николай... он оттуда, из этого пережитого кошмара, а я уже не в состоянии противостоять ему. Он касается — и я безвольный пластилин. Лепи, подстраивай, имей. Меня, замужнюю женщину! Нормальную, с нормальной полной жизнью. Да, не без проблем, но в какой семье их нет? А теперь... Гошка, прости, прости меня! Это вот так становятся зависимыми?

— Домой каждый из нас едет к себе, — отчеканила... ну, по крайней мере, я надеюсь, что отчеканила, упрямо посмотрев ему в лицо.

— Так, Са... — он потянулся ссадить меня с койки, но тут его сперма потекла по моим бедрам, и я отпихнула его руки решительно в этот раз.

— Хватит! Это сумасшествие должно закончиться!

ГЛАВА 12

Ошеломленный сонный взгляд Сашки, когда я оставлял ее в клинике у Артура Валиева, преследовал меня весь день. Смотрела на меня так, будто я ей в душу плюнул. Ну а что делать, красотуля? Мне дела делать надо, разбираться, что творится вокруг тебя, и таскать за собой не вариант. Тем более тебе нужна квалифицированная помощь, пусть ты это и отрицаешь. Мне оно виднее. Артур практически с первого беглого взгляда подтвердил мою уверенность, что у Сашки конкретная ломка. Не самая тяжелая форма, но однако же.

Конечно, он офигел, когда я ввалился в его кабинет и потребовал принять пациентку без всяких доков. Но вся ответственность на мне, и мужик мне был должен по-человечески, вот и взял, заявив для своего персонала, что Сашка — жена моя. Оно и лучше. Артур порядочен до мозга костей, но за всех же в клинике ручаться нельзя. Нехер потом по городу носить на языках, что дочка Стального короля была в клинике для нариков. Оно же всегда, будь девчонка Маней с мыльного завода, всем насрать было бы, а так...

К тому же еще один весомый довод для меня — такая клиника не проходной двор. Ни сама Сашка не выйдет оттуда, пока за ней не приеду, ни к ней никто просто так не попадет. Даже если бы кто пронюхал, где она. Так-то попробуй догадайся от фонаря.

Тачку бандюков я отогнал на пустырь в промзоне, откуда полчаса рысью до нашего офиса было. Обыскал, нашел ту самую камеру, на которую видео снимали. Плюс в багажнике джентльменский набор: веревки, лом, лопаты, биты. И десяток бутылок водки. Ею-то и полил все снаружи и в салоне, прежде чем поджечь. Нам с Сашкой пальцы свои оставлять никому на память не стоит. Особенно мои.

В офисе первым делом занырнул в душ в спортзале, поскреб морду бритвой, переделся, благо держал и тут кое-что из шмоток. Так-то мне разговор с самим Ольшанским предстоит. Выглядеть заросшим вонючим бомжарой не с руки, а то еще упрутся рогами. Мне, конечно, на его мнение насчет нас с его дочерью пох, лезть к нам никому не позволю. Но зачем сразу лишние напряги?

Пока собирался, воткнул кассету в видик и краем глаза глянул на то, что записали покойные мрази. И почти сразу вырубил, потому что при виде моей Сашки, униженной, зареванной, с кровавыми разводами на лице, в разорванной блузке... Короче, жаль, что убить творящих такое с беззащитной девочкой ублюдков можно всего один раз. И жаль, что я сделал это максимально безболезненно для них. И да, я знаю, что мыслю, как монстр. Но и срать мне.

— Ох ты бля! — хохотнул Боев, с которым столкнулся уже в коридоре. — Колян, да ты никак вернулся в мир живых, зомбак ты долбанутый! Сегодня только полдень субботы, а ты здесь, да еще и явно трезвый.

— Отъебись, — беззлобно отмахнулся я. — Сеструха как?

— Нормально Катька, я же за ней бдю. — И его наглая рожа аж поплыла от дебильной улыбки. — Айда к нам, хоть посмотрит на тебя человекоподобного, порадуетя.

— Некогда мне. Дела.

— Че-то по работе? — тут же посерьезнел Боев.

— Нет, Андрюха, личное.

— Чем помочь?

Каким бы треплом и зубоскалом внешне ни казался наш Андрюха, но нутро у него стальное. И переход из режима беспечного ржача к предельной концентрации и готовности к атаке — один вдох. Катька моя в надежных лапах.

— Может, — поколебался я. — Не прям сейчас. Обстановку пробью сначала.

— Гемор, значит, — заключил друг, сверля меня настороженным взглядом. — Ну и правильно, а то че-то давно у нас тихо. Быть хоть готовыми к чему?

— Ко всему, — вынужден был ответить я.

Взял со стоянки служебную «Ниву» наших оперативников и погнал в больницу к Ольшанскому, прикидывая, чего там ждать. Ясное дело, что времени прошло всего ничего, но не факт, что с ним сразу не связались, выдвигая требования.

Медвежий матерный рев я услышал, только оказавшись на пороге нужного отделения.

Навстречу мне пронеслась грудастая смазливая медсестричка с перепуганным лицом.

— Алексей Викторович, там Ольшанский опять буянит! — крикнула она кому-то невидимому. — Он уйти вообще собрался!

Я ускорил шаг, легко находя нужную палату по шуму. Стальной король крыл кого-то на чем свет стоит, в ответ бубнили басовито. Его, похоже, пытались увещевать. Но выходило, судя по врезавшемуся чему-то увесистому в стену, не слишком хорошо. Я бы тоже наверняка умом двинулся, если бы моего ребенка... Пусть и нет их пока и вряд ли будут. Чудовищам размножаться не стоит.

— Где этот слизняк? — гремел Ольшанский. — Я его за Альку мою в пыль разьебу! Говна кусок! А вы, мать вашу?! Почему я узнаю сейчас?! Сутки прошли!

Мысленно поблагодарив судьбу, что не нужно пробиваться в палату с боем через охрану, толкнул дверь. И тут же выяснил, что на работу Ольшанский набирал совсем не лохов. Несмотря на царивший тут бедлам по усмирению буйства, ствол одного из охранников усталился мне прямехонько в лоб. Что же это вы, все такие спецы, хозяина чутко стережете, а дочь его прошляпили.

Не смущаясь нацеленного оружия, я гаркнул на ментовской манер, сверкнув своим ЧОПовским удостоверением:

— Попрошу оставить нас с господином Ольшанским наедине!

Большая светлая палата сейчас и правда напоминала поле брани. Все, что было тут из мебели, опрокинуто, в углу почил с миром разбитый дорожный телевизор. Опрокинутые приборы все еще противно пищали. Сам Стальной король был таким, каким я его и запомнил пять лет назад. Высоченный мужик, косая сажень в плечах, черты лица грубые, будто кто его лицо из куска дерева вырубал топором. Вообще весь он был как дуб — мощный, хер перешибешь. Вот только сейчас похудел, осунулся, губы синие, дышал тяжело, с отчетливым нездоровым свистом.

— Ты что за хрен с бугра? — неприветливо рявкнул он, явно не впечатлившись. — Чего машешь тут этими подтирками для задницы?

— Я тот единственный хрен, с которым ты сейчас обязательно захочешь перекинуться парой слов наедине.

Он усталился на меня пристально, будто расчленяя. Я — так, чтобы видел только он, беззвучно, одними губами произнес «Александра». Он среагировал мгновенно.

— Вон пошли!

— Иван Палыч...

— Ну! Живо! Не пускать никого!

Только за охранниками закрылась дверь, Ольшанский стремительно подошел ко мне и, схватив за грудки, впечатал лопатками в ближайшую стену так, что аж зубы лязгнули. И я ему позволил.

— Где дочь моя? Если вы, мрази, с ней хоть что-то... Я жив не буду, но каждого найду и покараю! Каждого! И семьи ваши... — от него шаршило такой яростью, что, будь я нервишками послабее, обоссался бы.

— Сделано уже, Палыч. Выдыхай, — тихо сказал я ему, и не пытаюсь отцепить от себя или освободиться.

— Что?

— Саш... Дочь твоя в безопасности. Кто тронул — сдохли.

Он несколько секунд смотрел мне в лицо неверяще, а потом разом как-то сдулся, съежился, словно страх и ярость были тем, что позволяло ему держаться. И, неожиданно захрипев, стал валиться, как подрубленное дерево.

— Врача сюда! — заревел я, подхватывая его, и заозирался. Бля, и положить некуда — все перевернуто и переломано.

Благо в палату практически мгновенно влетели медработники и оба охранника. Они оперативно вернули кровать в нормальное положение, и я подтащил Ольшанского туда. Он вяло отпихнул меня в последний момент.

— Хорош меня тискать, не девка тебе, — просипел он, едва дыша. И уже медперсоналу: — Быстренько почините меня... некогда мне.

Минут пятнадцать я ждал, пока вокруг него суетились, пристально изучая лица его охранников, что так же неотрывно недобро пялились в ответ.

— Все-все, нормально я уже! Хватит! Уходите все! — окрепшим голосом распорядился Стальной король.

— Иван Павлович, как ваш лечащий врач...

— Ты ни хрена не можешь сделать с тем, что я старый подыхающий пердун, — оборвал он доктора и махнул повелительно рукой: — Все, свалите!

— Где? — спросил, как только двери закрылись.

— Я же сказал — в безопасности.

— Это я решу, насколько моя дочь в безопасности, — в его голосе снова залязгало. — Говори где, я людей пошлю.

— Тех самых, что за ней не уследили и сутки молчали, что ее похитили?

— Ты тут не умничай. Кто такой вообще? Че-то рожа твоя мне знакомой кажется. И знакомой нехорошо.

— Николай Шаповалов. Охранное агентство «Орион». Мы обеспечивали безопас...

— Все. Вспомнил. И «Орион» ваш, и тебя конкретно. Это же ты, кобелина сраная, на свадьбе Альку глазами заживо жрал. Так? Думал, не заметит никто? Я все вижу. Видел. Пока на ногах был. — Я не отрицал. Смысл, если правда. Молчал, предлагая ему продолжать. — Как так вышло, что ты с ее похитителями пересекся?

— Случайность. Они ее в лес привезли. Убивать. А я там у друга отдохнуть остановился в избушке.

— Отдохнуть? В феврале, бля? Ты мне что тут прогоняешь? Может, сам все и организовал? А? Запал на мою девку так, что решил таким образом захватить?

— Чего ж я ждал пять лет?

Вот ведь вопрос сейчас актуальный. Причем самому себе. Обстоятельства, ясное дело. Жизнь — она такая. Но ведь еще тогда меня Сашкой приложило намертво, так чего же я ждал пять лет? Ага, точно надо было красть. Прямо со свадьбы. В духе традиций. Только возвращать — хер.

— А может, тебя нанял кто? Этот уебок муженек ее, а? А ты просек, чем пахнет со мной связываться, и пришел тут героя изображать и очко свое спасать?

— А может, время убивать не будем и обсудим, кто на самом деле и для чего организовал похищение Александры, причем не собираясь ее возвращать.

— Откуда знаешь?

Я кратко сообщил, что видел и слышал сам и рассказала Сашка. Приборы Ольшанского в какой-то момент запищали тревожнее.

— Они ее...

— Нет.

Мужик, ты еще меня сто процентов удавить захочешь, узнав, что я был тем, кто дочь твою...

— Значит так. Дочь мне верни, Шаповалов.

— Нет.

Он давил взглядом, от которого обосраться можно, я отвечал ему таким же. Не отдам. Бодаться без толку. Все.

— Денег хочешь.

— Нет.

— Чего?

Ее. Всю. Себе.

— Она теперь... — Моя. — Со мной.

— А ты часом не оборзел? Алька у меня — мужняя жена! Законная. И делать из нее какую-то... что такой, как ты, по углам зажимать будет. Я тебя...

— Александра теперь со мной, — оборвал я поток его угроз в зародыше. — И я намерен разобраться с тем, кто организовал похищение, и обеспечивать ее безопасность. Я пришел сообщить, что она жива и в порядке, а не разрешения у вас спрашивать или мнения. Все, что между нами, то только наше, при всем уважении.

— Думаешь, если я тут в больнице валяюсь, так и не найду возможность раздавить тебя, как жука навозного? Ты кто такой, роток свой на дочь мою разевать? Пес беспородный. Никто. Тоже денег моих захотелось?

— Желаю доброго здоровья, Иван Палыч, — развернулся я к двери. Цель достигнута. Он информирован. — Александра навестит вас, как только я сочту этот визит безопасным.

— Ах ты! Да я сейчас парням крикну, они...

— Будут выведены из строя, и им придется искать замену.

— Ты что о себе... — выкрикнул Ольшанский, осекся и закашлялся.

На писк приборов сунулась та самая медсестра, но он рыкнул на нее, изгоняя.

— Стоять, Шаповалов! Договоримся, — прохрипел он. — Сколько надо тебе, чтобы ты голову моей дуре не морочил?

Я терпеливо молчал, прямо глядя в его глаза. Хоть уже и бесил меня он.

— Ясно. — И совсем другим тоном он спросил: — Запал, значит? Seriously все у тебя? Вот так враз?

— Да.

— А уберечь мою девочку потянешь?

— Буду тянуть, пока жилы не порву.

— А чего с этим слизняком Гошкой делать будешь?

— Решу.

— Выходит, она тебе сама добро еще не дала? — хитро прищурился он, ухмыльнувшись.

— Даст.

— Ну-ну. Не знаешь ты Альку мою еще.

У меня вся жизнь впереди узнать. Когда вот так, как нас, людей друг в друга вмазывает, подстроиться, вылепиться взаимно — нехер делать. Нутром чую.

— Слышь, Шаповалов! Информацию тебе дам. И козырь. Уж больно мне этот ее кусок сопли поперек горла. Договор подпишем. Официально. Нанимаю тебя ей личным охранником. Но учти! Давить на нее не позволю. Не примет она тебя...

— Примет.

— И позорить ее не смей! Пока она за этим замужем, что бы никто вас нигде... Понял? Моя дочь тебе не шалава и не давалка дешевая.

Упертый. С первого раза не дошло.

— Иван Палыч, вам тоже стоит усвоить. Я не просто так сказал, что лезть к нам не позволю. Сашка моя. Дальше сами разберемся.

— Ну-ну. Ладно. Еще обсудим это.

Нечего обсуждать. Не с тобой, мужик. Только с ней. С Сашкой.

ГЛАВА 13

— Нет. — Николай и не думал сердиться. Непрошибаемо-спокоен. — Твой вариант нам не подходит.

— Он подходит мне! Мне! Коль, ну ты окстись! Ни в какие ворота же... — Я уставилась на него и поняла: никакие мои доводы не сработают. И гневные взгляды тоже. Они были словно блымканье яркого фонаря напротив зеркала. Слепляли злостью исключительно меня одну. Сквозь его невозмутимость вообще не пробивались.

— Боже, ну подумай, у меня же есть люди, что беспокоятся... — сделала еще попытку быть услышанной. Тщетно.

— Я у твоего отца был. Он теперь в курсе, что ты в порядке. И он в порядке.

Я на пару секунд зависла с открытым ртом. То есть он был у отца и они договорились? С моим родителем-деспотом? Как?! И главное — я все еще здесь, с ним, а не отбиваюсь от попытки уволочь меня куда-то, куда велено моим отцом. Я удивлена... мягко выражаясь. Хотя разница лишь в том, что волочь меня отсюда будет он сам.

— А как же Гошка? Ему ты тоже нанес визит? — не сдержала язвительности в тоне.

— Нет, и не планирую, как и ты.

— Что? — обалдела я.

— Что слышала. Ты не будешь с ним видеться до тех пор, пока я не сниму с него подозрения в причастности к твоему похищению.

— Да ты... Ты рехнулся? — от возмущения у меня и дух перехватило. — Гошка? Да он мухи сроду не обидел! Он бы в жизни и ударить не смог бы, в отличие...

Осознав, что несу, в чем смею упрекать, я тут же язык прикусила и даже ладонью рот себе прикрыла. Дрянь ты, Алька, неблагодарная. Про это вообще молчала бы.

— От меня, ага. — Николай обижаться, по крайней мере открыто, явно не собирался. Ну что за мужик, не прошибешь его ничем! — Сашк, прежде чем продолжить, подумай. Во-первых, кому бы еще выгодно, чтобы тебя не стало, а отец твой на этой почве тоже помер. И,

во-вторых, зачем нежному Гошеньке тебя и пальцем трогать, если всегда можно нанять для этого урок каких-нибудь.

— Чушь! — я мотала головой, как заведенная, будто это могло бы помочь изгнать оттуда... все это... Нет! Не может быть! — Этого не может быть. Просто не может.

— Почему? Обоснуй, и я прислушаюсь.

— Да не обязана я ни черта обосновывать для тебя. Он мой муж, я его знаю, как себя. Никогда ему деньги отца нужны и не были.

— Почему? Потому что он так сказал, а ты и готова верить?

Николай хмурился, но голоса не повышал, в отличие от откровенно уже психующей меня.

— Да, готова. Потому что мы семья, понятно?! Как можно жить с кем-то и не доверять?

— Это от избытка доверия к его чувству к тебе ты присела на эти колеса поганые? А? — Николай рваными торопливыми движениями приводил в порядок свою одежду, и в тон его наконец просочилось раздражение. И он снова ранил меня изощренно точно. Каждая фраза — прицельный удар в и так раненное сердце. — Потому что он на шкур тощих, небось, заглядывался, или просто самой вдруг приспичило в гроб себя свести? От счастливой семейной жизни в доверии и любви.

Перед глазами полыхнуло от злости, и, не соображая, что творю, я замахнулась отвесить ему пощечину. Конечно, он мог меня остановить. Он убил четверых отморожков, не позволив им и дотронуться до себя. Моя ладонь звонко хлопнула по его щеке, и только тогда он поймал мою руку. Накрыв сверху своей ладонью и так и зафиксировав. Сгреб нечесанные, спутанные волосы на затылке свободной конечностью и рывком привлек к себе, перекрывая рванувший из меня поток гневных слов своим ртом. Я задержалась, силясь освободиться, высказать ему, что нет у него прав... прав на... ни на что...

Он целовал меня так же, как брал в сексе. Захватывая разом, вталкивая язык в мой рот властно, не лаская — имея. Имея так, словно у него на то как раз были все эти права, в которых я ему собиралась отказать. Потому что отказов он не принимал. Не от меня уж точно. Мое сопротивление, возмущение, гнев растворялись невообразимо стремительно. Он как сжирал их этим диким оральным действием, не

стесняясь ранить зубами, терзать губы до соли, трещин и боли. Заменяя все собой. Желанием. Тем, что я испытывала за всю жизнь только к нему одному. Сокрушительным, как штормовая волна. Подхватывает, как ты ни барахтайся, и размазывает по нему, как по скале. Что там мое жалкое человеческое сопротивление против стихийных сил природы.

Моя голова опустела, все в ней привычно уже выгорело в угоду ему. Застонав от ускользающего возмущения, я вцепилась свободной рукой в его затылок, толкая теперь навстречу себе и целуя в ответ с жадностью под стать его. Николай прервал это сам. Как и начал. Ведь я уже с покорностью констатировала, что быть сейчас еще одному раунду. Я не остановлюсь и его тормозить не стану. Опять малодушно позволю ему все и пообещаю себе, что этот раз последний.

— Сашка, пошли, — отстранился он от меня, пьяно качнувшейся. — Ты можешь орать на меня и колотить по дороге. Здесь все же народ типа больной лежит, совесть и правда иметь надо.

И я пошла за ним. Послушно, будто была привязанной. Или уже была? Сцепилась намертво с того самого первого раза? Разум еще требовал подвести под это хоть какое-то основание, просто отрицать будучи уже не в состоянии. Совесть вопила о том, что творю непотребное. Но все животное и подсознательное уже прилипло, смирилось и даже приветствовало происходящее. Вот почему о реальном сопротивлении и речь не шла. Слабовольная, жалкая размазня. Я.

— Шаповалов... — Доктору, что вышагивал по коридору, дожидаясь нас, явно хотелось сказать нам пару ласковых. Но, глянув на меня, он только выразительно потряс в воздухе пальцем и гневно выдохнул.

— В кабинет ко мне зайдите, — развернувшись, он пошел, указывая дорогу.

Я с тоской посмотрела на свои ноги в сморщившихся носках. Боже, наверняка выгляжу кошмарным пугалом. Растрепанная, черт-те во что обряженная, измятая, затраханная в прямом смысле слова. Видел бы кто из знакомых... И хорошо, что не увидят. Позор какой. Даже сам факт, где я в этом самом виде нахожусь. О чем думаю? О том, как выгляжу? Думать надо о том, что решать за себя мне давать никто, похоже, не собирается. А я... рохля глупая!

Мы вошли в кабинет, и мне стало дико неловко за себя, и я поежилась под строгим взглядом эскулапа. В его глазах я наркоманка, небось, конченная. Николай по-хозяйски обнял меня со спины, давая опору и согревая.

— Че по делу? — спросил он. — Давай недолго. Ей бы помыться и отдохнуть нормально.

Что-то я только и делаю, что отдыхаю, вот только без толку особого.

— Я настаиваю на том, что бы вы *ка*пались еще как минимум неделю, Александра. За раз вашу интоксикацию не снять. Ваше общее физическое состояние совершенно не внушает мне оптимизма. Помимо интоксикации еще и истощение. Явно ведь испытываете проблемы с желудком?

— Я...

— Испытывает, — ответил за меня Николай, видно уловив, что честно сознаваться не намерена. — Рвет ее, сказала.

Сжала зубы, собираясь еще и за это высказать.

— Значит, мой совет — пройти комплексное обследование, обойти всех специалистов.

— Пройдем.

Я уже начала откровенно закипать.

— И не будет лишним начать посещать психолога. Перепады настроения, раздражительность, агрессия — нормальные явления при выходе из зависимости. И какие бы причины ни привели к факту употребления, их нужно проанализировать и тогда легче будет...

— Понял, разберемся. Колбасить ее еще будет?

— Да, некоторое время симптомы будут сохраняться. Очень важно не сорваться.

— Прослежу.

Да я сама за собой прослежу!

— *Ка*паться дома ей можно? — Господи, будто я кошка у ветеринара, а он владелец, которому дают инструкции по уходу.

— Да, вполне.

— Тогда ко мне завтра кого-нибудь пришлешь? Такого, чтобы рот не раскрывал за хорошую плату. Буду очень должен, мужик.

— Послушайте, не на... — не выдержала я. Да сколько же можно!

Николай бесцеремонно накрыл мой рот ладонью, а доктор нервно нахмурился.

— Шаповалов, ну ты... Ладно. Только подведи меня под монастырь! — мотнул он головой, сердито сверкая на нас глазами под мое мычание. — В жизни такого не творил!

— Все нормально, мужик. Просто обстоятельства у нас. Пошли, Сашка.

И он так и потащил меня из кабинета с зажатым ртом. Гневно фыркаящую от бессилия.

— Тш-ш-ш, до машины потерпи, Сашк, не ори, — прошептал он мне на ухо, кивнув охране, что бы открывали дверь. — Больница же, нельзя.

И убрал наконец руку от моего рта, но только для того, что бы подхватить и рысью донести до машины. Сунул на сиденье, накрыл тут же по самые ноздри новым пледом и захлопнул дверь.

— Давай, Сашка, — кивнул он, усаживаясь за руль. — Только сильно не напрягайся. Откуда силы, если не ела вон сколько.

— Да ты просто... — у меня от возмущения все слова кончились. — А-а-а-а!

ГЛАВА 14

Я ждал настоящего взрыва. Потому что понятно, что я перешел уже все границы терпимости Сашки и у нее есть право проорать мне свою реакцию. Просто смысл чесать языком без доказательств и тем более не дома. Поговорка про уши в стенах не на пустом месте была придумана. Не то чтобы нужно было ее долго скрывать, но сутки-другие на прореагировать хоть чем-то организаторам похищения надо. Мы с Палычем больше двух им не давали. Если не дадут о себе знать дольше, значит, зассали, не дождавшись своих быков назад с подтверждением Сашкиной смерти, и решили не отсвечивать. Умные так бы и поступили, но сколько раз я уже сталкивался в жизни с тем, что жадность, тем более когда вот оно уже рядом, затмевает любые доводы разума.

Но неожиданно Сашка замолкла и отвернулась к окну. Ясно, дуться собралась. Тоже рабочая бабская примочка. Пока ты лох, юный и чувствительный, то очень даже действенная. Ах, моя девушка надулась, как мышь на крупу, и со мной не разговаривает. Спасите! Но как становишься старше и понимаешь, как это все работает, думаешь: ну и пусть помолчит, зато тихо, а я пока спокойно пошевелю мозгами, как все разрулить.

Сашка подобрала под себя ноги, напоминая мне этим, что она у меня без шмотья и обуви пока, и съежилась вся как-то, нахохливаясь, как больной воробушек. Я покосился на нее раз, другой и внутренне сплюнул, злясь на себя, дурака.

Нет, бля, сколько лет ни проживи и как бабские приколы ни изучи, а все одно они тебя цепляют. Хотя тут наверняка дело в том, что цепляет меня эта женщина рядом, да так, что до самого-самого нутра. Ну не выглядела Сашка просто капризно надувшейся. Скорее уж по-настоящему несчастной. Не всхлипывала, не сопела, не ныла, не сверлила упрекающим взглядом, вообще на меня не смотрела, только как-то потеряно, невидяще в окно, но вокруг нее что-то такое как облаком повисло, что мне аж зубы свело. Будто последняя вспышка гнева на меня спалила всю ее энергию и ей стало плевать. В том числе и на меня, и на любые мои действия.

Не надо нам такого.

— Сашк, — позвал я и провел костяшками пальцев по поцарапанной скуле. Она не отстранилась, словно и не заметила. И вижу ведь, что это не нарочитое, не назло. — Сашк, поговори со мной.

— А есть смысл? — тихо отозвалась она.

— Конечно.

— Мне так не кажется. Если тебе просто нужно чем-то заполнить эфир, то музыку включи. Окно открой. Послушай шум снаружи.

Ла-а-адно, не люблю мозгобства ни в каком виде, но сейчас заслуженно.

— Зачем мне шум? Я тебя выслушать хочу.

Сашка усмехнулась горько и продолжила неотрывно смотреть в окно.

— До сих пор не хотел, так с чего бы вдруг. Не зря, видно, вы с отцом моим договорились. Ты точно как он.

Ну и в каком месте это плохо?

— Твой отец — хороший надежный мужик. Да, жестковат и крут на поворотах, но он жив не будет, а своих и свое защитит и горло всем перегрызет. Если я как он, то будем считать, что ты мне польстила.

— Не будем, Коля, — качнула головой она. — Надежный, говоришь? Защитит? А еще все за тебя решит, потому что знает, как мне лучше. Возражений просто не слышит. Сиди и молчи, пока не спросят. Делай, как я сказал. Общайся с кем позволено. И да, давай, дочь, поговорим, только слушать я тебя не буду, мне так, просто тишину разбавить пустой бабской трескотней. Я отца люблю, Коль, но для жизни себе выбрала другого человека. Я не домашний ценный любимец, что бы со мной всегда вот так, понимаешь?

А вот лишних напоминаний о твоём официальном, сука, пока статусе мне не надо. Оно и так в башке гвоздем соткой сидит.

— А я с тобой, выходит, как со зверюшкой, что ли?

— А разве нет? Слова не говоря, в клинику сдал-забрал, это решу, за тем прослежу, сюда повезу, туда не пушу. Сам решу, с кем видеться, а с кем нет.

— Потому что я лучше знаю, что и как сейчас тебе нужно.

— Ага, вот и я о том же. Смысл разговаривать при такой твоей изначальной позиции.

— Хм... — Вот, бля, все же пусть бы лучше дулась и молчала до дома. Там выкупал бы, оттрахал до полной мягкости, а потом разговоры. Или хер на них. — Но раз уж мы начали, сделай милость, растолкуй мне, дубине стоеросовой и неотесанной, почему моя эта самая позиция неверна в нашей конкретной нынешней ситуации? Что бы ты оценила больше? Бесконечную трепотню с моей стороны с объяснениями каждого следующего моего действия, на которые бы ты обязательно нашла кучу возражений. И мы бы погрязли в спорах-уговорах, вместо того чтобы ты могла чуток спокойно подлечиться, а я порешать некие необходимые моменты. Или что, мне вообще следовало бы подвезти тебя до города, сказать: «Ну все, было круто поебаться, еще захочешь — вот тебе номерочек, и на этом досвидос. Топай к мужу и решай все заморочки сама»? Так, Сашка? Это было бы типа правильнее в твоих глазах? Тогда бы я не вел себя как деспот и мудака, не обращался с тобой, как, бля, с питомцем? Знаешь, кто так себя ведет с женщиной, Сашк? Тот, кому глубочайше насрать на нее. А это ни хера не наш случай. Не мой уж точно. Да и не твой, и не пытайся меня убедить в обратном.

Фу-у-ух, давно я речей таких длинных не толкал. Аж употел.

— Ладно, ты прав, — ответила она и опять отвернулась.

Ну вот и что это, сука, за хуйня? Она типа сдалась, правоту мою признала, но у меня такое чувство, будто я сам себе нагадил. Словно она вдруг стала сухим мелким песком, который запросто ускользает сквозь мои корявые грубые пальцы.

В груди заныло, да так и не отпустило, пока не загреб Сашку снова на руки и не понес в подъезд. А она и по сторонам не смотрела, будто пофиг ей, куда и зачем. Зато через порог вышло вроде как символично. А вот в квартире я скривился. У меня же тут... последствия гребаной страдальческой стихии. Я же все, к чему Анька руки свои приложила, из дома повышвыривал. Включая шторы на окнах, постельное белье, даже сраные полотенца. Одно свое старье оставил. А вот мусор с бутылками как раз выносить не заморачивался особо. Как и посуду, ту что не побил, мыть. Свин ты, Колян. И пахнет как в свинарнике. Так, что даже равнодушие Сашкино запашок разогнал.

— Так, давай ты сразу в ванную, Сашка, — торопливо стал я ее запихивать в санузел, не давая как следует осмотреться и нанюхаться.

А то еще точно вывернет ее.

На полу тут высилась гора моего ношеного шмотья и запинывать его куда-то было откровенно поздно. Бля, а я все эти недели ходил реально как зомби без мозгов. Даже не замечал ни этого тотального бардака, ни вонищи. А вот теперь позорище. Было бы по чему страдать. По кому. Нытик гадский.

— Давай, мыться, греться, — неловко начал я сдирать с Сашки свои же шмотки.

— У тебя ремонт или переезд? — Она мне не мешала оголять себя.

Надо же, как она деликатно решила вызнать, чего квартиру в свалку превратил. Я жизнь свою чуть в нее же не превратил. Как же вовремя ты мне на голову тупую свалилась, моя девочка-солнце.

— Ремонт, ага. — В башке. Он же и временный переезд был. Мозгов. В жопу.

Как только Сашка оказалась без одежды, я опять подзавис, практически обреченно констатируя, что неумолимо завожусь. Дико, бесконтрольно. Все равно, как упасть в беснующийся поток, а потом хоть сколько руками колоти, а против стихии не попрешь. Несмотря на ее болезненную худобу, ссадины, синяки, часть из которых и моя «заслуга»: моих лап грубых и рта ненасытного. Прекрасно осознавая разумом, что она измождена, физически и морально, обижена на меня, хоть и не подает виду, что в принципе совесть надо иметь, ведь вот, еще и часа не прошло с последнего раза...

Короче, срать на все моему тупому члену. И не только ему. Ведь хотел я Сашку не только на этом, самом примитивном, животном, уровне. Меня в нее всем нутром тянуло. Хотел — это неправильное слово. Нельзя применить хотел-не-хотел к необходимости дышать. Это даже не про секс. Не только про него однозначно.

— Давай, залезай, — крутанул я краны над ванной. — Только не засыпай.

Подтолкнул ее, положив ладонь на обнаженную поясницу, и самого аж шатнуло к ней. Рука к ее коже как приклеилась намертво, во рту высухло, как с жесткого бодунища, в голове звон, в позвоночнике адски раскаленный штырь из гнущего его металла.

О-той-ди, скотина!

Оторвал лапу от ее кожи, чувство — будто ее себе отрубил. Больно прям. Реально. Помотал башкой, вытряхивая из нее сплошную красную пелену похоти, и вывалился спиной вперед из ванной. Дверь захлопнул, да так еще и стоял какое-то время, лупая зенками невидяще, перед которыми только она. Моя Сашка. Голая. Да сколько тебе лет, Колян? Пятнадцать? Голую бабу увидел и разок лапнул — и все, досвидос мозги?

Врезав себе мысленно поджопника, я заметался по хате, сгребая весь мусор по пакетам. Сунулся в холодильник. Ну, ожидаемо. Мышь повесилась. Надо жрачки купить.

Нагрузился пакетами с мусором, запер дверь, хваля себя за установку хитрого замка, что запросто не откроешь, и порысил на мусорку и в ближайший продуктовый магаз. Благо в соседнем дворе. Да и в самом деле, не рванет же Сашка куда — она адекватная. И поговорили мы. Поняла все. Хоть и не понравилось ей, но поняла, чую. От этого в ней тоже тащусь. Не от подчинения, нет, а от способности воспринимать доводы, пусть ни хера не приятные, но логичные. Хотя на мгновение показалось, что она поклонница «ой, все» тактики. Но и тогда ничего во мне к ней не изменилось ни на каплю.

В магазине тупо уставился на прилавки. Вот чем мне ее кормить? Что любит? Да и что можно, если желудок шалит?

— Вам чем-то помочь, молодой человек? — спросила пожилая продавщица, с шикарнейшей копной иссиня-черных кудрей.

— Еще как помочь, — отморозился я. — У меня девушка, ее покормить надо.

— Романтическое свидание?

— Да если бы! — отмахнулся я. — На такую байду мне закупиться не хрен делать. — Уж тут опыта вагон и маленькая тележка. Че там мудрить. Шампусик-винчишко подороже, конфеты-фрукты-букеты. И цацка блестящая. Все, вечер удался. Резинок только еще не забыть. — Желудок у нее больной. Чем кормить?

— Гастрит?

— Да без понятия. Нервы. Рвет ее говорит.

— Нервы, да? — улыбнулась моя добровольная помощница как-то понимающе. — Может, эти нервы зовутся токсикоз?

— Что? А, нет. Рановато еще.

— Уверены? — Я закивал. Не темный же совсем. Ясно, что не предохранялись мы с Сашкой, но что тут времени прошло.

— Тогда давайте попробуем детское питание. Я знаю, его некоторые у нас берут для диет.

— Да на кой ей диеты! — возмутился я. — Она и так у меня скелетина. Мне б, наоборот, ей мяса нарастить.

— Юноша, диеты не только для похудения бывают. А как раз показаны при проблемах с пищеварением.

— Ясно. Но детское питание? Мне, блин, ее из соски кормить?

Боюсь, мне Сашка за такое по башке бутылкой врежет. Ну явный перебор же будет.

— У вас детей нет? — понимающе поглядела на меня, как на тормознутого, продавщица.

— Э-э-эм... Будут. Но попозже.

— Вот, смотрите, у нас в баночках есть. Мясное, мясо с овощами, с крупами разными, фруктовое.

Она принялась выставлять на прилавок передо мной десятки разных ярких баночек.

— Еще легкие творожки и йогурт. Кашки опять же, для больного желудка, мне кажется, самое то. Курица отварная нежирная еще, может.

У меня в глазах зарябило от этого изобилия.

— Так, насыпайте мне этого го... добра в пакет, — велел я. — Всего понемногу, но мяса побольше. — На овощах-фруктах особо не поправишься. Трава она трава и есть. — И еще пачку пельменей, хлеба, колбасу и сметаны.

Домой я тоже несся бодрым лосем. Влетел в прихожую, промчался на кухню и застыл дурным истуканом. Сашка стояла там перед раковиной, отмывая мою засратую посуду. Завернутая в какую-то тряпку, на голове тюрбан из полотенца. Стояла на одной ноге, поджав вторую и чуть оттопырив задницу. У меня и пакеты на пол повалились. В два шага подошел к ней, прижался, захватывая всю разом, и вжался мордой в изгиб шеи, ощущая, что земля внезапно из-под ног уходит. Падаю куда-то, улетаю. То ли в небо понесло, то ли вниз лечу. Да плевал я. Хорошо. Хочу вот так всегда. Ее хочу. В моем доме. Насовсем. Теперь уж ни грамма сомнений. Теперь уж если не так, то пиздец тебе, Шаповалов.

ГЛАВА 15

Стыдно вести себя как капризный ребенок. Да, я это понимаю. Я живу с этим пониманием большую часть своей сознательной жизни. Отец всегда умел четко доносить до меня эту мысль, и мама в этом была с ним солидарна. Да, я была ребенком, у которого было все, и жаловаться хоть на что-то, для такой как я, — грех. Но, к сожалению, испытывать обиду и гнев это никак не мешало. Не по мелочным поводам, нет. Просто... такие всеобъемлющие и при этом вроде как безадресные. Потому что это неправильно было — злиться на отца за его удушающую заботу.

Точно так же, как неправильно злиться и на Николая за то же самое. Я умом четко признавала его правоту, до глубины души и навечно была ему благодарна за все-все-все. И я вынуждена была принять логику его доводов относительно... Гошки. Сразу же память услужливо подсунула воспоминание о том, как он отвергал меня последнее время. Как шарахался от моих любых прикосновений, будто я его током шарахала, а не пыталась приласкать. Такой злостью от него веяло, прямо-таки яростью. Что это было? Отвращение к опостылевшей до невозможности жене? Или... чувство вины за...

Господи, ну разве может это быть правдой? Такое предательство. Мой муж, мой добрый, мягкий Гошка мог отдать меня в руки отморожков? Мог обречь на смерть? Но за что? Если я ему до такой степени надоела, то почему не ушел? Неужели и правда дело в отцовских деньгах? В том, что осточертело ждать их? Верить в это у меня не получалось. Гошка... он ведь такой... Никогда он деньгами не интересовался. Заниматься отцовским бизнесом для него было тяжелой обузой. Мог ли он разительно поменяться, а я ничего и не заметила? Или это всегда, с самого начала, было притворством?

Неожиданно ярко вспомнилось то ощущение острой боли в последнее утро, когда меня жестоко выворачивало, а он ушел, даже не поинтересовавшись, что со мной. Будто ему было абсолютно плевать. Может, и прав во многом Николай. Что мы за семья, если он не заметил или нарочно не замечал, что творится со мной, а я в упор не видела, что происходит с ним. И на эту самую правоту я, похоже,

больше всего и злилась. На правоту Николая, если все так и есть. На правоту отца, что постоянно твердил о том же. Злилась потому, что тогда выходит, я — проигравшая. Неудачница. Слепая дура. Причем дура упорная, так не желающая прозревать. Ради Гошки я впервые в жизни пошла против отца. Ругалась с ним, продемонстрировала, что если надо, буду драться, откажусь от него, отстаивая свое право на счастье. Как я думала. Мы ведь и расписались тайно, устроив чуть ли не шпионскую акцию, наперекор строжайшему родительскому запрету, пока папа был за границей, заключая очередной контракт. Та пышная свадьба уже была вынужденной мерой. Уступкой отца перед моим упрямством и непреклонностью. Как же я этому радовалась. А оказалось... все зря?

Но все эти размышления горестные вокруг моей дурацкой судьбы улетучились, стоило только очутиться в квартире Коли. От того, что мне снова стало стыдно. Но уже совсем по-другому. Стыдно из-за той неловкости, что он явно испытывал передо мной. Стыдно за весь чертов мир, в котором такой человек, как он, живет вот так. Явно без хоть чьей-то заботы о нем. Элементарной даже, бытовой. Тогда как сам запросто бросился спасать меня. Спас жизнь, защитил от мерзавцев, на себе таскал, одевал, согревал. А у самого... его дом выглядел не просто неухоженным. От него веяло холодом, одиночеством, тоской. Как если бы это было даже в воздухе, въелось в стены. Но как так-то? Почему человек, готовый запросто рискнуть своей жизнью ради любого незнакомца, живет вот так? Без тепла. Потерянным.

То, что между нами случился секс, — это нечто иное. Что-то неконтролируемое, оно как бы отдельно от остального. Мгновенные неодолимые силы притянувшей нас друг к другу чувственной гравитации. Замкнуто на нас двоих, и к тому, какой он, в принципе отношения не имеет. Я могу поклясться, что Николай спас бы любого, кто оказался бы в опасности. Просто потому он такой. Спас, позаботился бы, вытащил. И при этом он один. Нет никого, кто заботился бы о нем. Где тогда справедливость в этом дурацком мире? И не сволочь ли ты, Алька, если за все время даже не поинтересовалась у своего спасителя ничем. Кто он, как и чем живет. Ясно, что времени толком и не было, я не совсем в адеквате. Но при этом обидки себе успела надумать. На что? На то, что он отказался бросить, отпустить на все четыре стороны. Отказался помахать ручкой

и выйти вон из моей жизни, а сразу, без капли сомнений, что называется «впрягся»? А ты что, Алька? Что ты способна в ответ? Денежную компенсацию предлагать? За жизнь? Обижаться? Отвергать его притязания на себя? Тогда как сама забываешь, как дышать, стоит ему коснуться. Честно стоит ответить на прямой вопрос: я себе представляю возвращение к Гошке? Представляю, что я стану просить прощения за то, что была с Николаем? Нет. Нет, однозначно. Ну так и чего тогда дергаться? Дико завершить пятилетний брак вот так? Ну не более дико, чем попасть в проклятый заснеженный лес и стоять на коленях, вымаливая пощаду у зверей в человеческом облике. Смирись, Алька, в прежнюю жизнь дороги нет. Даже если бы Николай ничего не хотел со мной в будущем. Больше нет нас с Гошкой. Вот так внезапно. И да, я теперь Сашка.

Прежде чем полезть в ванну, я быстро отсортировала кучу белья на полу и запустила первую партию стирки. Слышала, как Коля ходит туда-сюда, что-то звякает и бряцает. Хлопнула входная дверь. Я вымылась в темпе, хотя до этого мне казалась, что меня силком из ванны вытаскивать придется, стоит до нее добраться. Не знаю почему, но усталость исчезла, я чувствовала прилив сил и желание что-то сделать. Хоть ерунду какую-то, но для Коли. Поэтому, искупавшись, сразу взялась за наведение порядка в его кухне. Надеюсь, он на это не разозлится. Мало ли, скажет, шарю тут.

Входной двери я даже не услышала, просто что-то глухо грянуло, и Николай прижался ко мне сзади, не успела и оглянуться. Сходу захватил одной рукой мою левую грудь, второй накрыл живот, нажимая и вынуждая прижаться ягодицами к его паху. Уткнулся губами в изгиб шеи, лизнул и тут же присосался, отчего у меня все выпало из рук. В голове мигом поплыло, живот потянуло. Возбуждение было мгновенным, безусловным и таким правильным... Как стремительно погружаться в воду с идеальной температурой, выпуская на волю облегченный стон. Это ведь и ощущалось облегчением. Сопrotивляться влечению к этому мужчине — вот что напрягало и причиняло дискомфорт. Как будто нарочно запрещать себе вдыхать и мучиться от удушья. А вот хотеть его — абсолютно естественно.

— Какого черта босая на полу стоишь? — проворчал Коля, подхватывая меня, начавшую натурально оседать. — Вообще должна

быть в постели. Сдалась тебе эта срань моя. Сам бы помыл.

— Почему у тебя все так? — спросила шепотом, откидывая голову и давая ему больше доступа. — Что случилось?

— Ничего. Уже ничего. Забей. Я тебе покушать принес. — Он попытался отстраниться, явно не собираясь со мной ничем делиться. Но я теперь не готова была его отпустить.

Резко развернувшись в его объятиях, я привстала на цыпочки, поцеловала его в шею. Облизывала солоноватую кожу, жадно вдыхая его собственный аромат, смешанный с морозной свежестью, принесенной им снаружи, и накрывая ладонью его напрягшийся член сквозь ткань.

— Сашка... — Он откликнулся сразу, начав излучать энергию желания, которую я вдыхала вместе с воздухом, и властно сжав мою ягодицу. Под моей ладонью задергалась мощная плоть, требуя воли. Сейчас, сейчас, сама горю.

Простыня, в которую замоталась, стала соскальзывать, и я с легкостью последовала за ней вниз, дразня свои уже болезненные соски трением о его одежду.

— Сашк... — Голос Коли сломался, став грубее. — Сашк... поесть тебе надо. Голодная ведь.

Я подняла глаза, глянув на него снизу вверх, ловя его ответный тяжелый, темный взгляд, полный обещания нового мучительного невообразимого прежде удовольствия для меня. Да, я внезапно была голодна. Голодна до него. Разрешаю себе быть свободной от вины за свое желание к этому мужчине. Разрешаю себе воцариться в полную силу. А сила эта просто безумная.

— Угу, голодная... — мурлыкнула, окончательно опустившись на колени. Плевать, насколько это порочно прозвучало и выглядело. — Адски голодная...

Я принялась расстегивать его ширинку, потираясь о жесткую ткань лицом и не прерывая визуальный контакт. Смотри, я больше не скрываю. Я уже как ты. Я пьянею и дурею от тебя, мой варвар, спаситель и захватчик. Я отдаю тебе себя, и я хочу тебя взамен. Николай дернул руками, как будто хотел поймать и остановить мои наглые конечности, но вместо этого схватил за плечи и резко поднял.

— Сашк, давай в койку, — захрипел он, оставив жесткий поцелуй-укус в изгибе шеи. — Хрен я на ногах устою.

Подхватил под ягодицы и понес, глядя неотрывно на мой рот, буквально пожирая его глазами и гулко сглатывая.

— Начнешь — не дам остановиться, — предупредил он, бросив меня на кровать. — Слышишь? Не смогу просто ни хрена. До конца, Сашка.

Я не знала, что он имел в виду. То, что хотел, что бы я приняла его целиком или чтобы обязательно довела до финала. Но мне все равно. С его размером должно быть страшно, но нет. Я хотела дать ему все, что смогу. Насколько меня хватит.

— Хорошо... — кивнула, усаживаясь на кровати, подогнув под себя ноги, и жадно наблюдая за тем, как он практически раздирает молнию на ширинке, продолжая при этом заживо поедать меня глазами. Я ощущала это словно обжигающие физические касания, от которых невольно гнулась, будто они плавили меня, владели мной. Так и было. Владели. Он владел.

— Что же ты на хрен... — выдавил Коля, замирая, дыша рвано, точно захлебывался. — Видела бы моими глазами...

Протянул руку, на удивление нежно дотронулся до заострившегося соска, заставив вздрогнуть. Дернулся сам, как если бы моя реакция ударила впрямую и по нему.

— Сашка, ты ж убьешь меня к хренам, знаешь? — сдавленно пробормотал он, будто что-то мешало ему в горле.

Я не успела ответить. В дверь позвонили. Долгая-долгая такая писклявая трель, явно намекающая, что визитер не уйдет просто так.

— Замочу к херам! — оскалился Николай, скользнул напоследок по моей щеке подушечками пальцев и, матерясь, начал застегивать ширинку.

— Кто? — услышала я его рывканье спустя несколько секунд из прихожей. Ему отвечал тоже мужской голос, но негромко, и было не разобрать. — И что? Ксиву показывай.

Ксиву? Я такое уже слышала из разговоров отца. Это что, за нами уже пришли? Нашли этих... трупы?

Сердце скакнуло в горло, перед глазами поплыло и замельтешило разноцветными вспышками. Дышать вдруг стало нечем. Они обвинят нас? Дура, не нас. Колю! Из-за тебя. Но он же не виноват. Он спасал. Пошарив ополоумевшим взглядом, метнулась к почти пустому шкафу

и выдернула с полки запихнутую комом футболку. Натянула, снизу завернулась в покрывало с кровати и выскочила из спальни.

— Ордер есть? Ну так обзаведись или вызывай повесткой. До свиданья, капитан Корнилов.

— Не спешите прощаться, Шаповалов.

— Лишнего времени на пустой трюндеж не имею.

— Даже если я скажу, что собираюсь обсудить с вами дела, напрямую касающиеся Сомовой Екатерины Олеговны?

Кто это? Родня или...

— И? Если моя сестра каким-то боком заинтересовала спецслужбы, хотя понятия не имею, каким бы, то опять же скажу — вызывайте повесткой.

— Я здесь пока исключительно для личной беседы, Шаповалов. Не хотите пригласить меня чаю выпить, или пусть нас все соседи слушают?

Дверь громко хлопнула.

— Чаю нет. И кофе. И вода, бля, кончилась. Здесь говори, — процедил Коля так холодно, что я плечами передернула. Никогда, даже в момент опасности, со мной он так не говорил.

— Эх, негостеприимный ты, Шаповалов, — тоже перешел на «ты» невидимый мне посетитель.

Я уже поняла, что явился он не по поводу обстоятельств моего спасения и, наверное, стоило бы уйти, а не таиться за углом. Подслушивать — некрасиво. Но все же стояла на месте.

— С людьми твоей профессии быть гостеприимным — чревато, капитан.

— Ну это смотря кому. Если совесть чиста...

— Ты светские беседы ни о чем пришел вести? — грубо оборвал его Коля.

— Вознесенский Дмитрий Алексеевич вам знаком, гражданин Шаповалов? — В голосе незнакомца тоже мигом залязгал металл.

— А должен быть?

— На вопрос отвечайте.

— Это официальный допрос или же личная беседа? — язвительно уточнил Николай. — Понятия не имею, о ком речь.

— Да неужели? То есть вы понятия не имеете, что гражданин Вознесенский в течение двух лет принуждал к сожительству Сомову

Екатерину, являющуюся вашей родной сестрой по матери?

Несколько секунд тишины, и мне показалось, что в квартире резко похолодало. А в моей голове, нарастая, загрохотало «принуждал-принуждал-принуждал».

— Мне нечего сказать вам по этому вопросу, капитан Корнилов. — Слова мой спаситель чеканил, словно швырялся в собеседника острыми ледышками.

— Совсем?

— Совсем.

— То есть тебе, Шаповалов, совершенно насрать на то, что твою восемнадцатилетнюю сестру, по сути, купил старый жирный боров, держал при себе как вещь и насиловал два года подряд по-всякому?

Я в ужасе зажала рот, гася крик. Господи, как так? Неужели подобное реально возможно в нашем мире?

— Пошел. На. Хуй, — отчеканил хозяин квартиры, и мне показалось, что и стены завибрировали от сдерживаемой им ярости.

— И ты, конечно же, не имеешь отношения к тому, что гражданин Вознесенский и два его личных охранника бесследно пропали в середине января и не объявились по сей день? — с явной ехидной ноткой как ни в чем ни бывало продолжил пришедший, которого я уже почти ненавидела. За что он так? Разве не чувствует ничего?

— Ты свой ответ получил. — Щелкнул замок, по ногам потянуло сквозняком. — Вперед.

— А жаль. Разве это не был бы настоящий мужской поступок, а? Отомстить мерзавцу, насилловавшему сестру. Еще, скажем, и приют, из которого ее продали, разнести к хренам.

— Мужские поступки, капитан, не укладываются в рамки уголовного кодекса РФ. Удачи с разгромом на законных основаниях. С удовольствием прочитаю об этом в прессе.

— Ну что же, тогда на этом прощаюсь. На этот раз. Мне еще бы успеть нанести сегодня визит Боеву Андрею Федоровичу. Это же он теперь сожительствует с вашей сестрой.

— Он ей муж, а не сожитель! — на этот раз рявкнул, не сдержавшись, Николай.

— Ну, раз муж, то, может, хотя бы он более склонен совершать настоящие мужские поступки. Или единственный мужик среди вас всех как раз Сомова?

Вот же скот и придурок! Мне захотелось выскочить и заорать этому гаду в лицо, что он и понятия не имеет, с кем смеет так разговаривать и какие поступки совершил этот мужчина.

— Удачи желать не буду. Тронешь сестру... — презрительно ответил ему Николай и захлопнул дверь.

А я тут же сорвалась с места, чуть не упала, запутавшись ногами в покрывале. Бросила его и, вылетев в прихожую, кинулась к Николаю, обвивая его шею. Но он неожиданно отстранил меня, глядя перед собой пустым, промерзшим взглядом и тяжело дыша. Все его тело выглядело одеревеневшим, мышцы напряжены, вены на шее вздулись.

— погоди, Сашк... — прохрипел он, отворачиваясь. — Дай мне минутку. В спальню иди.

Но я никуда не пошла. Прижалась к его спине, точно как он недавно ко мне, обнимая вокруг мощного торса, и уложила щеку между его лопаток.

Так мы и стояли, пока я не почувствовала, что его отпускает.

— Коль, я решила, что остаюсь с тобой, — прошептала я.

Он резко вдохнул и шагнул вперед, освобождаясь.

— Нет, Сашка. Не остаешься.

ГЛАВА 16

Сашка отстранилась от меня молча. Только вздохнула рвано, будто я ее в живот ударил. Девочка солнечная, я себя саданул куда как сильнее тебя. Но прямо сейчас я не знаю, что будет. В голове хаос. Как прикрыть и тебя, и остальных? В твоих глазах трепло стал и тварь, знаю. Только мне чуток бы подумать, воздуха глотнуть и понять, что и как повернется. И есть ли у меня право и дальше к тебе лапы свои тянуть. Ведь не для того спасал, что бы теперь за собой в дерьмо утащить. Но если есть хоть пол шанса, что обойдется... зубами, когтями держать стану. Прощение за эту боль вымолю.

— Коля, я все слышала, — ровным тоном начала Сашка.

Я ждал, если честно, слез. Крика. Обвинений в мудачизме. Заслужил. Нельзя вот так. Сказать женщине сто раз — ты моя, я тебя присваиваю, а потом — все, нет тебе места. Нельзя.

Она тебе душу нараспашку, билет в хренов рай своим «с тобой остаюсь». А ты ей — «нет, без надобности уже».

— Плохо, — буркнул, судорожно перебирая в башке все возможные сценарии на будущее.

— Нет, не плохо, — возразила она и обошла, заглянув в лицо. Обхватила щеки, в глаза строго так посмотрела. А у меня внутри все прям в кровь. Ураган мыслей застыл как на стоп-кадре. Какая же ты... солнечная девочка. Строишь сурово, брови светлые сдвинув, а мне и сладко, и дико больно. Неужели все же не моя ты? Не для меня на этот свет явлена. Досталась на мгновение. Как же я дальше? Опять без солнца? Теперь навсегда.

— Слышала. Поняла. И это моего решения не меняет. Я остаюсь, — твердо произнесла она, глаз не отводя, показывая мне такую решимость, что у меня сердце забухало, запустив в ушах набатом «соглашайся-соглашайся-хватай-не-отпускай». Но ведь тогда мразью эгоистичной буду. Мало ей и так, что ли, в жизни мразей уже повидалось.

— Сашк...

— Не начинай! — Она и ногой босой притопнула.

— Ты не понимаешь...

— А ты объясни! — потребовала она. — Вот так же, как в машине мне все четко и по делу объяснил.

— Это не тот случай, Сашка.

Тут миллион доводов против. Такое не рассказывают кусками. А все нельзя. Не потому, что не доверяю. Нет права у меня об этом трепаться. К тому же ФСБ не менты. Кто сказал, что нас уже не слушают?

— Ну тогда уж извини, Коля, но я все равно остаюсь. Если хочешь, чтобы ушла, выгонять придется, ясно?

Она отступила от меня на шаг, выпрямилась вся как-то по-особенному. Глянула — ну царица прямо. С такой спорить — лоб расшибешь и язык в кровь сотрешь. Вот она и вылезла, отцовская порода. А так ведь ни черточки не взяла. Он кремень, она — облачко. А вот поди же.

— Я не собираюсь тебя выгонять. Ни сейчас, ни потом. — Уж точно не до того момента, пока не буду уверен, что ты в безопасности. — Но ты совершаешь ошибку, знаешь? Все может обернуться очень-очень серьезно.

— Я взбалмошная дочь Стального короля, забыл? Совершать ошибки — для меня нормально.

— Сашка... — покачал я головой, осознавая, что ну не хочу я отталкивать ее. Не могу. Какой бы тварью безответственной меня это ни делало. Тем более все равно нам пока друг от друга никуда. Если это то время, которое мне с ней отпущено, то и гори оно все. На кой я тут героя-страдальца буду из себя корчить и ее мучить. Ясно, что боли ни ей, ни мне уже не избежать. Такие, как моя девочка-солнце, не говорят просто так «Я остаюсь с тобой». Ну и все. Будь оно как будет.

— Знаешь что? Пойдем спать, Сашк. Ничего мы сейчас не решим и не сделаем.

— Насчет сделаем — это тебе лучше знать. А я для себя все решила.

Решила она.

В кровати Сашка прижалась к моему боку и устроила голову на плече. Я аж зажмурился в темноте, впитывая всей своей толстой шкурой этот кайф от ее близости. Просто лежать с ней рядом. Ладонь узкая на моей груди. Дышит тихонько. Тепло. Как давно мне не было вот так тепло? Если бы еще не ебаный осиный рой думок в черепушке.

Главное ведь — не начать дергаться. Ясно как белый день, что этот капитан Корнилов приходил не просто мило поболтать со мной. Сто пудов у него уже есть четкое представление, как все было на самом деле с этим жирным боровом, мэром, и оно наверняка весьма близко к реальным событиям. В ФСБ лохов всяких не держат. Вот только пришел он один и трепался что-то сильно много, практически все передо мной выложил. Так они обычно не работают. На что расчет? Что я заочкую, побегу к Боеву с Камневым докладывать, что жопы у нас в огне? Ага, типа я наивный чукотский юноша и не понимаю, что он где-то рядом теперь пасется, ожидая моей реакции. Бежать — не побегу. Но вот звякнуть Боеву нужно. Именно сейчас, паузу выдержав. Не сразу, типа в панике. Логично же, что я позвоню другу и коллеге с уточнением «че за на хер», а вот если совсем смолчу — не логично.

Нащупал на тумбочке возле кровати телефон, придержал попытавшуюся поднять голову Сашку.

— Шаповалов, ночь на дворе, — хрипло проворчал Боев. Спит, значит, Корнилов не добрался до него пока.

— Я в курсе. Но ко мне тут гость странный наведалься. Капитан Корнилов из ФСБ, — тона я старался придерживать почти равнодушного.

— Корнилов? Фамилия генеральская прям, — фыркнул Андрей, но я уже уловил, что он весь напрягся. — Че хотел?

— Да про какого-то Вознесенского Дмитрия Алексеевича спрашивал.

— Кого? — выдержав четкую паузу, нарочито лениво спросил он. — Че-то не припоминаю. Клиент у нас такой разве был?

— Нет вроде. — Я и зевок выдавил. Если и слушает нас «большой брат», то пусть хавает.

— Ну и чего тогда ночью трезвонишь? — якобы недовольно прорычал Боев. — Нельзя, что ли, было завтра на работе...

— Да спи уже.

Все, в известность я его поставил, остальное только в приватной беседе без возможных ушей.

И про пробросы корниловские насчет Катьки и уебка жирного я тоже нарочно умолчал. Ведь только долбоебский брат станет даже намекать нынешнему мужику сестры на ее прошлого, чего бы там ни

было. Так что все нормально, укладывается в схему. Даже если Корнилов точно знает, что бесследное исчезновение Вознесенского — наших рук дело, то спалить нас по этому разговору не выйдет. А Андрюха теперь будет готов. Катьку прикроет, а я, если все херовей некуда пойдет, — его. Не будет моя сестра одна с дитем корячиться. И Роксана со своими тоже. Я сестренке задолжал, так что если что — все на себя. Не было никаких Боевых и Камневых.

Вот же сука фээсбэшная, ну как нанюхал?

И как же жестко ему удалось цепануть меня. До сих пор же при мысли, что Катюху мою этот... А я жил и знать ни о чем не знал. А потом еще и сам языком своим трепливым подставил.

А может, у говнюка и было целью спровоцировать меня? На кой ему это? Не услышь я тихие Сашкины шаги... хер знает, не сцепился ли бы я с этим Корниловым насмерть. Этого ему было нужно? Охерительный повод сразу заломать меня и закрыть за нападение на работника органов при исполнении. А уж как у нас умеют прессовать, когда ты попал в их цепкие ручонки, ни для кого не секрет.

— Смотрю, спать ты не хочешь, — заерзала Сашка у моего бока, и ее рука с груди заскользила к моему животу. — Надо что-то с этим делать.

— Сашка... — попытался предупредить я, но поздно.

Одно ее ласкающее движение — и все. В черепушке сквозняком вымело думки-переживалки начисто. Она только пальцами тонкими до пупка добралась, а мой член уже задергался, наливаясь и распрямляясь. Так и норовя сходу головкой ей в ладошку занырнуть. Стреб я ее волосы, заставляя поднять лицо к себе, и прямо в губы выстонал свой кайф от первого ее касания, одновременно сдерживая второй рукой трусы и освобождая ей дорогу. Она нежными подушечками пальцев головку обвела — меня как в поясницу током шархнуло, прогибая. Скользнула по стволу, впервые ведь исследуя меня сама, а у меня уши вспыхнули, и в них зазвенело, подчеркивая внезапную сладкую пустоту и свободу внутри. Уверенно, по-хозяйски, обхватила яйца, взвешивая в ладони и застонав мне в рот, и я едва на месте себя лежать заставил. Готов, готов для нее сразу. И не просто готов. Хочу так, что хоть цепями меня вяжи. В нее хочу. Ни терпения, ничего постепенного у меня с этой женщиной. Включаюсь весь, сразу и на предельной, бля, мощности. Сашка меня не поджигает, нет. Что

горит, то и потушить можно. Она меня взрывает к херам. И тут уж никаких тормозов и обратной реакции природой не предусмотрено. Необратимо, сука.

— Хочу... — хныкнула она, разрывая поцелуй, и столкнула вниз одеяло. Приподнялась надо мной на руках, а я шарахнул по кнопке ночника на тумбе. Я тоже хочу. Умираю, как хочу все видеть.

— Коль... — Ее щеки вспыхнули, и Сашка зябко передернулась. — Я вся сейчас...

— Охуительна... — оборвал я ее, непонятно, как и сумев рыкнуть нечто членораздельное. Раздвинул бедра, давая ей место. Знаю, что веду себя как скотина, но похер. Обхватил член, качнув им и показывая ей со всей примитивной честностью, чего хочу. Не заставлю, ни за что. Но просто дурею от одного только предвкушения. А еще больше от того, как она смотрит на меня. Лишь секунда этого беспричинного смущения, и снова открытая жажда. Поймав мой взгляд точно так, как недавно, до того как гадский Корнилов обломал нас, Сашка встала на колени между моих ног, наклонилась и поцеловала меня в центр груди. Ее соски задели мою грудь, и она вздрогнула всем телом, рвано выдохнув. В меня ударило похотью беспощадно. Прострелило от паха до макушки, прогибая в спине, ствол задергался в руке, словно она уже его обласкала.

— Сашк... — хрипло выдавил я. — Не играйся только... не в этот раз... озверею...

— А ты мне нравишься озверевшим, — все так же не прерывая зрительного контакта, промурлыкала она, мягко убирая мою руку от члена. Голос стал глубже, обливал меня, как жидкая сладость, доводя до невменяемости.

Прогнувшись, она потерлась грудью о мой пах, а щекой — в районе пупка, и снова шумно вдохнула.

— Нравится, как пахнешь... дикостью моей... свободой... удовольствием...

Каждое слово сопровождалось влажным поцелуем, и от первого же мне глаза горячечной красной пеленой заволокло. Я моргал, выглядя наверняка полным придурком, но мне нужно было видеть. Видеть, как меня возьмет в рот она. Именно она. Моя солнечная девочка. Видеть, как я совершу реальное кошунство, что отправит меня в ебанный рай.

— Саш-ш-ш-ш-ш-ш... — зашипел я раздавленным змеем, когда протекшая головка скользнула по ее щеке, оставляя там блестящий след. Прижавшись губами к основанию члена, отчего у меня задергалось точечными разрядами в промежности, она притормозила, убивая меня окончательно, глянув совершенно пьяно, и лизнула медленно снизу и до головки. И тут же вобрала ее, вынося этим адекватность, все равно что выстрелом в башку.

— Бля-я-я-я-я! — взревел я, хватая ее за волосы. И тут же отпуская, потому что от первого же глубокого скольжения в обжигающую тесноту ее горла меня разбило в пыль и я уже ничем не смог бы управлять.

Только упираться пятками в матрас, толкаясь навстречу, молотить затылком в подушку, хрипя и мыча, и цепляться за все, до чего мог дотянуться, лишь бы ей не помешать. Слеп, но все видел. Смотрел. Как одурманенно сверкают ее буквально пожирающие меня и мою реакцию глаза, из которых по щекам льются слезы. Как растягиваются, принимая мой ствол, губы. Как она отрывается, жадно хватая воздух. Лижет головку бесстыдно, откровенно этим наслаждаясь, прежде чем впустить в себя снова. Это было пыткой. Рваный ритм, что доводил до остервенения, остановки, что тормозили в мгновении до того, как меня бы прорвало. Но я отдал бы ей себя для такой пытки хоть на вечность. Пока бы не сдох или бы не ебнулся, становясь необратимым дураком. И вдруг Сашка прикрыла глаза, взяла меня глубже, и застонала протяжно, как будто тоже совсем теряя себя. И меня взорвало. Я орал дурниной, опустошаясь, пока язык не прокусил от того, как сокращало всего.

Слепо подтащил к себе Сашку и впился в губы, выстанывая в них свой кайф. И, не отрываясь, заставил его мне вернуть, нащупав незряче трясущимися еще пальцами ее клитор. Сашка кончила почти мгновенно, мелко задрожав в моем захвате, будто только одного касания ей и не хватало.

Мы лежали мокрые, слипшиеся, вздохнув дышащие, продолжая рвано целоваться. Как два нарика, выдыхающие в легкие друг друга дурманящий дым. Вот только у нас это было из сердца в сердце. У меня уж точно. Все, ни хера мне в этой жизни уже не страшно. Даже если завтра подыхать или закроют на черт-те сколько. У меня уже было. Все. С моей девочкой-солнцем.

ГЛАВА 17

За ночь меня пару раз начинало морозить, случались приступы ломоты и дикой жажды и при этом тошноты. Николай избавлял меня от этих симптомов радикально. Поднимал мою голову, надежно удерживая широкой ладонью, пока еще и глаза не успевала открыть, поил, а потом, невзирая на начальное нытье, заставлял уже потеть совсем не от недомогания. Он будто решил вытеснить из моих тела и сознания отраву, заменить их собой. И им я готова была травиться охотно и сколь угодно долго. Наверное, то еще удовольствие — возбуждать меня, хнычущую и полусонную, но Колю, похоже, все устраивало. И мое тело отзывалось на его требовательные, не дающие шанса на отказ прикосновения покорно, как если бы было его собственностью, которой он мог запросто управлять.

Но все же человек не робот, и он устал, видно, возиться со мной. Так что проснулась я от жары и тяжести. Крепко на этот раз спящий Николай буквально спеленал меня собой. Опутал мощными конечностями, практически подмял, спрятал под себя, как жадный ребенок любимую мягкую игрушку. Мне хотелось в туалет, да и ополоснуться после всей нашей отнюдь не спокойной ночи не помешало бы. Поерзав, я только и смогла, что развернуться лицом к моему мужчине, потому как выскользнуть из захвата он мне не давал. Не просыпался, но и не отпускал.

Я уставилась в его лицо, думая о том, что еще ни разу не рассматривала его пристально. Впервые увидела — он мне показался жутким, поскольку я думала, что он один из тех отмороzków. А сейчас чем больше смотрела, тем сильнее щемило в груди. Вот чем я удержу его... такого? Ведь сейчас я четко уже видела и осознавала, насколько потрясающий мужчина рядом со мной. Даже опуская, какой он и на что способен, просто исходя из внешности, есть женщина, что сможет на него не повестись? Нет, Коля не красавчик в общепринятом смысле слова, не слащавый, не аристократичный, что когда-то так привлекло меня в Гошке. Он... мужчина. Вот и все. Все. Потому что именно все-все это определение его внешности и включает. Не парень и не самец. Мужчина. В нем все. Сила, нежность, ненасытность, забота, ярость,

невозмутимость. Все на своих местах и в идеальных пропорциях. Для меня идеальных. И внешность его для меня идеальна. Потому что, чую всем сердцем, я просто теперь не в состоянии буду воспринимать никого другого. Есть только он. Его нахмуренный, даже во сне, лоб, широкие темные брови, обе пересеченные белыми росчерками старых шрамов. Крупный нос, что наверняка до переломов был ровным. Выдающиеся, совсем чуть широковатые скулы, которые мне хотелось целовать, спускаясь к его резко очерченному, но не тяжелому подбородку. А потом добраться и до его рта. Обвести этот жесткий контур кончиками пальцев, потом губами, пользуясь моментом, что хоть во сне он не перехватит моментально инициативу, как это делал всегда. Не превратит в мгновение ока поцелуй в порабощение моей воли. Не пробудит лишь напористыми движения губ и языка все животное, чувственное во мне. Господи, он же действительно поджигал меня одними поцелуями. Потому что не целовал — сразу брал. Всю. Целиком.

Эти мысли завели меня опять с такой легкостью, будто и не было всей этой изнурительной в моем состоянии ночи. И, не вытерпев, я таки потянулась к его губам. И внезапно очутилась на спине, придавленная его телом. Его железная ладонь сжала мое горло, лишая воздуха.

— Не смей, змея поганая! — прорычал Николай жутко, оскаливаясь совершенно по-звериному мне в лицо, вперившись безумным взглядом.

— Коль! — пискнула я сдавленно и замерла, чтобы не провоцировать.

Коля часто заморгал, словно начав видеть только сейчас, и его как снесло с меня. Он отпрыгнул так, что слетел с кровати. И тут же ринулся назад.

— Сашк, прости! — Он схватил еще ошалевшую меня, прижал к себе. Вскочил и стал так таскать по комнате, явно в попытке успокоиться.

Я заизвивалась, стараясь освободить руки. Все же болтаться спеленутым солдатиком перед его мощным телом, когда он мечется, бормоча хрипло извинения, нисколько не комфортно. Коля моих усилий как и не замечал, так что справилась сама. Вывернув из стального обруча его объятий сначала одну руку, обвила его шею. Так

же и вторую, и обхватила его уже и ногами, располагаясь поудобнее. Вот, хочет таскать, чтобы успокоиться, пусть теперь таскает. А сама я принялась массировать пальцами кожу его головы, целуя ухо и бормоча в ответ: «Все нормально-нормально-нормально». Кстати, уши у него тоже абсолютно потрясающие. Крупные, как все в нем, и чуточку заостренные, что ли. Мне почему-то приходило на ум — волчьи. И сам он у меня здоровенный свирепый, но ласковый зверюга.

— Пойдем покушаем, а? — предложила, спустя несколько минут. — Есть хочу зверски.

Мой желудок подтвердил правдивость этого заявления. И есть я хочу, и жить я хочу.

Глубоко вдохнув, так, что меня чуть не размазало по его груди, Николай, видимо, наконец успокоился. Выдохнул и аккуратно поставил меня на ноги. Заглянул в лицо тревожно, приподнял мой подбородок и провел пальцами по шее. Явно собрался извиняться, но я приподнялась на цыпочки, чмокнула его в нос и умчалась в туалет.

— Вот гадство, — услышала его раздраженный голос, входя на кухню.

Коля вытащил из так и позабытого вчера на полу пакета что-то, глядя брезгливо. Перекошенную картонную коробочку с раскисшими пельменями.

— Да и хер с ними, — отправил он несчастные продукты в мусорку и принялся выставлять на стол кучу разноцветных баночек. Потом на свет явилась и палка колбасы с батоном.

— Садись давай! — велел он мне, хмурясь и читая что-то, написанное мелким шрифтом на одной из баночек. — Угу, разогреть перед употреблением.

Обвел взглядом кухню, взвешивая маленькую жестянку в ладони.

— Ну и как я такую мелкую хернюшку греть должен? — нахмурился он.

— Давай! — рассмеялась я, отобрала у него несколько консервов. Заглянула в шкафчики, нашла ковшик и поставила его с водой и банками на огонь. Повернулась и увидела, что Николай как ни в чем не бывало засовывает в рот кусок отрезанной колбасы.

— Ты sdурел?! — потянулась я отнять. — Она всю ночь тут без холодильника валялась!

— Ой, да че ей будет! — увернулся кандидат на пищевое отравление. — И у меня желудок луженый. Знала бы ты, что только есть ни случилось.

— Узнаю, если ты мне все расскажешь.

— Сашка... — Мой мужчина положил колбасу, сильно нахмурился и гулко сглотнул. — Я объяснить должен... насчет этого. — Он коснулся своей шеи, опуская взгляд.

— Нет, не должен. Но знать мне бы хотелось. Ты плохо реагируешь на прикосновения спросонья? Ну просто, чтобы знать и не лез... — зачастила я, но он оборвал меня.

— Тш-ш-ш. Это не то совсем. Трогай меня всегда. Обязательно трогай. Просто... у меня была девушка. Мы расстались плохо. А после нее — никого. Только ты. Причудилась херня... что она меня трогает. А нельзя.

— Потому что вы плохо расстались?

— Потому что теперь у меня ты.

— Но это же сон, Коль, ерунда все.

Он шагнул ко мне и порывисто прижал к себе.

— Все ерунда, Сашк. Но не ты.

И у меня защипало в глазах и заныло в груди, и захотелось сказать в ответ столько. Но тут позади зашипело. Вода в ковшике бурно вскипела, заливая конфорку и ломая все волшебство момента. Да уж, быт — он такой.

Подозрительную колбасу я таки отобрала у Коли. Игнорируя его недовольное бурчание, что у него в брюхе пусто, нарезала хлеб, намазала его тем самым детским питанием, присолила и протянула ему. И хоть поначалу он закатывал глаза, вопрошая, разве это настоящая жратва, но потом одобрительно замычал, повелительно тыча мне с набитым ртом, чтобы тоже ела.

— Не тушенка и пельмени, но тоже есть можно, — заключил он.

Я начала есть очень неторопливо, по пол-ложечки, прислушиваясь к реакции организма. Бежать брататься с унитазом на глазах у Коли у меня не было ни малейшего желания. А в том, что он и не подумает оставить меня в такой ситуации одну, я почему-то и не сомневалась. Он не Гошка. Мнительность играет с людьми в нехорошие игры, и в какой-то момент мне показалось, что в желудке как-то беспокойно, но тут Николай как раз доел свой десяток бутербродов и, не заметив моей

нервозности, перетащил к себе на колени. Сунул ладонь под свою же футболку и мягко присосался к изгибу шеи.

— Мм-м-м, — проурчал он в мою кожу, поднимая дыбом каждый волосок на теле. — Ты кушай, кушай, Сашк, а я намацаюсь хоть на весь день вперед, а то надо будет по делам идти.

— Уходишь? — откинувшись на его грудь, я заерзала, испытывая удовольствие в чистом виде от того, что по моей коже бесцеремонно гуляли уже обе его огромные ладони, слегка царапая ее твердыми мозолями. Кто бы знал, что вот такие, грубые мужские руки способны дарить подобные ощущения.

— Надо. Ты мне напиши на бумажке размеры, и я тебе шмотья раздобуду на первое время. Тащусь, конечно, когда ты вот такая легкодоступная, но не май месяц полуголой по квартире шастать.

— Я легкодоступная? — фыркнула с наигранным возмущением, потеревшись ягодицами о его стремительно твердеющий член.

— Угу. И это охренительно хорошо. — Коля стиснул обе мои груди, чуть ущипнув соски. — Доела?

Я моргнула, увидев перед собой действительно две опустевшие баночки, и поразилась, когда только и успела, но тут же стало не до того. Широкая горячая ладонь накрыла низ моего живота, пальцы Коли безошибочно нашли чувствительную точку, и я задохнулась, теряя способность к связному мышлению. Только и могла, что гнуться и бесстыдно тереться, погружаясь в даримые им ощущения. Мой мужчина дышал уже рвано, и прикосновения из ласковых и дразнящих стали требовательными. Он требовал от меня удовольствия для меня же и делал это без какой-либо деликатности. Сжимал грудь до боли, так, что когда отпускал, она пульсировала, а я выгибалась, прося еще новой сладкой боли. Целовал шею, присасываясь, пуская в ход зубы, жаля краткими укусами — инъекциями чистого кайфа — одновременно вторгаясь пальцами там, внизу, и ритмично давя основанием ладони на ту самую шокирующе чувствительную точку. И от каждого движения меня опять мотало и пронзало обжигающими импульсами от макушки до поджавшихся пальцев на ногах.

— Блиско, Сашк... — Коля не спрашивал, он утверждал. — Как жмешь там... ебнуться можно... привстань... я быстро...

И он сам приподнял меня, ничего толком не соображающую, заставив на секунду опереться грудью о столешницу. В следующую я

ощутила горячую широкую головку его члена, раз мазнувшую по моим мокрым складкам. И закричала, насаженная на его ствол махом, до основания.

— Хорошо? Хорошо все? — пробормотал Коля, поворачивая к себе мое лицо.

Кажется, я кивнула, но не уверена. Внутри все сводило в предоргазменных тянущих судорогах, перед глазами — дикая пляска микровспышек.

— Кончу... сука-а-а-а... прямо так... — процедил сквозь зубы Коля, будто преодолевая мучение. — Са-а-а-а-ашк...

Он стиснул мои бедра и, как невесомую, стал жестко насаживать на себя. И так всегда заполняющий на грани запредельности, сейчас он ощущался безумно интенсивно. Он врывался, а я просто не могла не кричать от каждого проникновения. Меня взорвало буквально на третьем толчке. Хрипела, потому что воздуха на финальный крик уже в легких не нашлось. Николай наклонил меня вперед и дошел до своего наслаждения в несколько мощных ударов. Вернул в прежнее положение, давая опору мне, бескостной сейчас, на своей потной груди. Повернул к себе мое лицо, коснулся губами губ удивительно нежно.

— Как мы круто прям успели, — фыркнул сквозь рваное еще дыхание, и только тогда в мое сознание проник звук дверного звонка. — Капать тебя пришли. Я договаривался, чтобы к девяти.

Поднявшись со мной, еще еле стоящей на ногах, Николай отправил меня в ванную и пошел открывать.

Пришел тот самый медбрат, что ставил мне капельницу в клинике. Попытался завести разговор, сказав, что сегодня я выгляжу куда лучше, но под неприветливым взглядом моего волка мигом посерьезнел. Николай сидел рядом все время, пока меня не стало клонить в сон от препаратов. Быстро спровадил медработника, тщательно подоткнул одеяло, поцеловав еле держащую еще открытыми глаза.

— Дверь я запираю. Телефон тебе для связи оставляю тут на тумбочке, свой номер забил. Вдруг чего захочешь — звони. Или просто звони. Но только мне, поняла? — Я сонно угукнула. — Ничего не бойся, Сашка. Я недолго. Звонить-стучать если кто будет — к

дверям даже не подходи, поняла? Единственный, кто знает, что ты у меня, — твой отец. Бояться нечего. Все, отдыхай.

— Отец... — пробормотала, заплетающимся языком. — Когда к нему...

— Пару дней потерпи, — погладил меня по волосам Коля, успокаивая. — Спи.

Я моргнула, и на этом все.

ГЛАВА 18

Едва я вышел из подъезда, как увидел Корнилова, что шел ко мне, фальшиво улыбаясь во весь рот. Кулак так и чесался, просясь проредить его зубы белые. Неужто прям поселился бомжевать в машине поблизости?

— Доброе утро, Шаповалов. Как удачно я вас перехватил.

А зенки-то красные. Не выспался или бухает?

— Ничего доброго и удачного не наблюдаю, — огрызнулся я. Кривляться и делать вид, что рад ему, не собираюсь. — Чего надо?

— А я вчера разве не однозначно намекнул?

— Намеки — это бабская херня. Их не понимаю. — Я пошел к машине.

Я задержан? Нет. Приглашен официально на беседу? Ни хера. Ну и досвиданья.

— А вот мне вчера показалось, Шаповалов, что вы их не только прекрасно понимаете, но и сами замечательно делаете.

Я притормозил, разворачиваясь и прищуриваясь. И наталкиваясь на его цепкий, чуть не вскрывающий наживую взгляд, где за поверхностной насмешливостью мне почудилась сдерживаемая ярость. Как если бы там, за этой его выдержанной личиной, скрывался жестокий монстр, вроде моего. Тот самый, что прет наружу, только почуяв вблизи других чудовищ в облике человеческом.

— А мне вот показалось, Корнилов, что ты приперся ко мне за каким-то личным интересом, — решил в наглую пробить его я. — Что, родня Вознесенского наняла тебя за дорого найти его? Так ты не там нюхаешь. Ты бы его где на островах в теплых краях поискал. Он же, небось, наворовался на пару жизней вперед, вот и свалил от родины подальше, где за жопу могут прихватить. Осел теперь где-то, пузо греет и пинаколаду попивает.

— Знаешь, Шаповалов, была такая мыслишка, — ухмыльнулся капитан, проигнорировав мое обвинение в продажности. — Да вот только есть одна тонкость. Все, кто его знал в последнее время, прям зуб дают, что никуда бы он без твоей сестрицы не подался. Вроде как помешался он на ней. Грозить открыто не стеснялся, особенно по

пьяни, что любого кончит, кто к ней хоть приблизится. И что ее убьет, но не отпустит. Бывает у дядичек его возраста такая пуля в башке по девкам молодым, бывает. Сталкивался неоднократно. Так их прикручивает, что реально соображать перестают. На всех и все плевать становится. А сестра твоя здесь. Живет себе спокойненько, по улицам ходит, не оглядывается, и даже одна.

Ах ты мразь, неужто к Катюхе сунулся?

— Я тебе сказал к Катюке не приближаться? — прорычал я, шагнув к нему.

— Или что, Шаповалов? И меня упокоишь и где-нибудь в лесах ваших бросишь, чтобы зверье все следы подчистило? Палевно будет.

— Это почему же? Потому что ты своими корочками красными жопу себе прикрыл, думаешь? Если я такой отморозок, как ты говоришь, они меня напугать должны? А знаешь, что мне мнится? Ты ведь один здесь, Корнилов. Никто тебя не прикрывает. Никто тебя сюда не посылал. Официально у тебя ни хера нет. Ты ради чего очко рвешь, а? Бабла семейка Вознесенского хорошо зарядила, или орден так сильно захотел, единолично громкое дельце раскрыв?

— Да срать я хотел на ордена и на ублюдка этого Вознесенского! — рявкнул внезапно капитан, оскалившись по-звериному. — Сдох — туда ему и дорога. Но тебе и дружку твоему Боеву как оно по ночам спится, когда знаете, что приют, из которого сестру твою этому пидору жирному продали, считай, работает и дальше, как ни в чем не бывало? Как дышится, пока там других таких же мальчишек и девчонок собираются пристраивать, как товар живой? Или что, только своя хата с краю? Сомова в порядке, а на остальных плевать?

А ведь не ошибся я. Сидит в капитане монстр. Крепко так сидит. И как только сумел в конторе своей тогда удержаться и не спалиться? Там ведь эти... роботы с холодными головами нужны. Про чистые руки пиздеть не надо. Уж ручки-то у них как раз частенько в дерьмеце по плечи аж.

Мой телефон зазвонил. Глянул на дисплей. Не Сашка. Незнакомый номер. Подождет.

— Херово спится, — ответил я честно. — А тебе?

— А мне вообще никак. Я, сука, вздохнуть не могу. И херовей всего от того, что сделать тоже ничего не могу. Сверху приказ пришел

однозначный, Шаповалов: не трогать. Не соваться в принципе. Все, что нарыл, изъяли и засекретили. Сказали, вякну — и трындец мне. В лучшем случае увольнение с волчьим билетом.

— А ты, значит, успокоиться и отступить не готов?

— А ты типа готов? Хотя у тебя с дружкой твоим вопрос с обидчиком Сомовой вроде как закрыт, да? Решили, что на этом все?

Ни хера мы еще не решали. Причем по вине моей и моего запоя долбоебского. Вот я debil все-таки.

— А тебе нейдет? Все пытаешься по Вознесенскому ясность внести? Так от меня ты ее не дождешься.

— А чего дождусь?

— Хорош выебываться, капитан. Чего хочешь от меня? Конкретно.

Корнилов всмотрелся опять в меня, явно решая что-то для себя.

— Помощи, — выдал он.

— В чем она должна выражаться?

— Я к приюту подступить не могу уже никак. Засветился. А твою морду лица там никто не знает. Да и бабье, я слыхал, на тебя ведется в легкую.

— Это-то тут при чем? — мигом насторожился я.

— А при том, что директриса там — бабенка ушлая. Не старая и, ходят слухи, до мужского внимания охочая. Мальчиков, конечно, у нее и под рукой хватает. Но то мальчики, а то мужик взрослый. Опытный, — Корнилов ухмыльнулся мне похабно и подмигнул.

Теперь у меня оба кулака зачесались.

— Уж не подкладывать ли ты меня ей планируешь? — зарычал на этого долбоеба. — Обломайся, не пойдет.

— Стереть боишься? Или бабы бальзаковского возраста не твои? Так они, говорят, огонь. — Вот гад, весело ему.

— Ну раз так, то сам на нее и лезь!

— Нельзя мне, сказал же. На мою внезапную в нее влюбленность с бешеным стояком она не купится.

— А на мою, значит, да? Не пойдет, сказал.

— Слышь, Шаповалов, да что ты как девственница? Не подкладываю я тебя под нее, просто есть мыслишка пристроить тебя к ним на работу. Есть там физрук, сильно бухающий. Так вот, я его

временно устраню с игрового поля, а ты как бы случайно подвернешься. Видок у тебя что надо.

— Типа туда кого попало с улицы берут.

— Ну ты не совсем с улицы придешь, а вот чтобы сто процентов взяли, и придется чуток поработать лицом... хотя бы. Обаяешь эту Валентину Степановну,строишься. С ребятами общий язык наладишь. Понюхаешь.

— Что там нюхать? Думаешь, там все в открытую?

— А вот это ты и выяснишь, — Корнилов скалиться перестал, мигом посерьезнев. — Мне-то и поговорить там ни с кем не дали.

— На что ты рассчитываешь в итоге? Что толку от нюханий, если хода делу твое начальство все равно не даст?

Капитана аж перекосило, зыркнул на меня зло, и теперь отчетливо я засек в его взгляде родню своему внутреннему монстру.

— А я клал на начальство. Нам нужно двое-трое ребят, которые смогут борзым журналюгам в прямом эфире все рассказать. Видал этих новых, что сразу всю жесть выдают, без цензуры и подготовки? Типа там «Шестьсот секунд». Вот, к таким и пойдем. И хер тогда кто замнет уже, когда на всю страну прогремит.

Ладно, логика в этом есть. Видал я эти передачи. Там реально временами такое выдают и про таких людей, что раньше подобное и представить себе нельзя было. Журналисты эти тоже, по ходу, без башни. Головы потом на раз летят. Так что может выгореть.

— Может сработать, — кивнул я. — Только надо будет все очень-очень быстро проворачивать.

— Быстро, да. Это на мне. А вот тебе на громкую славу, Шаповалов, губу раскатывать не стоит. Ты в гадюшник пойдешь по поддельным докам. А как раздобудешь мне свидетелей, то сразу и потеряешься с горизонта.

— Ага, детей подставлю и свалю? Херня!

Кто, бля, так делает? Не я точно.

— Дебиллом не будь, — заворчал Корнилов. — Если у нас выгорит, такая вонь во все стороны поднимется, что хоть вешайся. Думаешь, кое-кому не сильно дурному трудно будет провести потом аналогию между тобой, сестрой твоей, бывшей воспитанницей этого сраного приюта, и пропавшим мэром города, на ней помешанным? Оно тебе надо?

— Не надо. И плевал я на славу. Но ты мне гарантии дашь, что ребят потом этих не кинешь и прикрыть сможешь. Хотя... какое с тебя уже будет прикрытие. Тебе же как только все закрутится, такого пинка дадут — копчик через рот вылетит. Соображаешь, что не только твоей карьере, но, может, и вообще жизни трындец? Если не замочат сразу, то так потопчутся — хер что останется.

— А я что останется к вам в «Орион» притащу. В охранники возьмете? — фыркнул Корнилов бесшабашно. — Ни хрена со мной не станется, Шаповалов, но за заботу спасибо.

— Да сдался ты мне, заботиться, — огрызнулся я, рассматривая своего теперь, считай, почти подельника внимательнее.

Мой ровесник где-то, а на лбу и вокруг глаз уже полно морщин. Белобрысый, высокий, с Боева ростом. Жилистый весь, плечистый, но подтянутый, поджарый даже, на псину борзую похож. Они только на вид вроде как не массивные и чисто для красоты. Но видал я, как они запросто волкам позвоночники одним куском ломали. Вцепятся — хер оторвешь. И стоял я в спаррингах против таких вот сухих псин длинноруких. Их гадов хрен свалишь. Быстрые и прыгучие.

— Ты на меня прям как на девицу красную любишься, — оскалился снова капитан.

— И как ты такой языкатый у себя в конторе только держишься?

— А я не держусь больше, Шаповалов, так чего ж не потрепаться? Так что, впряжешься? Не засышь?

— Угу, я впрягусь, а ты меня сдашь своим, да?

— Так и ты меня можешь запросто.

— Если только все это не заранее задумано.

— Ты не можешь этого знать, — он уставился на меня прямо. Когда так смотрят, то ни хера уже не прячут. — И я не могу быть ни в чем уверен. Но выберу доверять тебе. А ты, Шаповалов?

— А у меня есть условие. Два. Мне нужно время — дело одно очень важное закончить. И ты не суешься к Катке моей, Боеву или Камневу. Вообще рядом с ними не отсвечиваешь. Нет их для тебя.

— Привлечь друзей не хочешь?

— Друзей не привлекают, а оберегают.

— Тоже верно. Жаль у меня их нет, — в этот раз усмешка его была откровенно горькой. — Ладно, я на все согласен. И на время, и

больше никого не вмешивать. Номер мой забей. Как будешь готов — набирай. Главное успеть до мая, когда там очередной выпускной.

— Успеем.

Мой телефон опять затрезвонил, и, махнув Корнилову, я ответил.

— Слушаю.

— Николай Шаповалов?

— Я.

— Дежнев, начальник личной охраны Ольшанского.

— Ну?

— Иван Павлович умер. Велено было сообщить вам.

— Понял. — Я тяжело оперся о крышу машины.

Сашка... Как же я тебе...

ГЛАВА 19

Проснулась я под звук чужого дыхания. Не чужого. Колиного. И, несмотря на не слишком приятную ломоту в теле, я улыбнулась, не открывая глаз.

— Уже вернулся? — вышло хриплое сипение. Ни капли не сексуально.

— Да. — Голос у него был каким-то слишком глухим. Ощущение безмятежности смыло.

Я приподнялась на локте, находя Колю взглядом. Он сидел на полу, опершись спиной о кровать.

— Что-то случилось?

Он посмотрел на меня тяжело и почему-то с отчетливой виной.

— Сашк... отец твой умер.

Несколько секунд я даже не могла понять, что услышала.

— Сашк... — Николай потянулся к моей руке, но меня его прикосновение будто током ударило.

Не помня себя, я слетела с кровати и попятилась к двери. Больно стало адски. До потемнения в глазах. Будто кто-то ломал мне ребра и выдирали сердце, разрезая все его осколками.

— Умер... — задыхаясь, пробормотала я. — Умер... А ты... ты даже не дал мне с ним увидеться. Я тут с тобой... всем этим... а он умирал?

— Сашка...

Вскочив, он пошел ко мне, но я шарахнулась. Сейчас каждый пропавший между нами сантиметр расстояния усиливал боль и удушье.

Мой отец умер. Он умирал один. В больничной палате, среди чужих людей, в то время, как я занималась сексом, наслаждалась новыми ощущениями. Жизнью. Хотел ли папа видеть меня в последние минуты, или все случилось внезапно, во сне? Я никогда, никогда, черт возьми, уже не узнаю этого. От него. Только от тех самых, чужих, людей, что его окружали. А все потому, что меня не было рядом. И да, мой разум знал, что не вина Коли, что все случилось

так. Но разум сейчас не был главным. Мне было больно. Я потерялась. У меня больше никого не осталось.

Николай протянул ко мне руку, но я снова метнулась от него. Не могу! Не надо.

— Не пойдет! — рыкнул он и все же схватил меня за плечо.

Дернул к себе, явно не рассчитывая сейчас силу, и я врезалась своей грудью в его так, что даже зубы лязгнули. Закричала, рванувшись прочь. Его близость обжигала. Жгла. Но вырваться было нереально. Коля просто оттеснил меня к стене, распластал по ней всем своим огромным телом, обездвижив практически. Я могла кричать, лупить его куда ни попадя руками, неуклюже лягать, но деться от него было некуда.

Неизбежное, неумолимое тепло и обжигающе близкое присутствие. И я билась, орала черт знает что, даже кусала его. До тех пор, пока не выдохлась. Причем до такой степени, что даже рыдать уже не могла. В теле не осталось сил, в душе воцарилась пустота. Как будто там все выгорело.

— Так не должно было быть, — едва смогла выдавить из себя, обвисая.

— Не должно.

— Он был один.

— Да.

— Отпусти. Не могу... чтобы ты рядом сейчас.

— Никак.

— Коль, пожалуйста. Сил нет сейчас даже смотреть на тебя.

— Не смотри. И тебе со мной силы не нужны. А без меня никак сказал.

Он перестал прижимать к стене, подхватил и уселся на кровать, располагая меня на своих коленях.

— Как же я буду... теперь.

Я ощутила неожиданную беспомощность. Отца нет больше. А я... я, оказывается, понятия не имею, какой станет моя жизнь без него и его вечного давления. Я вроде бы столько лет, как только сочла себя взрослой, стала бороться за свою независимость. А вот теперь я как будто потерялась. Мир лишился привычной системы координат. У меня не стало той незыблемой вечной стены, от которой

отталкивалась, а с ней словно не стало и верха-низа-правильного-неверного.

— Все у нас будет нормально, Сашка. Со временем.

А я ведь такая эгоистка. Думаю лишь о том, как я. А у Коли «мы». Сижу и упиваюсь горем. Не время для этого.

— Нам же в больницу нужно, — вздрогнула я от понимания. — Похороны... готовиться надо...

Несколько секунд мне казалось, что Коля откажет. Скажет свое веское «я все сам», и утихшая было истерика стала опять опутывать мысли.

— Да, надо, Сашка. Я одежду принес сейчас выйти, потом что надо купим.

— Сначала в больницу... Увидеть его... — Я оробела мигом. Ведь, похоже, не просто ожидала, что он откажет. Я почти хотела этого. Ничего ведь не знаю. Не умею в этом. Когда умерла мама, все бытовые моменты похорон прошли мимо меня, естественно. Отец обо всем побеспокоился, все сделал сам. Но его больше нет. Что мне делать?

— Помоги! — всхлипнув снова, я обхватила шею Коли, цепляясь за него почти как там, в том заснеженном лесу.

— Тш-ш-ш-ш, я же никуда не деваюсь, девочка моя! — обхватил он меня до хруста костей и покачал.

Потом взялся собирать, будто я была детсадовской. Сводил в ванную, умыл. Разогрел еду, накормил. Одед, я даже не рассматривала во что. Когда вышли во двор, он обнял меня за плечи, почти укутывая в свое крупное тело, укрывая собой. Внимательно посмотрел куда-то в сторону, после того как усадил меня в салон. Я все никак не могла сосредоточиться, в голове как что-то заело. Монотонной пульсацией крутилось одно и то же. Как я смогу посмотреть на папу... не живого. А ведь я должна буду. Без этого же никак.

— Сашка, вниз! — грозный рык Николая застал меня врасплох, среди этого мысленного хаоса, и, само собой, в ответ на его приказ, я только ошалело моргнула.

И тут же его ладонь очутилась на моем затылке, и он не просто нагнул меня, а буквально швырнул, вынуждая скрючиться в узком пространстве перед сиденьем. А в следующую секунду резко крутанул руль, ударив по тормозам. Нас закрутило, меня обо что-то приложило

до искр в глазах. Снова визг покрышек. Швырнуло в другую сторону. Знакомое по страшному снежному лесу и такое жуткое двойное бум-бум металлом по металлу. Грохот, лязг, просто ад какой-то, но не здесь, не с нами, но где-то совсем близко. Крики, ругательства.

— Сашка. Сашка, ты в порядке? — Николай потянул меня, скрюченную и оглушенную, на себя. — Все хорошо уже. Все хорошо, солнышко мое. — И вдруг совсем другим, полным ярости тоном: — Это что за нахер?!

Наверное, меня как-то контузило. Или я сильно ударилась головой и вообще сейчас без сознания. Потому что никакого другого объяснения, как я могу слышать гневное рычание моего отца, у меня не было. А я его точно слышала и не спутала бы его голос ни с чьим.

— Да охренели вы совсем, сосунки! — ревел он на кого-то. — А ну убрали от меня свои пукалки и лапы! Альку мою сюда!

Я вытаращилась на Николая, который тоже выглядел пораженным. Смотрел куда-то в окно, мне за спину, потом глянул на меня и дернул головой.

— Спокойно только, Сашка... — пробормотал он. — Спокойно, поняла?

У меня, казалось, одеревенели и спина, и шея, такого труда стоило повернуться и посмотреть туда же, куда и он. Целая толпа мужчин в черной одинаковой одежде. Одни целятся в кого-то на земле у своих ног. Двое как раз приближались к нам, мешая рассмотреть, кто же лежит на асфальте. Чуть поодаль микроавтобус с распахнутыми дверями. Почти вплоты к нему две столкнувшихся легковушки. Одна въехала другой в бок, столкнув с дороги на покосившийся теперь столб.

— Сиди пока... — начал Коля, но тут я опять услышала голос отца.

— Да повылазило у вас, что ли, дурни?! Ольшанский я. Шаповалов! Отзови своих дворняг. Отпустите, а то я вас...

Не соображая, что делаю, я слепо нащупала ручку и практически вывалилась из салона. На трясущихся ногах пошла на голос.

Парни в черной форме, что уже были у нашей машины, пытались встать у меня на пути, но Колино жесткое «нет!» освободило мне дорогу.

Не соображая, что творю, я пронеслась оставшиеся до главного столпотворения метры и оттолкнула в сторону первого попавшегося чоповца с оружием.

— Отбой! — скомандовал за моей вмиг взмокшей спиной Николай. — Этих отпускаем, парни!

Мой отец и его давнишний друг, дядя Рома, покряхтывая, стали подниматься, как только охранники отпустили их. А вот я тут же осела бы на асфальт, если бы сильные руки Николая не поддержали меня.

— Какого хрена вы тут устроили? — грохнул он грозно над моим ухом и обращался явно не к парням в черной форме. — Вы ее добить хотите?

— Да все нормально же. — Отец встал на ноги, отряхнув с себя снежно-ледяное крошево с дороги, и пошел ко мне. — Алька, дочь, да живой я, живой!

В голове что-то щелкнуло, взорвалось ослепительно. Я заорала. Одно протяжное «а-а-а-а-а-а!» до тех пор, пока в легких не осталось ни капли воздуха.

Отец остановился, заморгал так, будто не мог понять, с чего такая реакция.

— Эй, дочь, ну чего ты? — забормотал он.

— Да как тебе только в голову пришло такое, Ольшанский?! — рывкнул Николай, разворачивая меня к себе и утыкая лицом в грудь, пока меня колотило так, что лязгали зубы.

— А ты что же думал, что я дочку свою прям тебе так взял и доверил без проверок? — хохотнул родитель. — Ты кто такой, чтобы я взял да на самотек все пустил?

Услышав такое, я забилась в захвате своего мужчины, желая прокричать внезапно ожившему отцу всю пережитую боль. Но Коля только прижал крепче, коротко велел: «Дыши, Сашка!»

— Да и что было кота за хвост тянуть? Вон видишь, сдох я для всех, и тут же это дерьмо человеческое повывлезало. И суток не прошло.

— Оно бы и так повывлезало! — явно еле сдерживаясь, возразил Коля. — У меня все было под контролем. Наши оперативники вели нас с Александрой. А вы влезли, и что в результате? У нас покойник, который нам уже ничего не скажет!

— А я должен был смотреть просто, как в мою дочь палить собираются, и надеяться, что ты и твои чоповцы достаточно хороши, чтобы ее уберечь? Да не охренел ли ты, Шаповалов?

— Его уже блокировали! — рявкнул Коля. — А вы вклинились и нарушили весь ход операции! Соображаете, чем это могло обернуться для вашей дочери? Какого хрена лезть не в свое дело?

— А ты на меня тут не ори, Шаповалов! Не дорос еще орать. Альку мою отпусти, пусть хоть к отцу родному подойдет, обнимет. Чего вцепился-то в нее?

— Пусти, — прошептала я.

— Уверена?

Я кивнула, осознав, что первая сокрушительная волна эмоций схлынула. Отчаяние и шок выгорели. Осталась только злость. Развернулась и шагнула к отцу, что широко улыбался, раскрывая мне объятия, будто не заставил только что пережить меня свою мнимую потерю.

— За что ты так со мной, пап? — спросила тихо, позволяя ему прижать меня к себе, но не в силах еще обнять в ответ. Потому что хотелось совсем другого. Ужасного. Неправильного. Ударить. Сделать больно. Нельзя такого хотеть. Не для единственного родного человека.

— Да нормально же все, дочь, — повторил он, похлопывая по спине. — И надо так было. И предателей поймать, и защитника твоего посмотреть в деле. Так, сейчас разрулим тут все и домой поедем, там все и обсудим.

Господи, он не понимал. Действительно не понимал? Всегда таким был. Абсолютно лишенным эмпатии. Способности хоть немного сопереживать, отдавать себе отчет, через что проводит других. Не понимал или никогда и не хотел этого? Какая уже разница.

Так надо было.

Принимай все как есть.

Все же нормально в итоге.

Это доконало маму?

Раздался звук милицейской сирены, замелькали проблесковые маячки. Кто-то приказал опустить оружие. Чоповцы отступили, выполняя приказ, и только теперь я смогла увидеть неподвижно лежащее на асфальте возле врезавшейся в столб легковушки тело.

Максим Дежнев, уже несколько лет начальник отцовской личной охраны. И вокруг его головы расплзлось по снегу кровавое пятно.

ГЛАВА 20

У меня внутри все прямо клокотало. Только отчетливое понимание, что в нынешнем состоянии Сашки мой взрыв ее совсем доконает, остановило от того, чтобы не проорать Ольшанскому в лицо все, что я думаю о том цирке, который он устроил. Где-то в самом уголке сознания грызло, что да, на какую-то долю процента он, может, и прав был, «умерев» для всех. Но, блядь, для всех — это же не для родной дочери. Не для меня, выстраивающего план по ее охране и вычислению крыс в его окружении. Что самое в этом противное? Не будь для меня так важна моя девочка-солнце, не отзовись ее боль так остро во мне, то тот самый процент оправдания поведению Ольшанского был бы для меня гораздо выше. Потому что Сашка права: похож я в чем-то на него. Похож больше, чем сейчас уже казалось приемлемым. Это внезапно стало ощущаться проблемой. Охренительно важной. От того, что видел совершенно отчетливо, каково моей женщине. Что она и обнять отца, вдруг вернувшегося с того света, не смогла. Руки тонкие повисли вдоль тела бессильно, пока этот... да дурень старый, прости господи, по-другому и не назовешь, тискал ее и хлопал по спине. Что взгляд ее опять потух, стал еще безжизненней, чем раньше. Будто полыхнуло все, да и выгорело разом. Что же натворил ты, Ольшанский? Дочь ведь она твоя. Дочь! Ты ей сердце вынул, а потом обратно вернул, типа ничего же такого, давай стучи, как раньше. А моя Сашка так не может, она вон как заледенела вся. И мне во всей этой тусне ментовской никак ее не заграбастать, не закрыть от всего и всех, не начать отогревать назад безотлагательно. А ведь надо, край как надо.

— Эй, капитан, дочь мою отпускай давай! — словно решив все только усугубить, басил Ольшанский на все отделение, куда нас всех доставили для выяснения и дачи показаний. — Ничего она тебе по делу сказать не может, отпускайте Альку. Меня вон, чоповцев опрашивайте. С бабы какой спрос в таких делах.

Тревоги стало еще больше, когда увидел, что Сашка отошла в коридоре подальше и теперь переводила взгляд с меня на отца и обратно. Очень-очень плохой взгляд. И никак на мои знаки и просьбы

подойти ближе не реагировала. Будто мы с ним стали сейчас для нее одним и тем же. И ни хрена не поделать с тем, что на данный момент я должен поддерживать позицию Ольшанского. Въедливый допрос Александры — паршивая идея. Если ее прорвет, гора проблем может вырасти до небес.

— Шаповалов! — окликнул меня нарисовавшийся важняк^[1]. — Проходите в кабинет.

— Сашка, никуда не уходи! — двинулся я вместо этого к ней. — Сейчас за тобой мой друг и коллега подъедет и побудет с тобой, пока освобожусь.

Боеву я отзвонился по дороге и попросил приехать и присмотреть.

— Без тебя присмотрят! — грохнул на все отделение Ольшанский. — Алька, тебя Мезенцев домой отвезет сейчас. Потом поговорим. Езжай давай.

— Палыч, не лезь в это! — не сдержавшись, рявкнул я.

Бля, ну неужели не видит в упор, что все только хуже и хуже делает.

— Лезешь тут ты куда не надо, Шаповалов. Куда моей дочери ехать — я решать буду.

— Я долго ждать буду, Шаповалов? — раздраженно спросил следак. — Господин Ольшанский, вас опросят в соседнем кабинете, а после, если не найдутся основания для вашего задержания, вы сможете сколько угодно разбираться в ваших семейных проблемах.

— Чтобы эти разборки семейными стали, ему, — Ольшанский ткнул в меня высокомерно, — еще ох как попотеть придется.

Сука, ну что за мудака! И как он мог мне казаться в чем-то примером для подражания? Еще и мысль была, что в Сашке чуть играет дурь балованного ребенка. Пристально глянул на нее, забывая на геморного будущего родственника, поймал ее опустошенный взгляд.

— Никуда. Не. Уходи, — произнес одними губами, стараясь как можно четче дать понять: я прошу ее, а не приказываю ей, не помыкаю ею, и вошел в кабинет.

Само собой, ни черта от меня важняк не добился, кроме изначальной версии. Я — личный охранник Александры. В интимных отношениях с ней состоим. Законом не запрещено. На нас было произведено нападение. Опергруппа «Ориона» просто мимо

проезжала, чистое совпадение, ага. Заметили парни ЧП, решили вмешаться. Что делал на месте происшествия господин Ольшанский — понятия не имею. Версий на этот счет строить не собираюсь, не мое это дело.

И скрипи ты зубами хоть до посинения и води по кругу одними и теми же вопросами сто раз — ничего в показаниях менять не стану. Я свободен?

Торопливо покинув кабинет следока, Сашки ни в коридоре, ни на улице не застал. Как и предчувствовал. Набрал Боева.

— Где?

— Колян, я пытался ее остановить. Она меня послала. И мужика, что пахан ее прислал, тоже. Не хватать же мне ее было на улице!

— Где?

— Сказала — домой еду. Я проследил. Сижу перед подъездом. Этот тоже рядом пасется.

И продиктовал мне адрес.

— Что-то ты недорабатываешь, видать, Шаповалов, если Алька моя аж бегом к своему соплежую первым делом побежала, только от тебя вырвалась, — раздался язвительный голос Ольшанского за спиной.

Я старших уважаю. И больных людей и пальцем не трогаю. Но, блядь, напросился. Бить не буду, уебищно это, но сказать все скажу.

— Слышь, Иван Палыч, выйдем на улицу на два слова.

— Да ты никак оборзел совсем, парень? — изумился он, но пошел вперед, явно демонстрируя, что в любых обстоятельствах именно он тот, кто решает, куда идти. Вожак, мать его раз так. Типа мне сейчас на эти иерархические бредни не глубоко пох. — Уж не морду ли мне бить собрался?

— Был бы ты помоложе и поздоровее — даже не сомневайся.

— А, значит, высказать мне, какой я гад, желаешь? Ну-ну, валяй, — ухмыльнулся он высокомерно.

— А тебе прям честно или пощадить твою непомерную гордыню? — процедил я, становясь перед ним на улице.

— Гордыня, Шаповалов, — это когда точно не знаешь, чего стоишь и добился в этой жизни. А это не мой случай.

— Считаешь, дочь твоя любит тебя за то, чего ты стоишь? — Я потер пальцами, давая ему понять, что имею в виду чисто бабло, и у

моего собеседника чуть дернулась щека. — И пока единственное, чего ты, мужик, добился на моих глазах, — это чуть не угробил ее этим представлением со смертью-воскрешением.

— Не преувеличивай, — огрызнулся он.

— Ты, блядь, совсем слепой или деревянный, Ольшанский? — немало труда стоило не зареветь на него зверем. Но такое с ним бесполезно. Слушать не станет, только использует как повод усилить конфронтацию. А как бы мне ни хотелось его тупо и кратко на хуй послать из наших с Сашкой жизнью, я понимал, что это невозможно. Будем дрессировать, прости господи. — Да ты ей нервов на три четверти жизни вперед сжег!

— Ты еще мне сопли распусти тут. Бабы — они бабы и есть. Им нервничать да истерить — что с горы катиться. Самой природой положено, и ничего такого для них в этом нет. Разве что знать им надо поменьше. Я же не зверь какой — дочь родную нарочно мучить. Если бы можно было так же быстро и без ее участия, то так бы и сделал...

— А догадаться в таком случае меня во все посвятить не дошло? Если ты такой провидец и рассчитывал выманить крысу нашим выездом, то мог меня предупредить. Меня одного! Я бы Сашке не стал про твою недосмерть и упоминать. Одно дело ей испугаться по факту нападения. Минута, толком ничего и не поняла бы. А другое... Как можно не увидеть, что ты с ней этим...

— Да все я видел, умник! Но еще я знаю, что починили меня доктора ненадолго. И я должен знать, с кем реально дочь оставлю.

— Со мной. Без вариантов. Если думаешь, что отпущу... подумай еще раз и на этом и расслабься.

— А еще я вижу, — гнул свое Ольшанский, типа и не замечая моих слов, — что ты, конечно, весь из себя герой, оберегающий сейчас, пока все вокруг дочки моей хреново. А что будет, когда нормальная жизнь у вас начнется, а? Я же таких, как ты, знаю как облупленных. В вас хрень сидит, что жрет заживо, когда все ровно да спокойно. Вам обычной жизнью не живется. И что тогда? Влезешь куда, а дочке моей опять горюй?

А интуиция у него все же работает. Было во мне такое дерьмо. Было. Но еще до того, как мы с Сашкой в том лесу пересеклись, я намерен был измениться. Да, выбрал не ту женщину. Потому ничего и не вышло. Еще и свадьбы не было, а во мне что-то муторное бродить

начинало. Загонял я его вглубь. Над собой типа, сука, работал. Потому что с Анькой я хотел измениться ради своей спокойной жизни. Сейчас, по здравому размышлению, это осознаю. А с Сашкой — ради нашей с ней. На сто из ста процентов больше причин. Почему уверен? Потому что заявись Корнилов ко мне прежнему со своим предложением пошпионить, и я бы в ту же минуту с ним усвистал, только меня и видели. Да я бы и сам поперся на амбразуры, только бы просох достаточно. А теперь... Катюха, прости ты меня, херовый я брат, но внезапно появилась у меня задняя скорость. Да, я пойду с капитаном, но потому что должен. Тебе, Боеву с Камневым, совести своей. Должен как друг, старший брат и как нормальный человек. Должен не в принудиловку-обязаловку. Но и никакая слепая ярость монстра или гребаное пламенное сердце героя меня вперед бездумно не несет. Больше нет. Теперь у меня есть надежный якорь и огнетушитель. Во всем, что касается остального мира. Относительно любого обидчика моей солнечной девочки все остается по-прежнему. Тронь кто, причини хоть каплю боли — порву нах! И в этом смысле ее отец не исключение из общих правил.

— Ты меня не знаешь, Иван Палыч. И мне на это похрен. Я на тебя впечатление производить, доказывать тебе чего не собираюсь. Ты на моем горизонте существуешь только потому, что моей Сашке отец.

— Не зарывайся, Коля...

— Я не закончил! Отец, как по мне, такой, какого бы к ней и близко не подпускать. Что я делать и намерен...

— Да ты охренел?

— Не охренел, а ставлю перед фактом: ранить Александру больше не позволю. Чем такой отец, лучше уж сиротой быть!

— Я тебе сейчас по роже...

— Впредь все ваше общение будет только в моем присутствии, и если мне только покажется даже, что ей неприятно, то хрен ты опять скоро дочь увидишь, Ольшанский. И так будет до тех пор, пока не научишься чувства ее беречь, считаться с ней, а не выпячивать это свое блядское «баба — она баба и есть, и так проглотит и стерпит».

— Да ты кем себя возомнил, щенок? Мне указывать, как и сколько с дочерью родной общаться?

— И с внуками, когда они появятся, — сухо кивнул я, игнорируя так и прущий от него гнев. — Александра — теперь моя женщина, моя

семья, а ее я готов защищать от всего. Всего. Без исключений. Хочешь быть частью нашей семьи, Иван Палыч, — кончай вести себя как мудачина бесчувственный.

— Воевать со мной не потянешь, мальчишка! «Орион» ваш весь не потянет! Раздавлю!

— Никакой войны рядом с моей женщиной я не допущу. И ты тоже, если ты ей отец, для которого она важна, а не дурак старый упертый, ни хрена, кроме своей гордыни, не признающий.

Как и сказал, бить я старших не научен. Но на место поставить могу.

Оставив его решать, как ему жить дальше, я пошел к своей тачке. Все остальное подождет, я еду забирать свою девочку. Домой.

ГЛАВА 21

— Привет, красавица! — заступил мне дорогу здоровенный мужик, улыбаясь шире некуда. Но меня его улыбка не могла уже ни обмануть, ни успокоить. Передо мной был хищник. Такой же, как Коля. И мой отец. — Я — Андрей Боев, меня Шаповалов просил присмотреть за тобой.

Присмотреть.

— Александра Ивановна, ваш отец велел вам ехать к нему домой, — встал сзади Анатолий Мезенцев, отцовский помощник.

Велел.

Толик тоже высокий и широкоплечий. Мужчины уставились друг на друга через мою голову явно недружелюбно. И снова я ощутила себя буквально зажатой, удушаемой исходящей от них агрессией. Меня расшатало на ее волнах еще в момент, когда папа и Коля делили, по сути, властные полномочия надо мной. К черту! Я устала задыхаться! Устала, что шага ступить не могу по собственному усмотрению. Я хочу спрятаться от этого. Хочу вспомнить, что самостоятельное живое существо. Просто хочу отдохнуть от прущих на меня волн чужой власти.

— Не нужно за мной присматривать, и забирать меня никуда и никому я не позволю, — отрезала я, протиснувшись у стенки мимо Боева и пошла на выход.

— Хм... С характером, да? — усмехнулся друг Николая.

— Александра Ивановна! Иван Павлович будет недоволен! — это уже Мезенцев.

Но мне плевать. Я хочу закрыться ото всех. Мне нужно время на то, чтобы внутри наступило хоть какое-то подобие порядка. Хотя я не уверена, что оно уже возможно. Коля ведь не знал, что смерть отца — это только представление? Он бы не поступил так со мной. Нет? Отец — легко. Он наверняка и на секунду о моих чувствах не подумал. Только о конечном результате этой своей операции. Мне бы и привыкнуть вроде бы. Но как? Как? Но Коля... он ведь не такой?

Не такой пока. Сейчас. А что потом? Страсти поутихнут, и для него мои чувства тоже перестанут иметь значение? Что меня ждет

рядом с ним? Постепенное скатывание к отношениям моих родителей? Именно то, чего я боялась больше всего. То, от чего я бежала, то, из-за чего я выбрала в мужа себе Гошку?

Я мотнула головой, поражаясь формулировке в своей голове. Я выбрала Гошку в мужа. Не полюбила разве? Ведь еще совсем недавно я думала так и только так.

— Александра Ивановна, вы простудитесь! — пристал снова ко мне Мезенцев.

Оглянувшись, я поняла, что вышагиваю по улице, ведомая все нарастающим гневом. Отцовский помощник медленно ехал рядом с открытым окном в машине. В десяти метрах от него так же плелся в своей тачке Боев, болтая по сотовому. Мотнув головой, смахивая с волос снежинки, я сориентировалась. До нашей с Гошкой квартиры пять остановок на трамвае, что как раз удачно подъезжал. Заскочила в открытые двери. Ключей с собой у меня, конечно, не было, но мы всегда оставляли запасной комплект соседке. Что буду делать дома и как и что скажу мужу, по сути, бывшему, если встречу, я еще не знала. Все, что делала я сейчас, — просто двигалась куда-то по собственной воле, не таскаемая кем-то туда, куда считают необходимым другие. С самого момента похищения я не делала этого.

Но ключи мне оказались ни к чему. Дверь была не только не заперта, но и слегка приоткрыта. В квартире стоял стойкий неприятный запах и громко играла музыка. Морщась, я прошла по гостиной, выключила музыкальный центр. И только тогда заметила Гошку, лежащего за диваном на полу. Боже! В испуге кинулась к нему, но тут споткнулась о коньячную бутылку. Чуть поодаль, рядом с самим бывшим мужем, валялась еще одна. Гошка всхрипнул, что-то забормотал и засопел вполне себе равномерно. Заросший, лохматый, в грязной измятой рубашке. Господи, я подумала, что ему плохо, а ему, наоборот, похоже, чересчур хорошо. Я же его и сильно выпившим никогда не видела, не то что в подобном состоянии. Что это с ним? Чувство вины заливает или отчаянно празднует свою победу? Мог он быть в сговоре с Дежневым? Вместе с ним устроить мое похищение без возврата.

Опустившись на колени, я всмотрелась в лицо еще совсем недавно такого дорогого человека. Он мог меня предать? Взгляд скользил по таким знакомым, но сейчас казавшимся... невнятными,

что ли, чертам. Внезапно он стал мне казаться... никаким. Не уточненным и аристократичным, каким виделся прежде, а именно никаким. Я смотрела и не могла понять причин своего совсем недавнего болезненного желания добиться от него близости. Сейчас это вызывало отвращение. Прежде всего к себе. Жалкая Сашка. На самом деле я, пожалуй, и знать не хочу, предал ли он меня.

Отвернулась почти с безразличностью и пошла в спальню. Нашла внизу шкафа большую спортивную сумку и принялась швырять в нее вещи. Но чем больше она наполнялась, тем больше внутри кипело. Не хочу знать, предал ли? Вранье! Почему? Потому что боюсь в собственных глазах выглядеть еще более жалкой дурой? Или боюсь чувства стыда за то, что сама предала Гошку, если вдруг окажется, что он ни в чем не виноват передо мной?

Предельное напряжение прорвалось криком, и я схватила и затрясла сумку, расшвыривая вещи повсюду. Бегом вернулась в гостиную, бухнулась на колени и стала пихать мужа в бок, пока не перевернула на спину. И хлестнула по щеке. И еще раз. И еще, пока он не открыл мутные, пьяные глаза. Несколько секунд он смотрел, явно ничего не понимая, потом часто заморгал. Его красивое лицо перекосило сначала животным ужасом на грани шока, а потом настолько мощным облегчением пополам с виной, что мне и слов не понадобилось, чтобы все понять.

— Алька! Алечка моя! — потянулся он ко мне, начав всхлипывать. — Прости-и-и-и! Я не хотел! Не зна-а-ал!

Я вскочила на ноги, глядя на него с отвращением. Гошка рванулся за мной, но с собой не справился, только и смог, что встать на четвереньки и протянуть трясущуюся руку.

— Аля-Алечка, прости-прости... я бы никогда... Не знал, не знал, клянусь! — заскулил он побитой собакой.

— Не знал чего, Гош? Что мне из того леса живой не выйти?

— Я... я... ничего такого... — он заикался, опустил голову, замотал ею и натурально зарыдал.

— Какого? — взорвалась я, срываясь на крик. — Не знал, что эти отморозки станут делать со мной? Серьезно? Хочешь знать, что они делали?

Плюхнувшись на задницу, он заелозил ногами по полу, отползая от меня и бормоча: «Нет-нет-нет, не-надо-не-хочу».

— Не хочешь? — меня уже понесло. Хотелось причинить ему боль. Ногами избить. Отхлестать снова по лицу. Но противно пачкаться. И щадить противно. — А мне плевать, чего ты там не хочешь! Они меня били! В лицо плевали! Лапали, рвали одежду! Один из этих ублюдков еще и собирался поиметь меня! Засунуть свой поганый член в рот! Прямо перед тем, как прикончить! Ты стоял полуголым на морозе на коленях, пока над тобой глумятся четверо громил как им вздумается? — Гошка съежился, зажимая уши ладонями и мотая головой, а я все кричала: — Ты представляешь, что такое умолять тварей о пощаде и быть готовой сделать все что угодно за это? Все! Представляешь, что такое осознавать, что все равно убьют? За что ты так со мной? За что? За что-о-о-о-о-о?!

Сильные руки обхватили меня со спины. Рванувшись раз, я лягнула воздух перед лицом Гошки, зарывав не по-человечески.

— Сашка, все! — выдохнул Коля мне в ухо, коснувшись мочки холодными с мороза губами и стал пятиться, оттаскивая. — Все, малыш, все.

Его аромат обрушился на меня как мощная доза обезболивающего и успокоительного.

— Забери меня, — прохрипела севшим от крика голосом. — Отсюда забери.

— Алька! Алька! — подорвался с пола Гошка, кинувшись ко мне и протянув руки. — Прости-и-и! Я же тебя...

Стремительным движением сдвинув меня влево, Николай ударил один раз в подбородок предавшего меня мужа.

— Отдохни, мразота. Позже с тобой разберусь, — проворчал он и, подхватив меня, понес из квартиры.

— Чем помочь? — спросил у подъезда Боев, а я спрятала лицо на груди у Коли.

Я не хотела плакать. Я вообще не плакала. Гошка не стоил слез. Но ничего поделать с прорывающимися всхлипами сделать не могла.

— Ничем. — Словно поняв меня, Николай накрыл своей большой ладонью мое лицо, создавая дополнительный барьер от всех. — Я домой. Пару дней буду отсутствовать.

— Ну ясное дело. На связи, — ответил его друг, и уже кому-то и совсем другим тоном: — Эй, мужик, даже не дергайся. Мой друг и его женщина уезжают, а мы с тобой машем им вслед и не рыпаемся, да?

И тон вроде бы и веселый, но с такими предупреждающими нотками, что возразить такому — надо быть не робкого десятка.

— Сколько ты успел услышать? — спросила я минут через десять пути, когда судорожные всхлипы перестали накатывать.

Николай только покосился на меня и, переключив скорость, мягко сжал мое колено.

— Это правда. Я бы все тогда сделала... Все... любую мерзость... только бы жизнь пообещали.

Пусть знает, какая я.

— Покажи мне того, кто не сделал бы. Не из тех, кто триндит гипотетически, а реально был в таком замесе.

— Это, по-твоему, оправдывает меня?

— Ты не нуждаешься в оправданиях, Сашка. Ни перед кем. Никого не было там с тобой. И себя винить не должна.

— Там со мной оказался ты. — Взяв его кисть, я поднесла к своим губам и поцеловала твердые костяшки. — Спасибо.

Коля шумно вдохнул и аккуратно освободился, взявшись за рычаг.

— Не надо этого, Сашка. Еще вопрос, кто кого благодарить должен.

— Я знаю, кому обязана жизнью.

— А я не хочу от тебя благодарности и обязательств. Не таких уж точно. А каких хочу — ты знаешь.

— И тебя не отталкивает... — поежилась, не зная, как и сформулировать. — Просто подумала: знаю ли я себя? Я еще несколько дней назад была твердо уверена, что люблю Гошку. Что за ним и в огонь и в воду. Что он мой человек. А сейчас... мне от самой себя противно. Что со мной не так, что я не увидела, не заметила такого? Способности предать. И как предать! Не по мелочи. Тотально. Приговор подписать. Даже если он не знал всего, как говорит...

— Так, вот тут стоп, Сашка, — строго оборвал меня Коля, нахмурившись. — «Даже-если-не-знал» в жопу, ясно? Предателей ни вот на столечко оправдывать нельзя. Нельзя! А то, что не замечала, — это не с тобой что-то не так. Вообще в эту сторону думать не могли. Если тебя смогли обмануть и предать, то это не ты дерьмо. Хотя очень трудно не начать так думать. Я знаю, о чем говорю.

— Знаешь?

— Еще как. Я тебе говорил, что плохо расстался с женщиной. До тебя. Потому что предала. Близкого мне человека и мое доверие. Тупое и слепое, как я потом себе говорил. Вся эта хрень, что у тебя сейчас в голове... я ее прошел. Про то, какой я конченный и так мне и надо. Не то что прошел, Сашка, я в этом увяз, как в болоте, по самое горло. Водярой заливал и топил себя все глубже. И хрен останавливался.

— А как...

— Как выбрался? — Коля усмехнулся, сверкнув на меня глазами. — Так это ты меня вытащила. Я тебя по тому лесу тащил, а по факту — ты меня из болота. Так-то. И никаких твоих спасибоканий мне не надо, потому как тянуть тебе меня еще долго. Всю жизнь тянуть.

Я, сглотнув, отвернулась к окну. Потому что... потому что ощутила себя в безопасности, но и в западне одновременно. И именно та безопасность и легкость избавления от любой проблемы, сомнения, что нес с собой Коля, и почудились мне ловушкой. И то самое чувство, что он транслировал открыто, практически навязывал. Моей ему безусловной необходимости. Не на сейчас, не только в плане физического влечения. Девчонку, какой я все еще оставалась до похищения, это бы восхитило в мужчине. О чем ты гредишь в юности, когда представляешь свои отношения? Вот о таком. Чтобы ты одна нужна. Сразу, ни сомнений, ни колебаний. Или желания выбирать. Пресловутое — *моя!* Но ведь как раз та девчонка без памяти любила своего мужа-предателя. Вроде бы. И она же и умерла в том лесу. Сгинула в ледяной реке. Кто я теперь и чего хочу, чем восхищаюсь? Желая ли я нуждаться снова в ком-то, как если бы это был твой воздух, и чтобы так же нуждались во мне? Или же, наоборот, ощущаю что-то слишком похожее на панику от этого. Еще прошлым вечером я разрешила себе хотеть остаться с Николаем. Тогда это казалось простым, как перестать задерживать дыхание. Теперь? Я была Александрой Ольшанской, полюбившей однажды предателя. Не оставалось никаких больше «может быть, все не совсем так». И нет, не Коля здесь был тем, чьим чувствам нельзя доверять. Это была я.

ГЛАВА 22

Иван Палыч, конечно, местами тот еще бесчувственный мудачина. Но есть кое-что, в чем я с ним согласен. Есть моменты и ситуации, когда женщинам вредно думать. Просто-таки противопоказано. Потому что не думают они, а надумывают. За считанные минуты такого в башке нагородить могут — хрен потом бульдозером разгребешь. А уж к выводам каким в состоянии прийти — пиздец. В смысле — у них. Пиздец всему, жизнь — говно, или типа там «я не уверена, что нам и дальше вместе по пути». Ага, с утра все нормально было с общим направлением, а потом узнает чего, в голове покрутит — и опа! Ей надо разобраться в себе и своих чувствах. Ладно, тут грешу предвзятостью. У мужиков такая же херота бывает приключается. Порезе, но бывает же, и забуриваемся мы в такое реально по жесткачу, глубже гораздо, если уж на эту дорожку стащило. Я тому живой пример. Так что не мне Сашку судить. Судить не мне, а вот выбивать думки дурацкие как раз мне.

На подъезде к дому начался сильный снегопад. Прижал немного деревянную от напридуманной ереси Сашку к себе, закрывая от бросающего в лицо снежинки ветра, и повел в квартиру. Она не пыталась отстраниться, но я дистанцию, что она у себя в голове, сильно умной, создала, нутром чуял. Будем, значит, ее убирать. Уничтожать. Самым простым и древним методом. Ничто так не лечит женщину от лишних мыслей, как качественное вытрахивание. А мне и самому этого средства необходимо хапнуть от души, так, что зубы сводит. Не выскажу ей вслух, но сам факт того, что она ушла... Я просил остаться, а она ушла. Да, это было логично и ожидаемо в ее состоянии, но внутренней зверюге срать на психологическую обоснованность. Ушла. Факт. И не куда-то, а в свою старую квартиру, где с этим недомужем своим жила. Бесит. Люто. Даже без того керосина, что с удовольствием добавил Ольшанский.

Не выдержав давления монстриного своего нутра, что сейчас исходилось яростью неудовлетворенной, развернул и толкнул Сашку спиной в стену.

Зачем туда, Сашка? Неужто тебе там почудилось больше безопасности, чем со мной, у меня? Границу хотела между нами? Не будет ее.

— Коль... — успела она только выдохнуть кратко, и я уже запрокинул ей голову, жестко сталкивая наши губы. Не рвался сразу, зафиксировал и прижимался только, облизывал, не позволяя больше и звука издать.

Не будет границ, Сашка, не будет, уясни. И безопасности тебе от меня нигде не будет. От всего прикрою, девочка моя, но от себя — нет. Тебя мой монстр уже захватил, присвоил, личным солнцем вместо сердца в груди поселил. А монстры — они те еще твари жестокие и выжить по-любому желающие. А какая жизнь без сердца? Так что да, никаких границ и безопасности. От меня. Не нужно их тебе. Не дам.

Обхватил пальцами нижнюю челюсть, нажимая и вынуждая открыться Сашку. Сожрал ее всхлип, вталкивая язык в ее рот. Стиснул грудь сквозь слои ткани. Она разом и обмякла подо мной, вцепляясь в мой свитер. Сунул колено ей между ног, усаживая и давая опору, целуя жестко. До вкуса соли и меди. До рваных алчных стонов-хрипов, не разберешь уже чьих. Горячая уже там, даже через все преграды между нашей кожей меня чуть не прижигает.

Дал вздохнуть обоим, пожирая глазами ее покрасневшееся лицо и одурманенный взгляд. Чуть не кончил от того, как потянулась она к моим губам теперь сама. Такая откровенная в своей нужде. Забывшая за один поцелуй, где, что вокруг, что было, что может быть. Только с кем она. И кого хочет. Как я с ней. С того самого первого безумного раза, как впервые на вкус ее испробовал.

— Коля... пожалуйста...

Да, малыш, проси. Меня буквально уносит от этой демонстрации, что необходим тебе. Но этого мало. Слишком мало. Мало демонстрации. Нужно признание. Самой себе ты должна признаться, да так, чтобы уже наверняка. С головой, пожизненно, без права и помышлять об освобождении.

Развернув Сашку, я принялся целовать и прикусывать ее шею, одновременно подталкивая по лестнице. Кайфуя от того, что она спотыкается и то и дело ноги у нее норовят подогнуться. По сути, не шла сама — я ее переставлял, как куклу послушную, со ступеньки на ступеньку. Когда практически втер собой в дверь, отпирая ту и нагло

толкаясь гудящим стояком между ягодиц, Сашка уже едва ли не поскуливала, потираясь в ответ.

— Колечка... сил нет... — шепотом жаловалась она, но я не собирался жалеть. Не время для этого.

Сашка пыталась повернуться в моем захвате, ловить мои губы тянулась, но я пока не давал ей вовлечь себя в новый поцелуй. Совсем тогда соображать перестану. Ударил по выключателю, включая свет, и поставил ее лицом к большому зеркалу в прихожей. Сунул ладони за пояс ее брюк, рванул, не обращая внимания на треск, и спихнул вместе с трусами тряпье вниз.

— Коль... — всхлипнула Сашка, оттопыривая услужливо ягодицы, явно умоляя уже ей засадить. Но еще нет. Еще недостаточно.

Содрал махом всю ее одежду выше пояса. Перехватил инстинктивно метнувшиеся прикрыть грудь тонкие кисти. Сковал своими, разводя на всю ширину, поднял, чуть не распиная ее так перед собой.

— Смотри, Сашка, смотри! — рыкнул в ухо, толкаясь окаменевшим членом ей в поясницу, отчего ее бедра и грудь покачивались. — Смотри на то, что мое. И ничьим больше никогда не будет.

— Колечка, пожалуйста! — Она заизвивалась, опьяненный взгляд метался, ни на чем не задерживаясь. Нет, не этого я хочу!

Потянув за запястья, чуть навалился ей на спину, вынуждая упереться ладонями в зеркальную поверхность и прогнуться. Отпустил ее руки, отстранился, сожрав глазами всю. Покорную, подрагивающую от возбуждения, одним видом меня за горло берущую так, что не вздохнуть, не вырваться. А я и пытаться не буду. Мне свобода от нее и на хрен не сдалась. Мне нужно, чтобы еще сильнее держала. Задушила собой, заменила все.

Скользнул пальцами от расщелины роскошных ягодиц вверх по позвоночнику, перебирая каждый выступающий позвонок, ловя бегущие от моего прикосновения мурашки, упиваясь ее рваными вздохами-всхлипами. У самого в башке так штормило-шатало, что хер его знает, как и на ногах стоял. От промежности до дико чувствительной головки будто кто провод под током протянул и жесточайше пытал, лупя разрядами и заодно поджаривая. Добрался до растрепанных светлых прядей и сгреб, натягивая, прогибая мою

девочку еще сильнее, одновременно просовывая вторую ладонь сзади ей между ног. Скрипнул зубами, найдя обильную влагу. Мне в нее уже так надо, что хоть ори. Истязая сам себя, протолкнул один палец в скользкий жар, и в ушах загрохотали взрывы, зрение помутилось.

Сашка закрыла глаза, выстонала протяжное «да-а-а-а!», завертела задницей, стремясь буквально поймать мои пальцы, затянуть в себя. Внутри вся сжималась, как если бы палец мой обсасывала, глубже утягивала, делая меня окончательно озверевшим животным.

— Открой! — велел я, едва языком ворочая. — Смотри... на себя. Смотри... как я смотрю!

Ты должна увидеть это, Сашка моя. Меня увидеть в себе.

Она послушалась, хоть было ей и нелегко. Глаза открыла, а в них только жажда безумная. Как и у меня. Отпустил ее волосы, сцепил наши взгляды. Рванул ширинку, освобождая гудящий член. Мазнул головкой по мокрым складкам и вогнал себя под корень. В нее как в кипяток. Одним ударом насмерть. Горло продрало от собственного крика. В башке звенело от ответного Сашкиного. Она в первый момент взвилась на цыпочки, ногти скрипнули по зеркалу. Воздух хватала, но взгляд мой не отпустила. Да, Сашка, вот так. Держись за меня всегда. Держись, как я за тебя сразу и насовсем ухватился.

Обхватил ее под грудью, прижал себе, так, чтобы наши лица рядом. Подался бедрами назад совсем чуть и толкнулся в нее снова. Еще глубже, все так же не разрывая зрительного контакта. От нашего отражения я чуть не сдохнуть был готов. Потому что там отражалась наша правда. Сашка, тонкая, невесомая, обнаженная, светлокожая, и я, еще полностью одетый, сжирающий ее глазами бешеными заживо, загребший ее своими лапищами, приковавший к себе. Солнечный свет, присвоенный монстром.

— Видишь? — прорычал, все еще не трахая ее по-настоящему, лишь дразня обоих, отступая на считанные сантиметры и вминаясь обратно, доводя до предела терпения.

Потерянный, ошалелый взгляд Сашки на пару секунд стал острым, пронзающим. Она вздрогнула в этот раз уже как от внезапного сквозняка. Зрачки расширились, будто в панике. Увидела.

— Это нечестно, — захныкала она. Замотала или, скорее, закачала головой, но глаз не отвела.

Знаю, что нечестно. Нечестно вот так вязать тебя собой. Нечестно принуждать принять навсегда, вываливая тебе все свое нутро. Обнажаясь полностью. Ведь хоть и была сейчас обнаженной Сашка, но именно я был голым. Без кожи. Нарочно. Вероломно. Срал я на честность. Я ее этим к себе привязывал.

— Плевал я, Сашка! — ударил бедрами, больше не истязая обоих. — Ты мне нужна.

Чтобы выжить нужна. Сама вытащила из болота, где было на эту самую жизнь уже плевать. Сама монстра прикормила, поработила. Дороги назад нет ни ему, ни тебе.

Она вскрикнула, изогнулась, закидывая руки тонкие назад. Вцепилась пальцами в мой затылок, еще крепче вжимая лицом в изгиб своей шеи.

— Боюсь... — выдохнула и охнула от нового мощного толчка.

— Поздно. — Обхватил ладонями ее бедра, сжал до белых следов. — Давно поздно, Сашка. Всегда поздно.

— Разрушишь... меня... — всхлипывала, содрогаясь от моих беспощадных выпадов, вгоняя ногти в затылок все жестче. А мне от этой даримой ею боли окончательно крышу сносило.

— Сберегу.

Сорвавшись совсем, стал буквально натягивать ее, узкую, жаркую, стискивающую в себе до одурения, на себя. Упивался тем, как болтает ее, хрупкую от моих зверских толчков. Как сиськи ее прыгают, соски острые рисуют прямо по моей радужке огненные тропинки. Как зубы у нее клацают между стонами, что уже почти сплошь криками стали. Как напрягается она каждой мышцей, и трести ее начинает мелко-мелко снаружи и мощно, долгими тягучими спазмами вокруг моего члена. И самого мотало, разносило к хренам, пока не втек в ее оргазм, как если бы он был одним на двоих. Кончил, опустошился, показалось, досуха, до такого дна, что и глубже некуда. Устоял только потому, что Сашку мою, бессильно обвисшую, держать нужно было. Держать. Даже если самому не устоять. И как только чуть прояснилось перед глазами и глянул на нее, еще пылающую, обессиленную, и монстр рывкнул снова: «Голоден!»

Всегда. По ней. Пропала ты, Сашка. Моя.

ГЛАВА 23

— Мм-м-м, — протянула я, расплываясь в улыбке, не открывая глаз.

— Это «мм-м — нет, ты меня заездил, скотина озабоченная», Сашка, или «мм-м — да, давай еще разочек перед душем, ведь ты в этом так хорош»? — хрипло проворчал мне на ухо Коля, толкнувшись твердой плотью в поясницу, оставляя там влажный след.

— Даже сама еще не знаю, — пробормотала сонно, не в силах перестать улыбаться. Да и зачем это делать? Я позволила себе сдаться той стихии чувств, что притянула нас друг к другу, и больше восставать не собираюсь. Ну кто в своем уме устраивает борьбу с собственным счастьем? Из-за чего? Из-за того, что, оказывается, слепая дура и не умею видеть людей? Из-за того, что это может стать причиной какой-нибудь катастрофы в будущем, когда или мои, или Колины чувства не выдержат испытания временем? Ерунда. Ни черта во вселенной не способно противостоять времени, если уж вдаваться в глобальные рассуждения. Ну и хватит об этом!

— Помочь тебе определиться с ответом, м? — Коля огладил мое бедро, и вроде совершенно измотанное за ночь его ненасытностью тело послушно отозвалось новой волной жара и влаги. Господи, откуда только что берется? После того, что он со мной творил, мне впору усохнуть и выгореть до пепла.

В последний раз он меня уже вообще довел до какого-то полубредового состояния. Я под ним, как в лихорадке, металась, сходя с ума от тех невероятных ощущений, что он дарил. Собственные руки-ноги-позвоночник давно были не в состоянии держать, и если бы не те подушки, что он подсунул мне под живот, то наверняка расплылась бы по постели бескостной, бессвязно причитающей лужей. А мой мужчина был неутомим и буквально безжалостен. То таранил сзади мое тело так, что кровать под нами стонала от мощи толчков, а у меня зубы лязгали. Так глубоко, чуть не разрывая. То лишал меня проникновения, отчего я тут же начинала жалобно хныкать, как отчаянно обделенная. Но он быстро заставлял меня опять заполыхать безумием, начиная ласкать ртом. Я раньше и помыслить,

пофантазировать о таком не могла. Кто бы знал... Прямо вот так, бесстыдно, терся лицом, вылизывал, тиская и раздвигая ягодицы. Ввинчивался языком и туда, где только что был сам, и туда, куда до него не вторгался никто. Последнего ума меня лишая не только удовольствием, но и жарчайшим стыдом. Особенно от того, что уже успела понять: мой мужчина не поклонник просто игр для произведения впечатления своим мастерством на партнершу. Он делал исключительно то, чего хотел сам. Ему от этого так же нереально хорошо, как и мне. Я умывалась потом, истекала влагой, как никогда в жизни, металась, надсаживала горло, раздирая ногтями простыни, выгибалась и тряслась как под напряжением. Улетала, казалось, насовсем. Невозможно вернуться после такого.

Но Коля вытягивал меня безжалостно назад. Раз за разом. Выманивал голосом, хрипло бормоча дико порочные вещи, грозя мне еще большим наслаждением, обещая опыт, одна мысль о котором опять заливала по макушку стыдом и предвкушением. Обдувая мою мокрую насквозь, сладко, но абсолютно безжалостно истерзанную им промежность, охлаждая и возвращая чувствительность, и входил в меня снова. Сначала медленно, изводя еще и этим неторопливым скольжением по всем моим раздраженным им же нервным окончаниям, будто требуя запомнить, как он ощущается внутри до самых крохотных мелочей. И лишь постепенно наращивал темп, пока тот не становился опять убийственно свирепым. Честно сказать, я не особенно-то и помнила, как завершилась эта восхитительная пытка. И уж точно сейчас должна быть похожа на вареную макаронину. Хотя скорее уж качественно прожаренную. Но нет, стоило этому ненасытному мужчине скользнуть членом по моим складкам и закинуть ногу себе на бедро, пристраиваясь половчее, и я уже сама прогнулась, оттопыривая с готовностью попу. Чтобы принять его в себя снова. Задохнулась в первые мгновения от чрезмерной чувствительности и болезненности. Кожа тут же наэлектризовалась, волоски встали дыбом. Каждый сантиметр его неспешного вторжения был дозой чистого возбуждения прямо мне в мозг. Это поразительное ощущение-видение... как будто я не только чувствую, как сначала его массивная, блестящая от смазки головка погружается в меня, но вижу это. Вот прямо во всех мельчайших подробностях, потому что, оказывается, запомнила, как выглядит его поразительный член до

мелочей. Сложный рисунок крупных вен, сетка более мелких, обвивающих толстый ствол. Широкая, темная головка, источающая влагу его вожделения, чей вкус я тоже запомнила. И сейчас мои внутренние мышцы сжимались, а одновременно сокращалось и горло, будто он был не только во мне внизу, но и прямо сейчас щедро протекал на мой язык.

— Люблю твой вкус... — прошептала сквозь стон. — Хочу его еще...

Николай сам замер, и так тяжелое дыхание зачастило, пальцы на моем бедре впились крепче, а во мне он словно стал еще тверже. Намного тверже.

— Сашка... — проворчал он в изгиб моей шеи, целуя уже жестче, совсем не ленивое облизывание. — Что же ты творишь, засранка моя... Не видать нам ленивого медленного утреннего секса пока, не видать...

— Ну кому, бля, нейметса в такую рань, — раздраженно рыкнул Николай, когда настойчивые звонки и даже стук во входную дверь вырвали нас из посткоитальной дремы. — Лежи, Сашк, я сейчас всех...

Я потянулась, провожая его, натягивающего на ходу спортивные штаны, ласкающим взглядом. Но тут же вся окаменела, услышав громкие, с командными нотками голоса и грозный рев Коли:

— Да вы поохренели, что ли, предьявлять нам такое! На каком основании?!

Подхватившись с кровати, я второпях облачилась в Колину футболку и помчалась в прихожую. От толкущейся там целой толпы народу в форме у меня в глазах зарябило.

— Сашка! — грозно зыркнул на меня Коля и сразу задвинул себе за спину.

— Что случилось?

— Госпожа Орехова, и вы здесь! — осклабился мне тот самый следователь, что допрашивал и вчера. — Впрочем, ожидаемо. Одевайтесь, Александра Ивановна, вам и господину Шаповалову придется проехать с нами.

— Никуда она не едет, — отрезал Коля, тесня меня рукой назад в коридор. — Ни Александра, ни я совершенно не при чем!

— Шаповалов, ну вы же сами в системе, можно сказать. Понимаете же, что бесполезно препираться сейчас и мы вас задержим до выяснения в любом случае. Соппротивление только все усугубит.

— Да что произошло? — возмущенно спросила я. Что же покоя нам нет ни дня!

— Госпожа Орехова, вы и ваш... телохранитель и близкий друг, господин Шаповалов, задерживаетесь по подозрению в убийстве вашего супруга — Орехова Георгия Владленовича.

— Го... Гоша?

— Ничего. Не. Бойся. Слышишь, Сашка! — четко, словно мы были одни, произнес мне Коля через головы приехавшей за нами толпы. — Все *будет* хорошо.

— Да. Слышу, — кивнула я, вмиг уверовав. Будет. Он так сказал.

Нам даже одеться не позволили вместе. Отправили сначала в спальню меня. Господи, что же за бесконечная череда ужаса в моей жизни! За что? Я уже, похоже, тупею и черствею от этого. Потому как новость о смерти мужа шокировала, но не повергла в отчаяние, не причинила настоящей боли. Чувства потери не было. Друг друга мы, выходит, потеряли давно, а после поддельной смерти отца, Гошкина еще не воспринималась реальной. Гораздо реальнее были ее негативные последствия для нас с Колей.

Допрашивать нас повезли тоже на разных машинах. Николай посмотрел пристально, когда меня сажали в салон, кивнул спокойно, уверенно. Он не выглядел встревоженным, и это его монолитное спокойствие передалось и мне. Оно было как твердая почва под ногами в этом никак не желающем прекращаться хаосе вокруг.

— Вы не проживали вместе со своим супругом, госпожа Орехова? — перешел к сути следователь, как только закончил с формальностями, уже знакомыми мне по вчерашнему, с именем, фамилией, годом рождения и прочим.

— Нет.

Он прищурился, не сильно-то стремясь скрыть огонек осуждения в серых усталых глазах. Невысокий, средних лет, с залысынами. И неухоженный весь какой-то. Жена его бросила, что ли, и он транслирует личное на меня, или просто его чем-то раздражаю?

— Как давно?

— Уже... пять дней, — прикинула я в уме.

— Могу я узнать, в чем причина вашего отдельного проживания? — уставился тяжело, и ноздри заиграли.

— Это имеет какое-то отношение к...

— Мне решать. И да, несомненно, имеет, Александра Ивановна.

— Так получилось. — А что я еще могу сказать? Муж меня предал, отдал в лапы убийц, и их трупы, а не мой сейчас благодаря Николаю растаскивает по лесу зверье? — Люди живут в браке, потом расстаются. Такое сплошь и рядом.

— Позвольте не согласиться, Александра Ивановна. Далеко не каждое расставание бывших супругов приводит к убийству одного из них. Которое пытались замаскировать под суицид, кстати. Да и вы не выглядите слишком уж удрученной смертью вашего супруга. И это всего-то после пяти дней отдельного проживания, как вы утверждаете.

Всего-то пяти дней? Ну да, для всех, может, и так. Для меня же за это время закончилась одна жизнь и началась новая.

— Послушайте, э-э-э...

— Ремарчук Сергей Петрович, я вам представлялся уже, Александра Ивановна. Дважды. — И столько откровенной язвительности в тоне. Что я сделала лично тебе? Имени не запомнила, и ты решил, что я заносчивая богатая стерва, способная на любую гадость?

— Сергей Петрович, вы пытаетесь меня обвинить в чем-то? Или же ваша цель вынудить меня испытывать чувство стыда?

— Моя задача — выяснить, были ли причины, способные привести к такому фатальному исходу. Муки совести — для каждого дело сугубо персональное.

Фатальному исходу? Смотря что им считать. То, что муж приговорил меня к смерти непонятно за что. Или к тому, что я могла бы ему ответить тем же.

— Нет, причин для такого у нас не было. И мучиться укорами совести у меня их тоже нет.

И это чистая правда. Я не вижу за собой хоть тени вины, за что Гошка мог бы поступить со мной так, и знаю, что и не помышляла о смерти для него. Как бы меня саму ни ранил его поступок.

— Когда вы в последний раз виделись со своим супругом, госпожа Орехова? — резко сменил Ремарчук тон на абсолютно безразличный.

— Вчера, сразу после того, как ушла после вашего допроса.

— Я всего лишь вас опрашивал с целью установления обстоятельств происшествия, участницей которого вы оказались, а не, как вы выразились, допрашивал. — Мне чудится, или он так изощренно третирует меня? Это у них тут такие рабочие приемы? — Очень насыщенная у вас жизнь, Александра Ивановна. Что ни день, так труп поблизости.

Знали бы вы, Сергей Петрович, все. В том числе и о количестве трупов в день.

Что самое странное? В этот самый момент у меня перед глазами встал мой Коля. Свирепый. Полуобнаженный. В крови. Не своей.

Ничего. Не. Бойся.

Ничего и не боюсь. Только тебя потерять теперь.

— Ни в чем из этого нет моей вины, ни прямой, ни косвенной, — внезапно совершенно успокоившись, ответила следователю, смело уставившись в его полные неприязни глаза.

В коридоре загрохотал голос, который ни с кем не спутать. Отец.

— Что, кавалерия на подходе, Александра Ивановна, и чувствуете, что все вам с рук, как всегда, сойдет? С таким папенькой всегда и сходило, небось?

— Вы ничего обо мне не знаете, чтобы судить. Не приходило в голову, что и с таким, как вы изволили выразиться, отцом, и без него мне не за что в этой жизни стыдиться?

— Конечно. Завести в открытую роман с телохранителем, наплевав на статус замужней женщины, в ваших кругах не заслуживающая порицания мелочь, да? А супруга устранили, потому что его не устроила роль задвинутой на задний план использованной рухляди? Или все случайно вышло, Александра Ивановна? Ваш громила Шаповалов чуток силы не рассчитал, и пришлось срочно мужа в ванну совать и вены перерезать, пока не остыл?

Картина, описанная им, была настолько отчетлива, представ передо мной во всех ужасных подробностях, что пустой с утра желудок мигом скрутило, и, зажав рот, я заметалась взглядом в поисках

хотя бы урны. Перед глазами поплыли черные пятна, в ушах зашумело, мышцы стремительно стали превращаться в вату.

Дверь распахнулась, и в помещение ворвался отец в сопровождении какого-то явно не маленького милицейского чина, судя по звездам на погонах. Похоже, вид у меня был тот еще, потому что последнее, что я запомнила, был сотрясающий стены рев родителя, обещающего страшную участь бедолаге следователю.

Очнулась я на диване, совсем в другом кабинете.

— Сейчас, Алька, скорая уже на подходе, — хрипло сказал мне отец, что сидел рядом. Лицо серое, губы посинели. Господи, да это разве мне скорая нужна?

— Пап, ты сам бы лег, — стала подниматься я. Слабость еще была, но уже не то, что раньше.

— Нет, лежи сказал! Внука мне еще угробишь!

— Па, ну какой...

— Тш-ш-ш! Ты это... своему Шаповалову скажи... если он хоть слово против. Пусть лесом идет. Ну и что, что от слюнтя твоего. Мне отдадите, я воспитаю, а вы себе еще нарожаете. А то грозил он мне. Ишь! Не подпустит.

Не понимаю, о чем он.

— Па, а Коля где? — огляделась я в пустом кабинете с большим портретом президента на стене.

— Да че ему будет, амбалу твоему. Опросят, и приедет к тебе в больницу, — ответил и глаза отвел.

— Я без него никуда...

— Цыц, сказал! Алька, я сказал — поедешь, значит...

— Нет, — отрезала я и села, посмотрев на родителя прямо, чуя нутром дурное и восставая всем существом против. — Я без него никуда.

— Алька... он мужик, ему и разгребать, — нахмурился отец. — Вытащу я его, клянусь. С моими деньгами и связями раз плюнуть. Ну даже если и посидит чуток...

— Папа, — я подалась вперед и обхватила его осунувшееся лицо ладонями, — мы ни в чем не виноваты. Нас не нужно вытягивать. Веришь мне? Гошкина смерть... мы не при чем.

Он помолчал, глядя на меня все более мрачно.

— Вот как. Ну как скажешь, дочь. Как скажешь.

И почему мне почудилось, что его мысли сейчас совсем в другом месте?

ГЛАВА 24

— Выходи, чего развалился тут! — Дверь камеры, куда меня определили, когда быканул сдуру, открылась, и появился хмурый Ольшанский. — Отдыхает он тут, а дочка моя в голодные обмороки падает, его ожидаючи. Взяла моду забастовки мне устраивать. И все ты, Шаповалов!

Он еще и договорить не успел, а я сдвинул его с дороги и помчался по коридору. Бледная Сашка сидела на кушетке и вскочила мне навстречу.

— Ты как? — заглянул я ей в лицо и сразу поцеловал в задрожавшие губы. — Тш-ш-ш, не реви. Прости.

— Ну зачем же, Коля? — все же всхлипнула она.

— Сглупил. Психанул.

Живой же я. Как услышал в кабинете следака, что Иван Палыч орет дурным голосом и скорую требует, так и перемкнуло. Покидал чуть ментов, что остановить меня пытались. Типа же допрос, куда пошел. Вот и запихнули меня в камеру поостыть.

— Хорош стоять, прилипли они, — заворчал опять над душой Ольшанский. — Домой поехали, обсудить есть что, да и Альку кормить надо.

Чуть дальше по коридору я увидел Комарова — опрашивавшего меня следователя-важняка, на челюсти которого наливался синяк с отеком. Он что-то пытался возражать ментовскому генералу. Так понимаю про то, что отпускать меня нельзя. Общественно опасный тип я, ну да.

— Комаров, я никуда не потеряюсь, — сказал ему, прижав Сашку лицом к своему плечу. — И за челюсть прости. Захочешь тоже врезать — милости прошу, но поддаваться не стану.

Что-то я сегодня многовато извиняюсь.

— В ресторан заскочим, — распорядился уже на улице Ольшанский.

— Какие рестораны, на диете Сашка, — огрызнулся я.

— И ты еще туда же? — взвился геморный родственник. — Куда ей худеть? Не нравится такая, иди себе швабр ищи тощих, а от моей

дочери отвали!

— Да причем тут худеть?!

— Папа, Коля, ну перестаньте! Пап, у меня желудок шалит, мне особая еда нужна пока.

— А я знал! Говорил тебе, что доведешь себя.

Блин, Сашке еще и прокапаться же надо!

— Едем к нам на квартиру, — постановил я, и Ольшанский бухтел, но упрямитесь не стал.

— Хоть не совсем голодранец, и то хлеб, — пробурчал он, оглядевшись в моей двушке, где я первым делом поставил греть детские консервы.

— Пап! — вздохнула Сашка. — Ну перестань уже, а.

— Так я же... хвалю, — дернул щекой вредный мужик, натолкнувшись на мой «хорош мотать ей нервы» взгляд. — Не балбес, говорю, заработал же на жилье. Если не мама с папой подарили.

Завтракали мы в тишине, можно сказать, мирной, если не считать того, что Ольшанский с брезгливой гримасой рассмотрел и понюхал пюре для Сашки. Не прокомментировал, и то хорошо. Но вот когда пришел медбрат ставить капельницу...

— Это, блядь, что, Шаповалов? — прошипел он гневно, вытащив меня в прихожую. — С Алькой что? Какого хрена тут... на дому? Почему в клинику не везешь?

— Так нужно, Иван Палыч. Если Александра посчитает нужным, то сама вам расскажет, что с ней.

— Да я тебя... Говори, сказал, или увезу и под замок посажу ее, а тебя обратно ментам сдам, и хрен ты у меня выйдешь...

— Иван Палыч, может, хватит? — посмотрел я на него примирительно. Вот и не двинешь же для прояснения мозгов, и прав он тут, за дочь переживая. Хотя где его пристальный контроль раньше-то был? — Давай мы лучше по делу пока перетрем, а?

— По делу... — насупился уже на кухне он над кружкой чая, все поглядывая в сторону коридора, куда ушла Сашка. — Не беременная, значит?

— Нет. Пока.

Он помолчал, посопел и, наконец, вздохнул, зыркнув исподлобья.

— Думаешь не понимаю, что набедокурил я тогда с Дежневым? Ну чего уж... Но и ты с соплежует облажался.

— Точно, — согласился я.

— Надо же было, чтобы не подкопаться!

— Иван Павлович, я ему в морду дал, да. Но не больше.

— Так ты же сказал...

— Сказал, что допустил косяк. Надо было его сразу в оборот брать и нашим в «Орион» сдавать, чтобы дожали и все вытрясли. Не оставлять без присмотра.

Да только не до него мне тогда было. Сашку вытаскивать надо было из срыва, где она в том числе и заслугами псевдопокойника-отца очутилась.

— Мне надо было звонить, Коля! Мне! Не хрен чужих в дела семейные тянуть!

В семейные дела, значит? Жук ты, Иван Палыч.

— Не хрен в таком случае в семье конфронтацию нагнетать.

— Поучи меня... умник. Делать-то чего теперь будем? Раз Гошка не самоубился, то, выходит, гадина эта, что на Альку покусилась, жива и рядом ходит. Как вычислять будем? Опять мне помирать?

— Не сработает, — покачал я головой. — Да и теперь, когда то, что мы с Сашкой вместе, не секрет, только совсем безбашенный кто сунется в наглуую.

— Ну да, дураком надо быть на тебя полезть, шкафина здоровенная. Еще и взгляд как у маньяка. Дай бог, дочь если и будет, так в Альку пойдет.

— Кому все достанется, если вдруг ни тебя, ни Сашки? — спросил, проигнорировав очередную шпильку. Меня оглоблей тыкать надо, папаня, чтобы заметил.

— Думаешь, я это сто раз не перегнал в башке? Слюнтяю Орехову было бы выгодно, но теперь его нет, и коню понятно, что не он был главным.

— Родня?

— Брат у меня только остался. Ему бы все отошло. Но чтобы Федька ради бабок меня и племянницу свою... Нет! Непутевый он у меня, да, всю жизнь его на своем горбе вывожу. Но не жадный. И не мразь. Тупик, бля, выходит, Шаповалов.

— Дети у него есть? Жена?

— Ой, да там жена такая... — Ольшанский презрительно скривился, — фифа манерная да прости господи еще та. И дочка такая

же. С криминалом связаться мозгов им не хватит, да и ниже их достоинства якшаться со всякими.

Отстал ты, видать, мужик, от жизни. Сейчас с криминалом якшаться модно стало, и как раз всякие «прости господи» в этом деле в первых рядах. У таких нюх на то, где баблом пахнет, феноменальный.

— Иван Палыч, ты столько стоишь, что манерами и типа достоинством можно и поступиться. И брат твой может быть вовсе и не в курсе, что за его спиной творилось.

— Да он дурак и под носом ничего никогда не видел! Говорил я ему, что Мариэлку эту жена нагуляла на стороне! Ничего там нашего нет, ни черточки!

Вот оно как. А теперь внимание вопрос: эта самая Мариэлка считает себя дочерью брата Ольшанского, или же маманя не скрыла от нее тайны происхождения. Если она есть, а не просто домыслы Иван Палыча. Потому как ответ на этот вопрос необычайно важен в нашей ситуации.

Ладно, ставлю себе галочку и идем дальше.

— Еще предположения? Александра упоминала что-то про проблемы с наездами.

Да и эти упокоенные мной в лесу уебки больно напоминали низшее боевое звено какой-нибудь группировки, что сейчас полезли отовсюду, как грибы.

— Этот... Алькин бывший ныл мне в последнее время о таком, да, — нахмурился Ольшанский, — но думаю, это не наш случай. На меня никто из них выйти не пытался, а ведь понятно, что Гошка не решал ничего. Так, шустрил, пока я отлеживался.

Да, если покумекать, то все равно я склоняюсь к версии, что тут все своими было организовано. Быков чисто как исполнителей для грязной работы привлекли. Потому что ну как бы действовали реальные бандюки? Варианты: наехали бы на самого Ольшанского. Они сейчас так оборзели, что и в больницу бы сунулись, и охрана им похрен. Отмудохали для начала, а не дошло бы — и замочили бы этого Орехова, донося мысль о серьезности намерений.

И если бы и похитили Сашку, то не стали бы мочить сразу. Ну вот не укладывается это в схему логическую и обычную для них. Я еще там, в лесу, об этом думал. Тут как будто что-то очень личное. Не для того, чтобы нагнуть и сделать сговорчивым Ольшанского, захватили

Сашку. Нет. Его целенаправленно этим доконать хотели. Что бы он сделал или не сделал, его дочь была бы уже мертва.

— Кто тебя может ненавидеть прямо до невозможности, Иван Палыч? — спросил я задумчиво.

— Да откуда ж мне... Нет, я знаю, что характер у меня не сахар, Шаповалов. Что я перегибаю иногда. — Угу, почти всегда. — Но ни за что я людей не обижаю. — Да-да, я был свидетелем. — А если когда и зацеплю, ну так компенсирую всегда. Жадностью отродясь не страдал.

— И все же, если хорошо подумать.

Ольшанский отхлебнул остывший чай, скривился и нахмурился. Задумался на пару минут, но потом решительно мотнул седой головой.

— Нет, Коля. Ну не любить меня может кто, злиться там, но чтобы вот так... Дочь воровать мою... Ну это же совсем надо башки и страха не иметь. Я же многое прощу, не спущу, накажу — да, но прощу. Но не когда семью тронут. И сам никогда, ни в жизнь... Бабки, бизнес, конкуренция, терки всякие — это одно. Это мужицкие дела между собой. Детей и баб в такое вовлекать... что за мразью быть надо?

К сожалению, мир меняется не в лучшую сторону. И то, что для тебя, Иван Палыч, дичь и мерзость недопустимая, для нового поколения беспредельщиков в порядке вещей.

— Я закончил! — негромко сказал медбрат из коридора, и задумавшийся Стальной король вдруг оживился.

— Так, схожу я тут... — поднялся он, но тут в дверях появилась Сашка.

— Ты чего не спишь? — удивился я, потому как выглядела она не особенно бодрой.

— Потому что знаю своего папу, — улыбнулась она слабо. — Ты же бедного парня пытать уже собрался, да? Да и Колю тут затиранил, небось.

Это она меня, что ли, от папани спасти подорвалась?

— Да твоего Шаповалова затиранишь, как же. Его и асфальтоукладчиком, похоже, не проймешь.

— Па, если что-то хочешь знать обо мне, то у меня и спроси, — пристально глядя на родителя, Александра уселась на табурет рядом со мной.

— Да ничего я не хо...

— Пап, — укоризненно покачала она головой, — научись спрашивать, а не так, как всегда.

— Да толку тебя спрашивать вечно было! Ты ж ничего не говорила.

— Я говорила. Просто ты никогда не хотел услышать то, что, по-твоему, мне не подходит, не нужно.

— Я отец твой. Кому еще лучше знать.

— И решать за меня?

— А, то есть вот этому, — он ткнул в меня, — решать можно, а мне нельзя?

— С Колей мы будем решать все вместе. А не он за меня.

Ла-а-а-адно, я намек понял и даже буду над собой работать. Но не раньше, чем весь этот гемор закончится.

— Вместе, — надувшись, проворчал Ольшанский и потребовал: — Ну коли так, то говори, что с тобой!

— У меня возникли проблемы с употреблением некоторых средств, — вздохнув, сказала Сашка и протянула ко мне ладонь под столом явно в поиске поддержки.

— Чего? Веществ? Каких та... — соображая, о чем речь, Иван Палыч хмурился все больше, а потом у него лицо перекосило в гневе. — Наркота? Моя дочь наркоманка?! Да я!.. Кто?! Убью нах!!

От его рева дребезжала посуда, и соседи наверняка собрались вызвать наряд. И кстати, вопрос «кто» был актуален и для меня.

— Пап, пожалуйста, успокойся. Все уже в прошлом и не так страш...

— Ты Александра Ольшанская! — заорал он, вскочив и нависнув над моей девочкой, на что мои инстинкты сработали моментально и зеркально. — Моя дочь не может быть какой-то наркоманкой! Не может! Не моя дочь!

— А ну потише на поворотах! — рявкнул я в ответ.

— Не лезь! — огрызнулся Ольшанский. — А ну вставай, Алька, поехали со мной!

— Ольшанский, я предупреждал! — Подняв Сашку с табурета, я прижал ее к себе, стараясь отвернуть от отца, но она уперлась.

— Что, откажешься теперь от меня? — с неожиданной яростью выкрикнула она в ответ. — Потому что это правда. Я по глупости связалась с этим. Прости.

Ольшанский дышал, как паровоз, когда опускался на стул обратно, и прикрыл глаза ладонью. Я потянул Сашку опять на себя, и на этот раз она поддалась. Уткнулась мне в грудь, и плечи ее вздрогнули.

— Не тебе тут... простикать, — глухо проворчал Стальной король, выпрямляясь. — Вот, Шаповалов, смотри на меня. Смотри, запоминай и на ус мотай. И мать ее... как сквозь пальцы утекла. И Алька вот...

— У Александры все будет нормально, — ответил я.

— Угу. Будет. Так, — будто отряхнувшись от эмоций, мужчина хлопнул широкими ладонями по моему столу, заставив подпрыгнуть посуду, — закончили с этим вот... Что делаем? Я предлагаю вам пока переехать в мой дом. Вместе оно надежнее. Побудешь чуть приживалкой при богатой жене, Шаповалов, не облезет твоя гордость, чай.

Вот же жук, он жук и есть. Только обратно на лапы перевернулся и давай опять свое скрипеть.

— При одном условии. Всю охрану твою там мы сменяем на парней моих из «Ориона». Оплачу все сам, — не дал я ему и рта открыть. — Весь остальной персонал тоже я проверю.

— Ишь ты... еще и не породнился, а уже распоряжается моим, как своим, — фыркнул Ольшанский. — Да ладно-ладно, делай как знаешь.

Ну вот и славно. Как раз и с остальной родней познакомлюсь и посмотрю, кто они есть по жизни. Но сначала...

— Ты не против? — спросил я Сашку. Потому что я смотрю и учусь. В разумных пределах, конечно.

ГЛАВА 25

— Так вот тут ты и росла? — Коля огляделся в моей старой комнате в отцовском доме.

Я нарочно не захотела приводить его в ту спальню, где мы жили поначалу с Гошкой пару месяцев, пока не перебрались на съемную квартиру.

Николай несколько часов отсутствовал, я только периодически слышала его голос то в одной, то в другой стороне, отдающий кому-то четкие распоряжения. Парни в черной чоповской форме обходили все вокруг, какие-то незнакомцы возились, устанавливая что-то на стенах и под потолком. Чтобы не мешать никому, я и спряталась здесь.

— Ну не совсем уж росла, — обвела я все глазами. Все как раньше. Даже плакаты мои на стенах никто не тронул. Выцвели они за несколько лет, как и мои подростковые влюбленности в голливудских звезд. А как вздыхала ночами когда-то! — Дом достроили, когда мне пятнадцать было. И как-то жизнь в нем сразу не заладилась.

Я поежилась, вспоминая, сколько раз заставала маму заплаканной, хоть она это и старательно скрывала. Отцу тогда дали какую-то крутую должность, денег внезапно стало много, зато он сам из наших жизней будто пропал. Выстроил этот дворец-клетку нам и, очевидно, решил, что это компенсирует маме его загулы.

— Хм... а я смотрю, тебе так-то не хлюпенькие мужики всегда нравились. Да, Сашка? — Коля изучил brutальных героев боевиков, грозно уставившихся со стен, и подмигнул мне. Стянул свитер и поиграл мускулами, подначивающе улыбаясь мне и забавно шевеля бровями.

Таким я его еще не видела и чуть рот не раскрыла, зависая от завораживающего лукавого блеска в его темных глазах. В груди снова стало тесно до боли и слез, а в мозгу крутилось, как заев: «Боже, спасибо!»

— Ну, вообще-то, прав, — вынуждена была согласиться я, даже мотнула головой, чтобы не стоять тут влюбленной дурочкой.

— Так что, может, мне прикинуться ночью одним из твоих кумиров, что явился ублажить солнечную девочку Сашку? Мм-м-м? —

раскатисто проурчал Коля, обнял меня, притягивая спиной к своей груди. Лизнул в шею и накрыл ладонью грудь.

Моя голова тут же закружилась, а тело стало наполняться щекотными пузырьками вожделения.

— Надо уточнить у моего мужчины, насколько он ревнив и не против ли таких экспериментов, — не смогла я сдержать хихиканья с придыханием от каждого прикосновения его губ, продублированного поддразниванием соска.

— Твой мужчина, к сожалению, ревнив просто адски. Но для любых экспериментов ради твоего удовольствия открыт, до тех пор пока помнишь, что ты именно с ним, какими бы ни были фантазии. — Он скользнул второй рукой вниз по моему животу, и я задохнулась от того, как он безошибочно точно нажал пальцами на чувствительную точку между моих ног. Всхлипнула, выгибаясь, и толкнулась ягодицами к его быстро наливающимся члену. — Са-а-ашка-а-а. Горячая у меня ты какая. Ка-а-айф. Как думаешь, кстати, меня делает чуток извращенцем то, что дико завожусь от мысли, что поимею тебя здесь? М? Будто я буду твоим первым парнем, что пробрался в твою спальню с коварным намерением похитить твою невинность.

— Ах! — меня тряхнуло от уверенного нажатия его пальцев внизу, и веки отяжелели. — Быть первым — это так важно для мужчин?

— Разве что для каких-нибудь неуверенных в себе неумех, боящихся, что у их женщины был раньше кто получше него.

— Это точно не наш случай. — Я приподнялась на цыпочки, закинула руку назад, обхватывая его затылок, и повернулась, уже откровенно выпрашивая поцелуй.

— Господи, Александра! — Вопль, едва ли не визг моей двоюродной сестры вдребезги разнес состояние возбужденного парения, швыряя меня на землю. — Это что же... Я примчалась утешать тебя, а смотрю, уже нашлось кому!

— Мариэлла, — уставилась я на нее, без стука ввалившуюся к нам.

— Кто это, Аля? — и не подумала она извиниться за вторжение или хоть выйти. — Я только узнала, что твоего мужа убили, а ты уже... Как ты можешь? Это же ни в какие ворота... Что происходит?

Я только открыла рот ответить ей, но Николай опередил меня:

— А и правда, что происходит? — грозно спросил он, убирая руки с непристойных мест, но не отпуская меня. — Мне вот тоже интересно, какого хрена моя охрана пустила в дом постороннего, к тому же не имеющего понятий об элементарных правилах вежливости.

— Я посторонняя? — вот теперь уже точно взвизгнула Мариэлла. — Я здесь как раз своя! Дядя Ваня велел пропустить меня, хотя я вообще не понимаю, с какой стати эти хамовитые амбалы посмели остановить!

— Хамовитые амбалы выполняли приказ своего непосредственного начальника, то бишь меня. А о том, каким хамом я могу быть, вы, Мариэлла, рискуете узнать прямо сейчас, если не сбавите тон и не прекратите задавать моей женщине дебилские вопросы.

— Кому? — выкатила она глаза.

— Мариэлла, познакомься, это Коля — мой... — я запнулась.

— Будущий муж, — закончил за меня Николай.

Я покосилась, оборачиваясь и пересекаясь с ним взглядом, и он поднял бровь, будто вопрошая, «есть возражения?».

— Да, — только и подтвердила я.

— Да вы тут с ума посходили? — обалдевше уставилась сестра. — Дурдом какой-то!

— А пойдёмте выпьем чаю и спокойно поговорим, — предложила я. О чем пожалела уже буквально через пять минут.

Как только Мариэлла сбросила свою шубку, оставшись в белом, облегающем платье, мой Шаповалов буквально приклеился к ней взглядом. Нет, он, конечно, не пялился на нее плотоядно, но, однако, смотрел пристально, почти не отрываясь. И вот тут я неожиданно ощутила себя так же, как совсем недавно с Гошкой. Неуверенной и близкой к прозрачности.

— Вы, Мариэлла, откуда узнали о смерти Орехова? — внезапно спросил Коля. — Вроде общегородского оповещения не было.

Вот теперь я уставилась на него с недоумением.

— Что? — моргнула Мариэлла и неловко поставила чашку. — Мне позвонили.

— Кто? — Голос моего мужчины прозвучал так резко, что я даже вздрогнула.

— Да с какой стати я должна... — вскинулась сестра.

— Кто?! — оборвал ее Николай, слегка пугая меня.

— Я не намерена терпеть такое! — завизжала она и вскочила.

— А ну задницу на место усадила и отвечать! — рявкнул Коля так, что мне под стол нырнуть захотелось.

— Коля, что...

— Тш-ш-ш! — он накрыл, даже слегка придавил, будто обездвиживая, мои ладони на столе своей и велел: — Сашка, помолчи сейчас. — И совершенно другим тоном, что напоминал щелчок хлыста: — Ну! Слушаю!

— Да как ты смеешь! — взбеленилась Мариэлла и кинулась к выходу из огромной родительской кухни, завопив: — Дядя Ваня-а-а!

Отец появился в проеме, как будто ждал этого момента. Перекрыл своей крупной фигурой выход сестре, которая практически бросилась ему на грудь.

— Коля, зачем ты... — попыталась я снова, моргая изумленно, но он опять оборвал меня, обхватив за плечи и чмокнув в висок.

— Терпение, Сашк, — ответил и подмигнул, словно происходило нечто почти забавное.

— Мне вот было совсем не смешно.

— Дядя Ваня, что себе позволяет этот... да кто он вообще тако... — буквально задыхалась Мариэлла и вдруг замолкла, когда папа поймал ее за оба запястья, отстранил от себя, глядя прямо в лицо с немного брезгливой гримасой, и кивнул на стул.

— Тебе сказали сесть, Манька, и отвечать.

Боже, да что происходит-то? Я ожидала, что родственница сейчас прямо-таки взорвется, ведь никогда кротким и послушным нравом она не отличалась. Да и сама начала закипать. Что бы там ни было, но на моих глазах двое здоровых мужчин наседали на хрупкую девушку, а это недопустимо. Но, к моему все нарастающему удивлению, сама жертва молча вернулась за стол и села с прямой спиной, потупив глаза и нервно сцепив изящные руки перед собой.

— Я абсолютно не понимаю, что здесь происходит и почему вы все...

— Брошка красивая, — неожиданно оборвал ее Коля.

— Что? — опешила Мариэлла, глянув на свою грудь.

Да, брошь действительно была. Ее любимая, с сапфирами, какая-то там фамильная в семействе ее мамы и вроде как заоблачной цены.

Мариэлка таскала ее по поводу и без. Как и кучу других украшений. Ну обожала она демонстрировать свое ювелирное состояние и личный достаток. Вон и сейчас все пальцы в кольцах, как только сгибать их ухитряется.

— Цацка твоя блескучая, говорю, больно уж заметная. Запоминающаяся, — как-то очень уж нехорошо улыбнулся мой Шаповалов. — И вообще, Сашк, сестра твоя — девушка яркая, глянешь — и просто так и не забудешь. Жаль только, умишка бог не дал побольше.

— Значит, так, — процедила Мариэлла уже по-настоящему гневно, — если вы все думаете, что я намерена оставаться тут и дальше и терпеть оскорбления от какого-то амбала тупого, то черта с два! Выпустите меня, или я вызову милицию!

— А чего заторопилась-то, Мань? — насмешливо спросил отец, зайдя наконец, и встал у спинки ее стула, нависнув над ней. — Ты ж тут хозяйкой всему планировала в скором времени стать, меня с Алькой со свету сжив, а теперь бежишь чего-то.

— Что? — окончательно ошалевая, переводила я взгляд с одного присутствующего на другого.

— Я? Да что за бред?! — возмутилась Мариэлла, но под конец голос ее сломался.

— Соседка пожилая Орехова хорошо запомнила тебя и твою блескучку вчера. И что явилась ты через полчаса после шума и скандала и того, как мы с Сашкой ушли. — Коля говорил безэмоционально, но как-то тяжело, будто каждым словом добавляя веса сказанному. Я глядела, как опускаются плечи родственницы и пропадает без следа гордая осанка под этим весом. Но и на мою грудь оно наваливалось все сильнее. — Что, бедолага Орехов обосрался, жену приговоренную живой здоровой увидав, и тебе позвонил? Сказал, что с повинной пойдет, вломит дяде, и ты решила концы подзачистить от греха. Иван Палыч у нас крут ведь на расправу. Узнал бы, кто дочь его единственную на смерть отправил — и тебе не жить. Пофиг, что родня. А жить хотелось, причем жить хорошо. Так хотелось, что даже не шелохнулось ничего и нигде родную кровь в лапы уродов отдать...

— Да я не знала ничего-о-о-о! — заорала внезапно не своим голосом Мариэлла. Ее лицо перекосилось, она захлебнулась в рыдании, рванулась вскочить, но отец толкнул обратно.

Тогда она кинулась вперед через стол в попытке схватить меня за руку, отчаянно ловя мой взгляд. Но Николай среагировал мгновенно, отдернув меня назад, словно ее прикосновение было ядовитой змеей, способной меня ужалить.

— Алька-а-а-аа! — взвыла сестра, практически распластываясь на столе. — Алечка-Алечка, я не знала, клянусь! Это все о-о-он!

Я же ощутила себя стремительно обледеневающей изнутри. Сначала Гошка, теперь Мариэлка? Близкие люди. Предатели. Как я так жила-то? Среди них. Чем заслужила? Видно, все же заслужила, если вот так вот... И в упор ничего не замечала. Дура и эгоистка.

— Ну надо же, а вот покойничек, помнится, точно такую же песню пел. Ну слово в слово прямо. Да, Сашк? — насмешливо спросил Николай, сильнее сжимая руку, удерживающую мою талию, а я порывисто обернулась, чуть не взрываясь. Это слишком! Вот так говорить... слишком. Жестоко.

Но, столкнувшись со взглядом Коли, вздрогнула, заметив его расширенные зрачки и нечто в общем выражении лица, позе... Дикость. Ярость, рвущуюся сквозь эту якобы спокойную насмешливость. И его рука, сжимающая меня... Не меня он удерживал, а за меня держался. Чтобы не сорваться.

— Да, Сашк... — прошептал Коля, как если бы мог знать, что я в нем увидела.

А я кивнула и накрыла его широкое запястье своей рукой. Если надо держать, я буду держать.

— Да Гошка не при чем! — продолжила вопить Мариэлла. — Алька, клянусь, мы с ним не хотели ничего такого! Не знали мы! Просто думали дядю Ваню припугнуть. Заставить подписать кое-что... Уехать потом, с деньгами. Мы ничего такого для тебя... Ну, пожалуйста, верь мне! Это все он!

ГЛАВА 26

Иметь друзей с ментовским прошлым — бесценно. Конечно, в идеале всю жизнь прожить и так и не узнать этого, но раз уж не судьба...

Камнев буквально за пару часов нарыл для меня кучу инфы, позволившей с почти стопроцентной точностью установить круг подозреваемых. Пробил, само собой, незаконно и сугубо по знакомству, телефон Орехова, и тут же выяснилось, что последние пару месяцев он несколько раз в неделю по два-три часа обретался рядышком с телефоном Ольшанской Мариэллы. Да и вообще между данными абонентами велось активненькое такое общение ясно какого характера. И еще оба — и Орехов, и Ольшанская — частенько разговаривали еще с одним и тем же субъектом.

Боев промчался с поквартирным обходом в доме, где жила Сашка с бывшим, и даже в соседние наведалься. Опросил там всех, кого застал дома, и подозреваю, что очаровал любую женскую особь, учитывая, сколько ему наболтали.

Эх, Сашка-Сашка, ничегошеньки ты под собственным носом не видела. Пенсионерки-соседки и те мигом срисовали, как муженек твой, гондон, за ручки трепетно сеструшку придерживал да шептал чего-то и в глазки заглядывал, когда до такси ее провожал после того, как она у вас гостила. На самом деле я предпочел бы, чтобы ты и дальше всего этого не знала. Ну зачем оно уже? Просто не думал, что эта девка настолько наглая, чтобы примчаться так сразу и подставиться настолько. Ну не от кого ей было еще о смерти любовника узнать типа официальным порядком. Времени-то тут прошло всего фигня. А раз уж явилась сама и подставилась, то пришлось сразу колоть. Хреново, что при тебе, Сашка. Ну да черт с ним уже. Теперь узнала и забывай обо всем к херам про все. Предателей нужно разом и из жизни своей, и из памяти выкидывать.

Да, я умный прямо, когда других касается. Сам так и сделал, как же. Не появись ты, девочка-солнце, и до сих пор бы бухал да жалел себя, дебила.

— Кто он? — грозно гроыхнул Иван Палыч над так натурально убивающейся Мариэллой. Смотришь — и почти веришь гадине. А ведь мое чутье орет, что брешет, как дышит, тварь. Монстр внутри аж заворочался. Так и подмывает за горло взять и душу вытрясти, хотя баб трогать — это совсем дно. Но она разве баба? Змея! Хотя, может, и грех таких вот со зверьем каким сравнивать.

— Па... Паша! — выдала гадюка, и я засек краткий, но острый взгляд на Ольшанского. Глянула, как прицелилась. Рыдает, а реакцию отслеживает. — Сысоев!

Ага, а вот и персонаж, с которым они с Ореховым общались частенько, озвучен.

— Кто это? — тихо спросила Сашка, что вцепилась в мою руку, держась за меня и этим хоть чуть угомоня подступающую к горлу ярость вперемешку с отвращением.

— Врешь, сучка! — внезапно рявкнул Ольшанский, и его шатнуло. Побелел и за сердце схватился.

— Папа! — крикнула Сашка, и мы метнулись к нему вдвоем.

Но Иван Палыч махнул рукой, останавливая нас.

— Так, все. Молодежь, идите давайте! — хрипло сказал он, отчего-то не глядя на Сашку, только на меня, причем с красноречивым нажимом. — А ты, Манька, со мной пошли.

— Что это значит? — опешила Сашка, а ее отец просто молча схватил за руку Мариэллу и попытался утащить ту с кухни.

— Нет! — взвизгнула сучка и, вырвав руку, цапнула со стола нож и метнулась в противоположный угол. — Я теперь молчать не буду! — заорала она, выставив оружие, как она думала, перед собой, и ее всю аж перекосило от злости. — Хочешь знать, кто такой Паша Сысоев, сестричка? Брат он твой! Родной! По отцу!

— Заткнись! — пошел на нее Ольшанский, а я пихнул на всякий случай Сашку себе за спину. Хуй его знает, куда эту ядерную боеголовку в истерике мотнет. — Не мели, чего не знаешь!

— Знаю! — Мариэлла замахала лезвием, пятясь от дяди. — Наш дорогой дядя Ваня по молодости-то ребенка заделал, а жениться на его матери не захотел, он же тогда уже с твоей матерью встречался! И признавать сына не захотел. Деньгами да подачками всю жизнь откупался. Даже на работу вон его к себе взял. А вот в дом свой никогда не приглашал. И родства не признал, даже когда мать твоя

померла. У него же дочь только одна — единственная, принцесса любимая и всему наследница!

— Рот поганый закрой! — рыкнул Иван Палыч, наступая на дурную бабу, но я его резко окликнул. Чего опять лезет куда не надо. Не учили тебя на людей с ножами ходить, так и отойди, не геройствуй. — Никакой Пашка мне не сын! А мать его — шалава по жизни! С кем только не путалась!

— Стой! — велел я Сашке и, подняв для вида обе ладони, пошел на психичку. — Отдай, порежешься, платышко попортишь. Дорогое небось.

— Пошел вон! — заверещала она, мечась теперь взглядом от меня к дяде и обратно. — Сволочь! Откуда она только взяла тебя?!

— В лесу нашла, — ухмыльнулся я, — там, куда ты ее на смерть послала.

— Не я! Пашка это! Мы с Гошкой только денег хотели! А он — чтобы Алька сдохла! Чтобы ты узнал, дядя Ваня!

Естественно, выпад мой она зеванула. Вывернув ей кисть, нож я отбросил подальше, и навалился, прижимая к стене, пока змеища билась, чуть ли на пену не исходя. Выдохлась через пару минут, едва глухим меня не оставив.

— Давай, Коля, веди ее отсюда! — приказал Ольшанский, явно тоже намереваясь уйти.

— Нет! — внезапно громко и твердо сказала Сашка. — Никто отсюда не уйдет, пока я не узнаю все.

— Дочь, потом все. Мы сами разберем...

— Нет! Я, черт возьми, хочу знать, почему прошла через такое! Не потом, ни никогда, зная тебя, папа. Сейчас!

— Шаповалов! Уводи! — гаркнул Ольшанский, да только извини, мужик, но не твое слово сейчас решающее.

— Отвечай, — тихо велел я на ухо своей пленнице и развернул лицом к Сашке: — Ей.

— Почему? Потому что с какой стати все тебе, Алька, а? Всегда все у тебя было! А за что? Чем ты заслужила?

— Не понимаю, — тряхнула головой Александра. — Ты сейчас о себе или об этом... моем брате?

— Не брат он тебе, сказал! — рубанул ребром ладони по столу ее отец.

— Да какая разница о ком? Ты перед всеми виновата!

У-у-у, да тут, чую, клиника стопроцентная!

— Господи, да в чем?! — сжала кулаки Сашка, подступая ближе.

Не стоит, малыш, у таких гадин все ядовитое насквозь. Дохнет — отравит. Вот, кстати, к вопросу об отраве... Мыслишка есть.

— Во всем! В том, что ты его дочь! Почему ты? Не я? Посмотри на себя, корова тупая! Я, я должна жить в роскоши. Ты же даже не понимаешь, что имеешь! За Гошку этого вцепилась, нищенствовать с ним ушла. Гордая она!

— Мы ни в чем не нуждались, да и какое тебе дело?

— А такое! Иметь все, отца, что в деньгах тебя может купать, и жить вот так! Овца!

— И что, за такое убивают, Мариэлла? — шокировано покачала головой Сашка. — Да приди ты ко мне и скажи, что деньги тебе нужны, разве я бы у отца не попросила?

— Да сдались мне ваши подачки! Еще и лекции вечные! С чего я должна просить, если могу просто взять. Когда и сколько захочу.

— То есть вы с Сысоевым на том и сошлись? — спросил я ее, подводя обратно к столу. — Села и не рыпаясь. Второй раз ласковым удержанием я не ограничусь. — Девка зыркнула злобно через плечо, но на стул задницу умостила. — Итак, Сысоев хотел отомстить за отцовский игнор всю жизнь, лишив его признанной дочери. Ты прикинула хрен к носу и поняла, что смерть дочери дядю твоего, скорее всего, в могилу сведет. Наследником Орехов остается. Вот и замутила с мужем сестры на упреждение. Заранее подготовилась.

— Чего там готовиться, — презрительно зыркнула сучка на Сашку. — Пару раз показала этому лоху, что такое настоящая женщина в постели, он и влюбился без памяти. Надоел свой любовью — сил уже не было.

Мразь, достала все-таки мою девочку ядом своим. Сашка шумно вдохнула, выпрямляя спину как-то деревянно, и сглотнула. Говорю же, такие яд всеми порами источают.

— Настоящая шлюха, ты хотела сказать? — уточнил я. — Потому как настоящая любящая женщина и настоящая шлюха — это две большие разницы.

— Да плевала я, что ты там думаешь, амбал!

— Господи, а я считала, ты выросла, Мариэлла. А ты все та же. Забрать, сломать и швырнуть обратно, как с теми куклами в детстве, да? — покачала головой Сашка, глядя на сестру с грустью.

Эй, малыш, только жалеть эту мразь не смей! Нельзя это.

— Пошла ты, Алька! — дрянь откровенно уже огрызалась на всех, видно оклемавшись от первого шока.

— Язык прикуси, так с дочерью моей разговаривать! — прикрикнул на нее Ольшанский.

— Вот сдохла бы твоя дорогая доченька, узнал бы тогда, старый хрен!

— Манька, не нарывайся, ты же меня знаешь.

— И что ты мне сделаешь, а, дядя Ваня? — ухмыльнулась змея. Точно очухалась, осмелела. — Племянницу родную убьешь? Дочь брата своего? Избить велишь? Милиции сдашь? На каком основании? Где доказательства хоть какие-то? То, что я с мужем твоей дочки спала, законом не наказуемо.

— А почему думаешь, что не убью? — процедил Иван Палыч, упираясь кулаками в стол напротив Мариэллы. — Ты ведь дочь мою не пожалела и не собиралась. Так с чего я должен с родной кровью считаться, если она чистая отравка. И не факт, что родная еще.

— Папа! — ахнула Сашка. — Ты не мож...

— Из-за нее ты мне ничего и не сделаешь, — цинично ткнула пальцем в Сашку сволочная баба. — В глазах доченьки потом как отмоешься?

— Между собой мы разберемся. И хрена с два я поверю, что и соплежуй этот, Орехов, и Пашка сами все это придумали. Ты ими вертела, как хотела. А раз борзая такая, значит, уверена, что Пашка против тебя ничего не скажет, так? Что с ним сделала?

— Понятия не имею, о чем ты, — насмешливо скривилась гадина.

Ты смотри, совсем расхрабрилась. Ну ничего, я тебя сейчас в чувство приведу.

— Хрен с ним с этим Сысоевым, — прервал я их. — А поведай мне, дорогуша, за каким хреном ты-то сюда так быстро прискакала? С чего так подставилась?

— С тобой я вообще разговаривать не собираюсь. Думаешь, не понимаю, кто ты и зачем тут? Что, решил быстренько наивную дуру Альку утешить и пристроиться рядом с бабками?

— Да мне как-то по жизни своего хватает, не нуждаюсь. А вот у тебя причина поторопиться была. И мы ее сейчас установим, раз сама колоться не хочешь. Сашка, есть же тут на кухне перчатки резиновые?

Все недоуменно уставились на меня. Александра кивнула и достала необходимое.

— Надевай и неси-ка сюда шубейку и сумочку ее, — велел я. Нам лишние отпечатки не нужны.

— Что? Да как вы смеете?! — подпрыгнула борзая змея, но я бесцеремонно уперся ей ладонью между лопаток, прищипывая грудью к столу.

Александра вернулась, все еще глядя недоуменно.

— Вытряхивай все на стол. Из карманов и из сумки.

— Нет! Не имеете право! — выкручивалась Мариэлла и даже лягнуть меня из такого положения попыталась.

Сашка поежилась, явно дико нервничая от всего этого, но послушалась.

— Боже, это же омерзительно просто, — пробормотала она, начав выкладывать все из карманов шубки. — Мариэлла!

На столе очутился маленький прозрачный пакетик с каким-то голубоватым порошком. И Сашка явно узнала содержимое, а я догадался.

— Но... как же так... ты же сказала...

Она перевернула и тряхнула над столом сумку. Из нее вывалилось всякое бабское барахло и еще один пакетик. Теперь с целыми таблетками того же цвета. Подготовилась, тварь.

— Ну что, ты смерти ей не хотела, да? — спросил я и, все же не сдержавшись, тряхнул ублядину, схватив за ворот платья. — Утешить сестру примчалась, так? А после твоего утешения она хоп и очурилась от передоза. И таблетки припрятаны по углам, да? А с тебя какой спрос, если и экспертиза показала бы, что давно употребляет. А наркоманы, они мрут чуть что, кто же на это смотрит. Еще бы и Иван Палыч копать в таком не дал бы, как только узнал бы, что дочь у него на дурь подсевшая, оказывается. Позор. И вот теперь перейдем к вопросу о том, что предъявить тебе по закону нечего. Я не эксперт, но на статью серьезную это добро потянет...

— Не-е-е-ет!!!

ГЛАВА 27

— Че, выпендрился? — подмигнул Коле появившийся через время Боев, стрельнув хитрым взглядом на меня, и кивнул на так и разбросанное на столе содержимое сумки и карманов сестры. — Понимаю, мужик, но в другой раз так не делай. Такое к делу подшить... — он покачал головой. — Да и любой сколько-нибудь толковый адвокат...

— Хрен ей, а не адвокат! — рыкнул отец. — Сядет сучка такая и пусть считает, что еще легко отделалась. А Федька попробует за нее хоть слово вякнуть...

— Пап, ну он же отец ей, конечно попробует, — вздохнула я.

Саму Мариэллу увели пока и заперли в одной из комнат под присмотром охраны.

— А я тебе отец, Алька! И кабы не ты тут... — он бросил короткий взгляд на Боева. — Вот говорил и буду говорить, что когда дела делаются, ба... женщинам рядом тереться нечего.

— Не смог бы ты. — Я подошла к его стулу и, встав за спиной, обняла, примостив щеку на седой макушке. — Ты у меня не такой.

— Угу, вот так и думай дальше, дочь, — ворчливо ответил он и похлопал по ладони на своей груди, явно чувствуя себя неловко. — Но это... шла бы ты к себе. Шаповалов, скажи, тебя ведь теперь только слушает. Отца родного ни во что не ставит. Нечего уши греть, дела тут у нас.

— Пап, что ты хочешь сделать? — Я и не подумала отойти, как и Коля последовать указаниям отца. Он, наоборот, отошел с Боевым к окну, и они что-то тихо обсуждали.

— Тебе оно не надо.

— Па...

— Что па? Ну не маленькая же, понимаешь, что надо мне из Маньки вытрясти... про Павла. Точка тут не поставлена, надо знать, что с ним и чего нам ждать.

После того, как нашли наркотики, Мариэлла окончательно озлилась и на все вопросы, в том числе и о брате, отвечала грубостью и гадкими насмешками в мой адрес. Бросалась тем, как Гошка ей

жаловался на отсутствие влечения ко мне и принудительную повинность даже просто в постель одну ложиться и дожидаться не мог избавления. Мерзко ухмыляясь, спрашивала, хорошо ли встает у Шаповалова и какую сумму денег он должен для этого представлять вместо меня. Потому-то ее и увели, пока не довела.

— Это правда? — наклонившись, я попыталась заглянуть в лицо отцу, но он упорно смотрел прямо.

— Что? Что с матерью его я, дурак, путался, когда уже на твоей маме жениться собирался? Правда, чего уж. Я тебе и раньше говорил, что умная баба такого про своего мужика и в голову брать не будет. Че с нас взять? Наша натура песья, кобелиная. Да только каждый пес нормальный свой дом знает и любит. И если женщина — твой дом, то куда бы ни рыскал, а всегда обратно прибежит и свое стеречь, оберегать, да будет добычу таскать. Я твою мать любил. И люблю. А остальное... Взрослей, Алька.

Мне опять стало как-то зябко и муторно. Как всегда, когда слышала нечто такое от него. А что, если я не хочу взрослеть? Не в таком смысле. Я не принимала этого и не смогу. Посмотрела на Колю, слушавшего как раз Боева. Мне с ним понадобится однажды вот так «повзрослеть»? Он словно почувствовал что-то, перехватил мой взгляд и нахмурился.

Вместе с Боевым приехал еще один здоровенный мрачный мужчина, которого мне представили как Ярослава Камнева. И вообще в отцовском доме стало как-то мигом многолюдно. Помимо тех охранников, что вызвал сразу Николай, появились еще. А через полчаса приехал тот самый высокий милицейский чин, с которым отец забирал нас с допроса. Вот тут меня уже без церемоний выпроводили с кухни. Что бы там дальше ни происходило и какую бы версию ни озвучивали посторонним, моего участия ни в чем не предполагалось. Причем тут у моих близких мужчин возникло полное единство мнений. Оно и к лучшему. Не хватало мне открыть рот и ляпнуть что-то не то. И смотреть больше на Мариэллу у меня не было никакого желания. Как и мучить себя вопросами, за что и почему. Объяснить себе самой почему — это же вроде как в некотором роде оправдать. А я не хотела оправдывать ни ее, ни Гошку, ни этого, может быть, брата. И прощать не хотела. И ненавидеть тоже. Я их вообще никак не хотела в своих жизни и сознании.

Шум внизу вскоре стих. От Коли пришла эсэмэс: «Уехал. Скоро буду. Хочу».

Спустившись, я обнаружила, что в доме действительно не осталось никого, кроме меня и нескольких парней из охраны. От моего предложения накормить их ужином они отказались с суровыми лицами. Заглянув в холодильник, обнаружила, что там обычной еды хватает — домработница папина позаботилась, а особнячком стоит пакет с уже знакомыми мне баночками с питанием. Похоже, Коля, в отличие от меня, обалдевшей от всего вокруг, не забыл ничего. В том числе и особенностей моей нынешней диеты. Бесцельно слоняться по дому я не видела смысла. Перекусила и пошла разбирать в своей старой комнате книги и вещи. Подумалось, что вот лежит оно тут все мертвым грузом, никому пользы не приносит. Одних вещей, хороших, но уже мне не подходящих, сколько. Нужно все собрать и раздать кому-нибудь.

Навозившись и устав прислушиваться к звукам на улице, набрала ванну и уселась, пытаясь расслабиться. И осознала, что просто отгораживаюсь от мыслей, которые опять-таки пробудили слова отца и гадкие выпады Мариэллы. Хотя зарекалась не делать этого в отношениях с Колей. Похоже, не повезло мне с характером. Мнительная, чуть что неуверенная, хочу, судя по всему, слишком многого от жизни. Вот интересно, Гошка однажды устал от меня такой, или же Мариэлла правду говорила, и никогда он меня не любил. Совсем-совсем? Даже в самом начале?

— Ой! — взвизгнула, чуть не выскочив из воды, когда Коля коснулся моего плеча. — Господи, я вообще не слышала, как ты вошел! Напуга...

Осекшись, оставилась на него обнаженного.

— Подвинься, Сашк. — Я послушалась, и он забрался в воду ко мне за спину, тут же заставив откинуться на себя. — Не слышала, потому что голову себе фигней всякой забиваешь. По лицу же видно.

— Что с Мариэлкой и этим... Павлом? — спросила я, с наслаждением расслабляясь на нем. Коля тут же накрыл ладонями обе мои груди и потерся лицом в изгибе шеи.

Боже! Каким же родным и обжигающим это ощущалось! Как будто мы так делали миллион миллионов раз. Как будто ничего уютнее я никогда и не чувствовала рядом с мужчиной. Да так и есть.

— Все идет как надо. Люди работают, дела движутся. Так что кончай тут голову себе заморачивать. — И он скользнул правой рукой по моим ребрам, вниз по животу, добираясь до развилки бедер. Мои ноги разошлись как сами собой, приветствуя его там, и он тут же обхватил меня внизу, чуть надавливая. — Мм-м-м-м... вот так, да. Открывайся мне всегда, малыш.

— Ох! А ты не... не стал бы на моем месте?

— Заморачиваться? Стал. Я так и делал. — Он просто держал свою руку между моих ног, не шевелил даже пальцем, только в мою поясницу упиралась его уже совсем твердая плоть, а я ощущала, как по телу снизу вверх начали катиться волны желания. Каждая следующая — чуть сильнее и горячее предыдущей. — Я, знаешь ли, Сашка, даже нормальным мужиком быть перестал после... перед тем, как тебя встретил. Я слышал, что отец тебе говорил. И думаю, он прав.

— Прав? — Новая волна, покотившая на этот раз от головы вниз по телу, была ледяной, и я дернулась, стремясь отстраниться. — То есть ты тоже ду... думаешь, что это нормально, когда мужчина изменяет, потому что это ваша натура и ничего не поделать, а женщина должна быть умной и просто... просто глаза закрывать?

Ну да, стать взрослой, так?

— По большей части и у подавляющего числа людей так и есть, Сашк. Только у всех этих людей совсем не то, что у нас с тобой.

— Нет?

— Нет, солнце, у нас все другое.

— В чем разница?

— Разница? — Он потерял носом о мой затылок, и по коже промчалось щекотное электричество. — Тут уж правильнее сказать, что ничего общего. Скажем, у всех отношения и обстоятельства, чувства с их правилами эволюции. А у нас иные масштабы. Любовь... ну, она бывает. Начинается и заканчивается. Я влюблялся — знаю, о чем говорю. И ты знаешь. А у нас... Ты ведь солнце мое. Солнце не может закончиться. — И он тихонько куснул меня за мочку уха.

— Очень поэтично, но не достоверно, — фыркнула, вздрогнув и отпуская недавнюю вспышку гнева. — Солнце очень даже может закончиться, и ученые утверждают, что однажды так и будет.

— Умная, да? Что они знают, ученые твои. Я говорю — не может. Уж не в пределах одной моей человеческой жизни. И не спорь! Я

мужчина — мне виднее. Сказал — у нас все совсем другое, значит, так и есть. С самого начала.

— Да уж, — я передернула плечами и, слушаясь его легкого нажима, опять практически растеклась на нем. — Начало у нас было то еще.

Взяв его ладонь со своей груди, я поцеловала его костяшки, прошептав «спасибо». Никогда я не перестану чувствовать к нему благодарность. Что бы он там ни говорил. Как бы у нас ни пошло. Чем бы ни закончилось. Моя ему благодарность за возможность жить останется неизменной навсегда.

— Начало было не в том лесу, — он чуть толкнул меня пальцами в подбородок, заставляя откинуть голову ему на плечо, надавливая самую малость, стал обводить контур губ, и голос его мигом просел: — Но то все прошлое. Мы оба живые сейчас, Сашк. Ты — потому что я чудом подвернулся. Я — потому что ты оживила.

— Ну ты скажешь! Чудом подвернулся... — я попыталась возмутиться, но стоило ему слегка двинуть пальцами другой руки в низу моего живота, еще не погружаясь и не лаская, а только проникая между складками, и мои мысли и возражения испарились. Внутренние мышцы потянуло, сжимая и мучая пустотой там, где я хотела его переполняющего до болезненности присутствия. Я всхлипнула и, не выдержав больше неподвижности, толкнулась навстречу его прикосновению, делая его основательней. Открыто демонстрируя, насколько же в нем нуждаюсь.

И это поменяло все мгновенно. Коля, только сидевший позади меня расслабленно, весь словно в горячий живой камень обратился. Обхватил мой подбородок почти жестко, разворачивая к себе лицо, и практически врезался своими губами в мои. Нажал языком, требуя открыть полный доступ, и рыкнул нетерпеливо, будто я сделала это слишком медленно для сжигающего его нетерпения. Властный глубокий поцелуй с теми самыми поразительными грохочущими стонами, на которые способен только он. И одновременно такое же безапелляционное, не признающее и тени отказа вторжение его пальцев вниз. Возбуждение, что путешествовало по моим телу и разуму до этого все набирающими силу, но все же неторопливыми волнами, стало диким яростным штормом. Я задрожала в его сильном захвате, стремясь навстречу этому разрушению, что он неминуемо нес.

Я люблю это разрушение. Я хочу, чтобы он разрушал меня прежнюю снова и снова, уничтожая все, всю ту, что была до него. Была не для него.

Коля оторвался слишком быстро, так же рваным, лишенным поверхностной нежности движением отобрал у меня свое присутствие и внизу. Я резко вдохнула, ошеломленная потерей, но он тут же схватил меня за бедра, приподнимая над своими.

— Готова... — хрипло буркнул он, не спрашивая, но я все равно закивала. — Направь, Сашк... направь, сейчас же!

Скользнув послушно себе рукой между ног, я обхватила его твердую плоть и замерла на несколько секунд, наслаждаясь ощущением этой горячей мощи с тяжело бьющимся прямо в мою ладонь пульсом.

— Са-а-а-ашка-а-а... — протяжно, как страдая, скрипуче протянул Коля и сжал зубами плечо, карая за задержку. — Ну же... в тебя надо...

Я прошлась пальцами от толстого основания до массивной головки, направляя ее в себя. Охнула, едва только ощутив это самое первое, шокирующее проникновение. И сразу закричала, насаженная, как всегда, разом, рывком до корня.

Коля накрыл ладонью мои губы, замыкая новые крики внутри, отчего стало еще жарче. Обхватил, как жестким обручем, талию, удерживая неподвижно над собой, и стал вколачиваться снизу. Меня мотало бы, как тряпичную, если бы не его железный захват. Я цеплялась за края ванной, ища опоры. Не для тела, нет. Ему она сейчас не была нужна. Это какой-то инстинкт самосохранения, что заставляет цепляться за последние крохи контроля над стихией внутри. Глупый и вообще больше мне не нужный инстинкт. Ничего от меня не зависело. Коля брал меня так, как делал это и раньше: глубоко, жестко, так, как было необходимо ему. Так, как, оказывается, идеально для меня. Потому что он вкладывал в это обладание всего себя. Столько, что возьми он меня хоть как, а вернуть не смогу.

Плеск воды... мои заглушенные им вскрики... его рваные выдохистоны, мечущиеся в тяжелом воздухе замкнутого пространства ванной и бьющие мне в голову, в грудь, пробивающие насквозь, делающие проницаемой предельно. Доводящие до лихорадочного, полубредового состояния, когда для падения не хватает...

— Сашк... давай... — прохрипел он.

И все! Его приказ освободил, оборвал последние ниточки контроля, сбросив меня в чистое пламя удовольствия.

А Коля длил его, не давал затухнуть сразу, вбивая в меня, уже обмякшую и трясущуюся, свой кайф.

— Вот видишь, Сашк, совсем другое, — пробормотал он, водя губами по моему мокрому виску, как только хоть чуть-чуть отпустило. — Совсем, солнце.

ГЛАВА 28

— Вот же сучка крашенная упертая! — махнул в сердцах рукой Ольшанский, чуть не выдергивая из той иглу капельницы, держась за штатив которой вышагивал по больничному коридору. Не ложится ему. — Вот если бы в чем другом так упиралась, я бы ее зауважал прямо. А так... гадина ядовитая она и есть. Как такие только вырастают?

Ему заглохло уже вечером, после того как у Мариэллы нашли наркоту, которой она Сашку хотела отравить. Какое бы каменное лицо ни делал и жестюка из себя ни строил, но осознание, что в его доме, под его и моим носом могло случиться такое... как будто и уже произошедшего было мало.

Замысел дряни был прозрачен для меня, а вот ее наглость, жадность и скорость реакции слегка шокировали. Это же насколько нужно желать добиться своего несмотря ни на что, чтобы не побояться примчаться в дом дядьки, известного крутейшим нравом. А ведь могло сработать, не торчи я рядом с Сашкой. Еще как могло. Подумаешь, посидели девочки, погоревали о безвременно почившем. Мариэлла типа утешала, а Сашка возьми и не утешься. И в попытке забыться дозу-то и не рассчитала. Или же вовсе решила свести счеты с жизнью, потери не перенеся. А Мариэлла что? Утешала, старалась, да не справилась. Какой спрос, наркоманы... они ж непредсказуемые. Подтравила бы, таблетки припрятала так, чтобы нашли при этом запросто. Любая экспертиза, если бы Ольшанский ее вообще допустил, показала бы стаж употребления. Сашка в могиле, ее отца осознание, что дочь не уберег, туда же свело бы. И все, Мариэлла в шоколаде. Даже если бы и случились разборки по поводу похищения, так и тут все прикрыто. Муженек виноват. Потому и самоубился. От стыда и страха перед возмездием. Кто же знал, что я им дорогу перебегу и все поломаю. Начиная с леса и заканчивая этим змеиным блиц-криком. А все почему? Потому что не было информации полной.

Естественно, Иван Палыч оставался собой и Александре о том, что ему пришлось срочно опять прилечь на больничную койку, говорить было не велено. Типа по делам уехал, ага. Я нарочно этого

скрывать не собирался, он мне не указ. Но пока ничего прямо критичного не наблюдалось, так что с вечера я промолчал. В конце-то концов, нам с Сашкой можно же хоть несколько часов передышки и только для нас двоих. Сказал бы — ведь подорвалась бы и помчалась в больницу. И ежу понятно. А так хоть хапнул чуток ее, а то уже нутро узлами. На мои по ней аппетиты — всю ночь бы не слезал, да сил у нее пока на такое нет. Утром уезжал — спала она еще. Ну и ладно. Ей надо. Не двужильная же, а последнее время сплошной хаос вокруг, а она так-то в самом начале реабилитации.

— А я еще вечно Альку в детстве стыдил, когда плакала, игрушки свои давать этой сучке не хотела, — продолжил возмущаться Ольшанский, и в коридор из процедурной осторожно высунулась его медсестра, разведывая, отчего опять шум. Да уж, тот еще наш Иван Палыч проблемный пациент. — Подумаешь, новое купим! А вон чего из этого вышло. И в штаны к этому соплежую залезла, и чего задумала! Еще и молчит теперь, кобра ядовитая.

Я в нарушение всех процессуальных норм по личной настоятельной просьбе Ольшанского присутствовал на допросе Мариэллы. Нам кровь из носу нужно было узнать, где этот самопровозглашенный его сын и что с ним. Наши орионовские парни с Камневым и Боевым во главе выявили весь круг его друзей-знакомых и здесь, у нас в городе, и в той деревне, где жила его мать. Нигде он не появлялся, никто не видел, ничего не знают. На съемной хате бардак, как от срочных сборов или же их имитации. А дрянь Мариэлла мне и следаку в открытую в лицо издевалась.

— Ничего я вам не скажу. Ходите теперь с этой тупой коровой Алькой и оглядывайтесь. Не расслабляйтесь, ждите. Пашка... он ее люто ненавидит. Так что хоть через десять лет, но доберется.

— Если он еще жив вообще. Тебе-то он в качестве подельника, выгори все с отравлением, больше на фиг не сдался, так?

— Шаповалов, вам разрешено присутствовать, но не вмешиваться в ход допроса! — шикнул на меня следак, а сволочная баба только ухмылялась, упиваясь хотя бы такой мелочной, но победой. Не так, так эдак отравить моей Сашке жизнь.

— Эх, рано я, дурак старый, ее ментам сдал! — сокрушался Ольшанский. — Рано! Надо было тряхануть сначала самим. Пережила бы как-нибудь Алька.

Оно, может, и так, но по большому счету болтовня. Потому как ну кто бы реально эту Мариэллу тряс бы всерьез? Я? Камнев с Боевым? Сам Ольшанский? Это только сказать легко, а заставить себя осмысленно причинять боль бабе, хоть какая там тварь конченная, нужно особый склад характера иметь. Одно дело — ударил и убил, когда она конкретная угроза тебе или близким. А пытаться... не, я точно не по этой части.

Я только хотел попрощаться да домой к Сашке ехать, как услышал где-то впереди больно уж знакомый голос. Башкой тряхнул — и правда. Со стороны приемного покоя явно доносился голос Роксаны, и беседу она с кем-то вела на повышенных тонах. Плюс еще поверх всего ревел ребенок.

— Палыч, я сейчас, — кивнул я рассеянно и почти побежал по коридору.

— Да плевала я, где у вас там другой вход! — уже откровенно кричала на кого-то Камнева. — У него температура почти сорок и дышать практически не может, а вы мне про какой-то херов вход? Я вызывала вашу гребаную скорую, и сорок минут никто не приехал!

Пройдя сквозь дверь, я действительно увидел Роксану. Растрепанную, бледную, одетую кое-как и, судя по взгляду, уже буквально готовую убивать. В одной руке она держала люльку с ручкой, а второй прижимала к своему плечу головку ревущего ребенка, что болтался на ней в смешной такой сумке, как там бишь они называются. Яра нигде поблизости не наблюдалось.

Дамочка в приемном попыталась опять донести до нее, что ей не сюда, но молодая мать натуральным образом зарычала на ту зверюгой.

— Зовите мне врача! — рявкнула Камнева.

Я окликнул ее, но она не реагировала. Подхватил люльку, забирая из ее руки, и только тогда она развернулась, и мне почудилось, что жена Яра сейчас на меня кинется.

— Коля? — моргнула она, узнавая. — Мишка заболел.

— Это еще кто, Шаповалов? — строго спросил из-за моей спины Ольшанский, но тут с грохотом распахнулись входные двери и влетел Камнев, с почти черным от гнева лицом. И злобная хищница мгновенно стала хрупкой перепуганной девчонкой. Всхлипнула, бросаясь к мужу, и, судя по зырканию Яра, кто-то об этом должен пожалеть.

Дальше все понеслось весело и с шумом. Моментально нашлось, кому осмотреть ребенка и оказать ему помощь. Семейство Камневых исчезло в недрах больницы, а нам с Ольшанским, так и таскавшим за собой штатив капельницы, только и осталось смотреть им вслед.

— Слышь, Шаповалов, ты с Алькой мне тоже вот таких заделай. Но чтобы здоровые были. И не затягивай. У меня времени лишнего нет.

Вот же человек...

— Поговорить надо, Иван Палыч. Уехать мне нужно будет.

Прищурившись недобро, Ольшанский развернулся и зашагал обратно, в сторону своей палаты. Колесики штатива дребезжали, жалобно скрипя от его темпа, что однозначно передавал его настроение. Психанув, он таки выдернул иглу из руки и отбросил от себя систему.

— Ты что это тут удумал? — обрушился он на меня, только захлопнулась дверь палаты. — Что, наигрался Алькой уже, козлина? А? Погеройствовал и теперь валить давай, как только понял, что все серьезно, не игрушки тебе в солдатиков?

— Иван Палыч, не психуй, тебе нельзя. Что ж ты о людях всегда только самое хреновое первым делом думаешь?

— А я жизнь прожил, Шаповалов, и людей видеть насквозь научился.

— Не всегда, выходит, — покачал я головой.

— Манька не в счет! — огрызнулся он. — Баба она. Тут хоть три жизни проживи, а их хрен разберешь по-настоящему. — Ну да, ему хоть кол на голове теши, а женщины для него людьми не являются. — И ты зубы мне не заговаривай! Что, жениться на Альке раздумал? Или никогда и не собирался? Моя дочь тебе не какая-то... чтобы потаскал и выбросил. Ясно?

— Ясно, — улыбнулся я. Ты, Палыч, и сам не знаешь, какая она у тебя. Других нет таких.

— Поругались, что ли? — резко понизил он тон, хмурясь. — Так это... Коль, у кого не бывает. Пошумели, помирились. Баба, че с нее взять. Алька, она у меня отходчивая, добрая, ты такую где еще найдешь?

Вот же из крайности в крайность.

— Палыч, да не собираюсь я никого искать! У меня дела будут. Серьезные. Уеду, на сколько — точно не знаю. А тебя предупреждаю, чтобы ты и не подумал, пока меня не будет, Сашку накручивать и кого-нибудь ей подсовывать. И не пытайся. Моя она. Вернусь и любому рога пообломаю.

— Да ты никак грозишь мне, Шаповалов? — ухмыльнулся он ехидно. Вот по глазам же видно, что так и подмывает его меня цепануть. Взрослый дядька, а местами...

— Я обрисовываю реальное положение дел, чтобы потом без вопросов. Никаких там сынков партнеров по бизнесу, толковых умных парней, надежных, на твой взгляд, мужиков постарше или прочих удачных партий. Вообще никого. Церемониться ни с кем потом не стану. Что мое, то мое.

— Ишь ты, борзый ты какой! И если Алька сама тебя забудет да кого другого встретит? Мне что, предлагаешь дочь родную под замком держать, для тебя сберегая?

— Ты ее просто береги, и мои парни все время на подхвате будут.

Его провокацию насчет ветрености Сашки я мимо ушей пропустил. Во-первых, не такая она. А во-вторых, я не самовлюбленное недоразумение, уверенное в своей неотразимости, конечно, но нутром-то чую, что все, сошлись мы с Сашкой намертво. Все углы и грани на своих местах, паз в паз. Друг под друга нас жизнь затачивала, ни убавить, ни прибавить. Потому и притирок никаких не было. От такого никто другого не ищет. Не надо оно потому что.

— Куда хоть едешь?

Я молча посмотрел на него, давая понять, что ответов не будет.

— Вот как, значит, — насупился он. — А как приставлю я людей за тобой поглядеть, раз сам не признаешься?

— Не нужно этого, Иван Палыч. Зачем вам потом расходы по больничным?

— Когда? — зыркнул исподлобья Ольшанский.

— Как только в вопросе с твоим этим отпрыском полная ясность будет.

— Не мой, — отрезал упрямый будущий родственник. Повезло мне.

— Уверен?

— А мне теперь без разницы, Шаповалов. Сын там по крови или нет... мразь такая мне в родне не нужна. А ты это... дела свои делай и закругляйся с этим геройством. Чтоб в последний раз, понятно? Альке муж живой-здоровый нужен, а внукам тоже не сиротами расти. Вернешься — заставлю в моем бизнесе разбираться учиться. Не Альке же самой по заводам мотаться да переговоры вести. Рожает вон пусть.

— Разберемся. — А вдруг Сашка решит бизнес-вумен стать. Вот будет сюрприз папане. — Поехал я.

Обратно к Сашке хотелось с каждой минутой все сильнее. У меня без нее все нутро ныло, стыло. Крутило всего. Мальчишкой когда был и влюблялся, и тогда так не ломало. Оно и понятно. Одно дело влюбленным дураком со стояком наперевес за девушкой бегать, под подъездом отираться, скучать. А другое совсем от собственного солнца удаляться. По солнцу не скучают. Без него не живут. На самом деле я себе пока туго представлял, как же буду без нее. Не смогу возвращаться домой при любой возможности и утыкаться мордой, вмиг довольной, в ее кожу. Нюхать, лизать, мять. Наваливаться так, чтобы только дышать могла, и не раздавить, лапами захапывать ее тела сразу побольше. Полезть в нее, в жару, в тесноту, домой, забирая при этом всю в себя.

Надо бы в офис, конечно, а то я совсем охренел на работу забивать, но, позволив себе чуток подумать о перспективе долгой голодовки по Сашке, я чисто машинально свернул в сторону дома Ольшанского да еще и газу поддал. Мы разок, по-быстрому, а потом и в офис, и дела всякие. Это чисто чтобы до вечера дотерпеть. А если летать к ней стану? Хоть раз в неделю. По выходным, скажем. Че там полторы тыщи верст. Для бешеного оголодавшего кобеля не крюк. Должны же быть даже у чертовых агентов под, мать его, прикрытием выходные? Вот уж держись тогда, Сашка. Я ж тебя тогда до неменяемости утрахивать буду. Чтобы в сторону ни в чью и не смотрелось. Даже чисто ради любопытства.

Я уже увидел через лобовуху ворота резиденции Стального короля, когда мой телефон задребезжал.

Глянул на экран — Артур из клиники наркологической. Осмотреться, что ли, Сашке пора?

— Привет, мужик.

— Шаповалов, у вас случилось что? — спросил он, а у меня мигом весь загривок дыбом.

— В смысле?

— Серега, медбрат, что капать ездит... э-э-э... жену твою, чего так задерживается? И на звонки не отвечает. Он так-то на работе сейчас. Вот и спрашиваю, не слу...

— Когда он выехал к нам? — оборвал я его.

— Да уже больше двух часов как. До этого максимум за полтора...

Я отключился, выскочил из тачки и понесся к входным дверям. От клиники до дома Ольшанского минут на десять примерно всего дольше пути, чем до моей квартиры. Херово.

— Медбрат. Давно? — рявкнул парням в холле, не останавливаясь.

— Минут тридцать... — прилетело в спину, пока мчался по лестнице, и у меня перед зенками побагровело, а сердце загрюкало в груди куском льда.

Никогда, никогда в жизни я не боялся так, как в эти секунды.

ГЛАВА 29

Ранее утро, когда уходил Коля, я помнила весьма смутно. Само утро — смутно, а вот удовольствие, что он заставил пережить перед тем, как вылезти из постели, очень даже хорошо. Ощутить сквозь сон настойчивые, но в этот раз нежные его прикосновения, трение уже колючих щек и подбородка на плечах и шее было не передать как приятно. Сквозь сонную ленивую негу просочилось тихое ворчание и рваные вдохи: «Вот так,пусти меня, Сашк. Пусти... мм-м... детка... не утерпеть никак...» С готовностью поддаться, подчиниться, прогнуться, позволяя ему закинуть мою ногу на его бедро... открыться, показалось самой обыденной, уютной и необходимой вещью в мире. А вот пережить его вторжение в мое еще полностью расслабленное со сна тело стало, как всегда, шоком. Сладким, лучшим из возможных. И даже спустя несколько часов, стоя под душем, я жмурила глаза обласканной довольной кошкой, ловя мягкие потягивания в чувствительных местах. Отзвук удовольствия. Он сводил почти на нет все противные симптомы так еще и не прошедшей до конца ломки. Гнал тяжелые размышления о чередех гадких и страшных событий, пронесшихся вихрем через мою жизнь. Права, видимо, народная поговорка гласящая, что все в итоге к лучшему. В моем случае точно. Когда тебе хочется петь и пританцовывать, просто передвигаясь по дому, хотя считанные дни назад пришлось стоять на пороге смерти, разве это не показатель мудрости судьбы. Разрушение для меня оказалось к добру. Пламя осушило то болото, в которое меня незаметно затянуло.

Напевая под нос какой-то дурацкий мотивчик, я оделась и спустилась на кухню. В холодильнике мой взгляд притянула тарелка с горкой блинов, накрытых прозрачной крышкой, и я решила рискнуть выйти за рамки диеты на детских консервах. И сгущенки еще хочу. Как в детстве с мамой. И плевала я на стройность. Небось с одного-то раза не разнесет, если вообще внутри задержится. Разогрела вкуснятину и первый блин ела очень медленно, прислушиваясь к себе и то и дело ловя языком норовящую капнуть сгущенку. Мой Шаповалов любит сладкое? От того, как представила его, сидящего за завтраком напротив

и вот так же, как я, ловащего ртом липкие капли, в лицо жаром плеснуло, в голове чуть зашумело. Да уж, боюсь, поначалу я буду сильно задерживать его по утрам. Или же придется начать нам вставать намного раньше. От перспективы такого будущего я снова зажмурилась, чувствуя, что расплываюсь в наверняка глупой улыбке.

— Александра Ивановна, прошу прощения за беспокойство, — чужой голос немного напугал, и я едва блин недоеденный не уронила.

Обернувшись, увидела замершего в дверях крепкого парня в черной форме Колиного охранного агентства.

— Доброе утро! — хрипнула. — Что-то случилось?

— Николай Алексеевич предупредил нас, что утром к вам должен приехать, как обычно, медработник. — Охранник опустил глаза и чуть покраснел. Видел, наверное, с какой глупой физиономией я тут сидела, и старается не смеяться? Ну а мне все равно.

— А, да, точно, — заторопилась я закруглиться с завтраком. — Уже приехал?

Глянула на часы и поняла, что сегодня он даже что-то припозднился. Эти дни Сергей приезжал ровно к девяти, а сейчас без четверти десять.

— Да, Александра Ивановна. Но это не тот же медработник, что и вчера. Вас предупреждали об этом?

— Нет, но не думаю, что тут что-то подозрительное, — легкомысленно отмахнулась я. — Зовите, я готова.

— По правилам следует все же связаться с медучреждением, откуда он, и уточнить, — буркнул парень, смущаясь еще больше.

— Эм-мм... у меня нет их контактов.

— Тогда думаю, стоит отзвониться Николаю Алексеевичу, — вздохнул чоповец.

Коля наверняка уехал по важным делам, которые и так забросил, убивая на возню со мной столько времени. Я так и представила, что наш звонок застанет его посреди важного разговора или типа такого. Вроде как я вообще какое-то беспомощное создание, не способное справиться с любой ерундой и готовая дергать его каждую минуту. Кого обрадует перспектива связаться с такой надоедой?

— Вас как зовут?

— Владимир Руковишников.

— Володя, мы ведь можем обойтись без дерганья начальства? Скажем, вы можете присутствовать при процедуре. Там ничего такого интимного. Просто капельница.

— Вообще-то, так не положено.

— Я очень извиняюсь, но у меня еще пациенты, и все они на определенные часы! — громкий голос, почти крик, донесся со стороны холла.

— Черт, неудобно, Владимир! — подпрыгнула я. — Запускайте его, а Ко... Шаповалова в процессе наберем.

— Доброе утро. А Сергей... — Новенький медбрат был роста немаленького, широкоплечий, из-под зеленоватой шапочки выбивались темные, чуть курчавые пряди. Половина лица скрыта маской. Сергей-то тоже не был хрупкого сложения. Оно и понятно: в наркологии пациенты буйные, небось, не редкость. Не девушек же слабых им на работу нанимать.

— Да грипп он словил, — спокойно объяснил новенький, посмотрев на меня очень пристально, и указал на маску: — Я вот предосторожности соблюдаю, а он не особенно.

Да, действительно, улыбчивый Сергей масок не носил. Я моргнула, все еще глядя в глаза мужчине и чувствуя что-то странное.

— Мы здесь расположимся, или предпочитаете более удобное место? Прилечь, может? — внимательно осмотрел кухню медбрат.

Вспомнив, что после препарата меня клонит в сон и голова чуть кружится, я предложила все же переместиться в спальню.

Дальнейшие события слились для меня, так как произошли практически мгновенно.

Я подошла к мужчинам, собираясь показать дорогу.

— Одну минутку, я все же свяжусь с Николаем Алексеев... — взялся за телефон Владимир.

Но не успел он и договорить, как визитер в медицинском халате внезапно ударил его своим небольшим, но явно тяжелым чемоданчиком в лицо. Парень с ужасным звуком врезался затылком в стену за спиной и стал сползать. Я и вдохнуть для крика не успела, как рот мне зажала широкая ладонь, а пальцы второй чужой руки сжали горло.

— Только вякни, тварь, — прошипел на ухо лжемедбрат. — Дверь давай закрывай. Плотно.

Даже волна паники, от которой окаменели легкие, не лишила меня способности хоть чуть соображать. Вряд ли из холла услышали глухой звук удара и падения тела. А если двери закрою, то и вообще ничего не будет слышно. Делай что хочешь со мной.

— Ну! — Пальцы на моем горле сжались сильнее, и перед глазами запрыгали черные пятна от недостатка воздуха. — Хочешь прямо сейчас сдохнуть, или же поболтаем, сестренка?

Я кивнула, насколько позволял его захват, и потянула за ручку двери, закрывая ту плотно.

— Орать не смей. Убью мигом, — сказал Павел и, подведя меня к дивану у окна, грубо толкнул на него.

— Ка... — я потерла и прочистила саднящее горло: — Как ты намерен сбежать отсюда, если убьешь меня? Ты же понимаешь, что это невоз...

— А зачем мне бежать? — сдернув с лица маску, встал он надо мной и ухмыльнулся. — Я столько времени надеялся здесь оказаться. Можно сказать, мечта всей жизни. Зачем же теперь уходить. Уж не раньше, чем увижу рожу папаши нашего, когда он поймет, что доченька его, официально единственная, принцесса и наследница всего сдохла. И остался Стальной король у разбитого корыта.

— И что ты выгадаешь от моей смерти?

— Я тебе не Мариэлла с загребущими ручонками. Моя выгода другая. Хочу, чтобы он подышал и знал, что ничего после него в этом мире не остается, кроме меня. Сына, что ему не нужен был.

— Если ты так обижен на него, то причем здесь я?

Ясное дело, что вопрос дурацкий, но хоть какой-то диалог — это немного времени.

— Да ты вообще никто, ясно? Плевал я на тебя, сучка! — Он голоса не повышал, цедил слова сквозь зубы, но меня чуть не качало на месте от волн исходящей от него ненависти. Папа-папа, вот как так? Как ты умудрился настолько глубоко его обидеть. У него же глаза твои! Вот почему я сразу ощутила нечто странное. Господи, тут и никаких экспертиз не нужно! — Это Ольшанский на тебя не надышится, ну вот я ему тобой-то воздух и перекрою.

— А в чем смысл? — Я боялась потерять с ним зрительный контакт даже на мгновение, чтобы поискать глазами что-нибудь для

обороны. — Думаешь, если отец не любил и не признавал тебя до этого, то после моего убийства станет?

— Я, по-твоему, debil? Не-е-ет! Прошло время, когда я его внимания да любви выискивал, чуть не кланчил. Теперь он меня до последнего вздоха ненавидеть станет. Ну раз ничего другого дать не захотел.

— Ты мог бы прийти ко мне, а не к нему! Мог рассказать, что мой брат. Я бы...

— Что? Возлюбила меня внезапно? Как родного приняла? Ты дура совсем? На кой хуй ты мне сдалась? Добренькая сестричка, что со своей мамашей отобрала и у меня, и у матери моей жизнь достойную. Дружить бы мне предложила?

— Я была бы рада брату. — И тут я не лгала. О брате я действительно мечтала и в детстве, и будучи подростком.

— Я была бы рада, — передразнил меня он и цинично фыркнул: — Ага, до того момента, как наследство делить бы начали, да? Ладно, пообщались по-родственному и хорош. Как помирать будем, сестренка?

— Никак. Я только жить нормально начала. — Схватив подушку с дивана, кинула ему в лицо, срываясь одновременно с места, выставив вперед руки.

Конечно, он был намного крупнее и тяжелее, и уронить его не удалось, но от попытки поймать меня ускользнуть вышло. Заорав что есть сил, я рванулась в сторону, ведь путь к двери был закрыт нападающим. Павел настиг почти сразу, ударом в спину отправив ничком на столешницу. Я врезалась в край стола животом, лицо защитила ладонями инстинктивно, но язык все же прикусила и на несколько мгновений ослепла и не могла ни дышать, ни кричать от боли. Навалившись сзади, гад наложил теперь пальцы обеих рук на мое горло, душа уже всерьез. Слепо нашарив что-то на столе, кажется, сахарницу или заварник, я наугад ударила назад. Глухой звук, звон разбивающейся посуды, матерное рычание, тяжесть и удушающий захват пропали.

Оттолкнувшись руками от стола, я не удержалась на подогнувшихся ногах и грохнулась на пол на бок, увидев сквозь мельтешение черных пятен, как Павел опять ринулся ко мне с залитым кровью лицом. Истерически принялась шарить руками, хрипя в

попытке орать, и отталкивалась пятками, отползая. С грохотом распахнулась дверь, брызнули стекла в ней. За спиной Павла появился мой Коля. Подлец заревел, уже почти падая на меня, но мой мужчина был быстрее. Они рухнули на пол буквально в нескольких сантиметрах от меня, чуть не задавив. Николай очутился на спине Павла, заломил тому руку за спину и захватил волосы на макушке. С тошнотворным хрустом вмазал его лицом в пол раз. И еще.

— Ушла! — рявкнул Коля мне, и я мгновенно послушалась, дернувшись встать, но ноги все еще не держали.

Чьи-то руки подхватили и поволокли прочь.

ГЛАВА 30

— Капитан, капитан, улыбните-е-е-есь! — резануло откровенно фальшивое по ушам, и я приоткрыл один глаз, натыкаясь в зеркале заднего вида на убивающе-умоляющий взгляд Корнилова. И мотнул башкой, снова закрывая глаза и погружаясь в предвкушение. Мы ехали уже часов десять, и оставалось всего ничего до того момента, когда я доберусь до моей Сашки. У меня уже и все мышцы подрагивали, и нервы, кажется, звенеть начали в предвкушении. Так что моральные страдашки капитана от терроризма мелкой провокаторши были глубоко побоку. Я от нее свое потерпел.

— Капитан-капитан подтяни-и-и-итесь! — взвыла мелкая гадость, явно нарочно наваливаясь грудью на плечо Корнилова, и у того дернулась щека.

— Да заткнись ты, чучело рыжее! — прикрикнула на возмутительницу спокойствия Маринка.

Я же только сполз пониже на сиденье, погружаясь в мысли о моем солнце. И как всегда, когда думал о ней, то есть практически постоянно, накрыло, как удушливым одеялом, памятью о тех секундах запредельного страха. Господь всемогущий, не дай мне, грешнику конченому, твоего милосердия не заслуживающему, еще такое пережить. Потому как не вытяну. Честно.

Окрик «На кухне!» остановил меня уже на середине лестницы. В башке бомбило, что безвозвратно теряю мгновения. Сиганул прямо через перила, правую лодыжку прострелило, но насрать. Крик резанул по сердцу и по горлу, отнимая способность дышать. Вынес дверь плечом и чуть совсем не свихнулся, увидев Сашку, с окровавленным лицом, на полу, а уебка уже, по сути, в полете с выставленными вперед клешнями. Хуй его знает, какой там мировой рекорд по прыжкам с места. Кого это колышет. Главное, что я прыгнул и достал. Успел. Как бил — уже не помню. Помню только умоляющий крик моей девочки:

— Коля, Коля, родненький, не надо! Ты же не он, не надо!

А я хуже, чем эта тварь в облике человеческом! Ты и сама видела, знаешь. И никто, никто, мать его, не способен был меня в тот момент

остановить, кроме тебя...

Я поерзал на сиденье. Сашка. Скучал как, пиздец. От идеи летать хоть по выходным к ней пришлось отказаться. Во-первых, город небольшой, была вероятность засветиться с этими мотаниями туда-сюда. Во-вторых, как раз по выходным появлялась возможность активнее пообщаться с ребятами и пошариться и повыглядывать.

Так что за спиной у меня двенадцать с лишним недель тоски смертной, коротких звонков, от которых и в жар, и в холод мотало и зверем реветь, и неистойвой дочки на Сашкин голос.

— А я люблю вое-е-енных! Красивых, здорове-е-енных! — завела новую шарманку говнючка-доставучка, которой-то и в этом микроавтобусе не должно быть. Не было ее в планах.

Я недели убил на налаживание контакта с ребятами. Трудность-то главная, как выяснилось, в том, что не особенно напрягает подавляющее число молодняка перспективка продать себя и свое тело за возможность красиво пожить и что-то заиметь на будущее. «А че такова? Не сотрется и не убавится, небось».

Вот и пришлось вычислять влюбленных, отношения между которыми жестко пресекались во избежании порчи товара, так сказать. И вот их и манить перспективой свободного выбора и избавлением от судьбы лечь под «покупателей». А вот горлопанка рыжая сама собой образовалась-навязалась. Чуть мне всю операцию сучка мелкая не сорвала.

— Слышь ты, Владимир Петрович! — чертова рыжая пигалица вылезла из шкафа в опустевшей физруковской каморке, как только завершились наши сепаратные переговоры и дверь за парочкой влюбленных бедолаг закрылась. Вот засранка мелкая, как достала уже меня! — Я знаю, что ты не тот, за кого себя выдаешь! И молчать об этом я не собираюсь! Я в милицию по...

— Не ори ты, дура! — метнувшись вперед, я зажал ей рот ладонью, фиксируя еще и вокруг талии. Оттащил в угол, пока она пиналась и брыкалась, чтобы не дотянулась до мебели и шума не устроила.

Минут через пять девчонка выдохлась. Как ее бишь там? Лизка Фролова. Не девка, а чистое наказание. Прогодала с ней Валентина Степановна, ох прогадала. Лизка красивая, тут слов нет, такую не

пропустишь. Волосы — что тот костер живой, а кожа белая-белая и ровная, даром что еще почти подросток и ровесники прыщавые ходят. Черты как у кукляхи фарфоровой, фигурка такая, что видно: баба вырастет — мужикам погибель. Но характер... не приведи господи, хотя здесь самое оно, пожалуй. На такую бешеную и стервозную ни один богатенький папик не позарится. Она ж всем в лоб гадости лупит, сколько ее ни наказывали. Дерется, директрису гадюшника и преподав всех внаглую оскорбляет, хамит напрапалую, дважды сбегала, только пока я тут. Ко мне вот до сих пор впрямую не лезла, но рядом все время крутилась, типа достать пыталась. То сядет так, чтобы юбка-огрызок задралась и все напоказ, то в раздевалке как бы невзначай задержится. Проверить зайду, а она полуголая. Дурища мелкая. У меня иммунитет, хоть уже и все нутро изболелось без Сашки моей. И вот тебе на. Как я зеванул, что она пробралась в этот сраный шкаф?

— Ну? Успокоилась? — прошипел ей на ухо.

Как же некстати все. У меня же все срослось уже, и сегодня ночью собрался валить с ребятами из этого притона. Корнилов давно в городе на низком старте, осталось только мне перед выездом занырнуть кой-куда за вещдоками, и можно стартовать.

Конечно, Валентинушка Степановна оказалась той еще жучкой, но жучкой, что любила во всем порядок и всему вела учет. И не дурой была. Поэтому задницу себе прикрывала как могла. И все-то у нее было записано. Кого, когда, кому и почему и в каком виде. Прямо сухо, по делу, как дневник вела. Кого из ребят подпаивали. Кого наркотой даже перед «вручением» накачивали. И про Катюшку мою было... Как Вознесенский приодеть велел, в какую гостиницу доставили... Сколько доплатил за передачу в постоянное владение и информацию, как обуздать сестру с помощью матери нашей, алкашки. Мрази... Само собой, хранила она такой компромат, как и солидную сумму в рублях и баксах и пару паспортов на другие имена, не у себя в директорском кабинете. Я ее четыре недели выслеживал, пока не срисовал, что шастает периодически в старое крыло аварийное. Приют же располагался изначально в каком-то там доме купеческом, к которому пристроили современную часть. А у прежнего хозяина был тайничок. У какого же купца тогда их не было. И эти ее записи были охереть какой удачной находкой. Ведь они позволяют отследить судьбы ребят. Судя по тому, что Валентина Степановна запаслась энной

суммой и доками, чуйка сучке подсказывала, что вечно ей детьми в розницу не торговать. Правильно подсказывала, тварь ты. Но ты попробуй-ка теперь свали с пустыми руками.

Лизка заерзала, заизвивалась перед мной, и у меня аж брови вверх полезли. Нет, ну вот же засранка! Она ведь задницей тереться о мой пах начала, да еще и рукой полезла.

— А ну прекрати! — рыкнул на нее и тряхнул. — Поговорим?

Ну и поговорили. Вот теперь и горлопанит от скуки в дороге да Корнилова достает. Ничего, потерпит. Ему тут чуток в пути выходки дурной девки терпеть, а я неделями, без женщины моей, что без воздуха.

* * *

— Эй... как там... Владимир, мать твою, Петрович, подъем! — рявкнул надо мной Корнилов. Я залупал глазами, когда только и вырубился и как под кошачий концерт рыжей поганки. — Дома ты.

Стоит, зенки краснющие, взгляд бешеный, весь какой-то измятый и всклокоченный.

— Все на этом? — прищурился я.

— Все, у меня дальше уже все договорено по ним. А ты давай, теряйся с горизонта.

— Ну ладно, бывайте все! — махнул я парням и девчонкам. Отозвались все, кроме чертовки Лизки. Уснула. Оно и понятно, вот Корнилову всю кровь выпила и обожралась, небось, упырятина рыжая.

— Угу, бывай. Но я тебе эту... еще вспомню, мужик.

Но я его уже не слышал. Подхватил спортивную сумку, вдохнул полной грудью воздух, пропахший весной, и рванул с места бегом, что тот пацан.

— Николай Алексеич! — вылупился на меня Лавров, выскочивший из дома, стоило мне только появиться во дворе. Молодцы. Бдят. Похвалю и премирую. Потом. — Это ж сколько...

— Много, — буркнул я, не останавливаясь. — Потом.

— Что? — не понял парень.

— Хоть что. Все потом.

— А, понятно. Александра Ивановна еще не вставала вроде.

И правильно, что не вставала. Чего вставать, когда сразу опять ложиться.

На Ольшанского я, слава богу, не наткнулся. Хотя это вряд ли меня остановило бы. Не до вежливых расшаркиваний. Мужик он — понять должен.

В Сашкину спальню я влетел не сразу. Встал как вкопанный перед дверью. Одышка с какого-то хера, как у астматика, мотор барабанит и сбоят бешено, и в глазах аж пятнами пошло. Никак старею. Или шалею от предвкушения, что более вероятно.

Шагнул в сумрак комнаты и сразу носом потянул. В башне звон, а горло перехватило. Горел тусклый ночник, постель пустая, даже, видно, не разбирали никто. Сашка в пушистом розовом халатике, неудобно скрючившись, спит в кресле. Щеку умудрилась примостить на журнальный столик поверх своей же руки. Перед ней раскрытая книжка и телефон. Моя ж ты дурында! Болеть же все будет! Ну разве можно так?!

Пальцы скрючило от желания сгрести ее с этого кресла. Монстрила мой, по ней оголодавший вкрай, попер наружу. Он же у меня без нее все это время хер знает как тянул на одном вдохе. Как последний раз у ее кожи вдохнул, прощаясь, так и маялся. Без света, без воздуха, без тепла.

Боясь напугать, я опустил на корточки перед креслом и тихонько позвал:

— Сашка! Сашка, солнце мое, проснись! — и, не утерпев, прижался-таки губами к ее коленке.

Моя девочка вздрогнула, сонно заморгала, а я запаха ее полной грудью хапнул — и все. Не могу больше.

Обе лапы под халат, мордой ей в колени. Изнутри стоном аж рвет всего. Пальцы в плоть вминаю, нахапаться не могу.

— Коля! — всхлипнула Сашка и обхватила мою бритую черепушку, наклоняясь, обвиваясь, и чуть не душа, утыкая в себя еще больше. Пусть себе душит, так хоть не видно, что глаза протекли, как у сопляка какого. — Коленька! Коля-Коля-Коля. Я ж без тебя... Коля-я-я-я...

И я без тебя. Скучал. Болел. Маялся люто.

Сашка совсем разрыдалась, и я вырвался из ее захвата и перетащил к себе на колени.

— Ну ты чего? — бормотал, целуя, слизывая ее слезы. Соленые. А кожа такая, как я и помню. Сладкий жженный сахар с охуительной каплей горчинки. — Ну, чего ты. Провожала — не плакала, а сейчас... Сказал же, что вернусь.

Тело зазвенело, ощутив ее тяжесть и тепло там, где их так долго не было, и я уже не мог. Не мог! Больше не утешал поцелуями. Уже почти жрал ее кожу, губы, нежность и нажраться не мог. Беспардонно содрал халат с плеч, добираясь до груди. Моя девочка поправилась за это время. Меня и раньше от ее изгибов, от мягкости перло адски, а сейчас и вовсе на раз башню отшибло. За пару вдохов дошел до озверения, ошалел от потребности облапать, истрогать всю. Тискал безбожно, мыча от кайфа чистого, что тот немтырь. Сказать бы тебе, какая ты... что для меня... да мозгов-то уже нет. Отшибло. В стояк каменный утекли.

— Коля-а-а-а... Колечка... — Сашку от моего напора сразу из всхлипов в стоны бросило. Гнулась на мне, одежду дергала, добираясь до моей кожи с таким же нетерпением. — Скучала... Хочу-у-у-у...

А я не хочу... я подыхаю прямо уже. Сдвинул ее чуть от себя, Сашка жалобно хныкнуть только успела, цепляясь за мои плечи отчаянно, а я уже ширинку разодрал и, стиснув ее ягодицы наверняка до боли, насадил на себя. И у самого чуть глаза не выскочили к херам. Тесно. Жарко. Дома. Да, блядь, да-а-а. Вот оно. Мое!

Сашка в крик от первого же толчка, мне горло ревом дерет. Врезался в нее, тянул на себя аж до судорог в руках, а все мало было. Дугой ее выгнуло, волосы растрепаны, голова запрокинута, губы, щеки пылают, соски острые о мою грудь трутся. Сдыхать стану, а эта картинка будет перед зенками бесстыжими стоять. Мое солнце на мне, я в ней так, что глубже не ворваться. Опрокинул Сашку на спину и вколотил-влил свой оргазм в ее, сокращаясь от ее внутренних сжатий до взрывов перед глазами.

Хрипя еще и дергаясь от афтершоков, перевалился на бок, затягивая Сашку на себя. Ковры коврами тут, но не хрен на полу застуживаться. Она прижалась лицом в изгиб моей шеи, начав тереться лицом и целуя.

— Сашк, мне бы в душ. Вонючий-небритый с дороги. — Даже с места дернуться попытался. Ну не совсем же скот.

Но Александра не отпустила, шумно носом потянула и лизнула ключицу.

— Я по твоему запаху так скучала, — пробормотала хрипло, и мой нижний дурень, что еще толком и не опал и хоть самой головкой, но еще в ней был, стал снова тяжелеть.

— Вот теперь нюхай, сколько хочешь, — буркнул, сам носом зарываясь в ее волосы.

— Ты же насовсем ко мне, Коль? — вдруг вскинулась Сашка, вскидывая голову. И у меня даже яйца поджались от боли и испуга в ее взгляде.

— Малыш-малыш, — обхватил ее щеки и кинулся зацеловывать глаза, скулы, лоб, — да я к тебе насовсем с самого начала. Разом и по самые здрасти. Не поняла разве? Я не от тебя ездил, а по делам. Но теперь все. На хер все дела во всем, сука, мире. Теперь пойдём-ка мы, Сашка жениться.

— Что, прямо сейчас? — захихикала она, и от этого по члену у нее внутри дрожь прошла. Охуительно!

— Не, не сейчас, — проворчал, нажимая на ее бедра, заставляя скользить по мне и насаживая опять до рваного «а-а-ах!» — Есть у нас несколько часов и чем заняться до открытия ЗАГСа.

ЭПИЛОГ

— Яр, Андрюха! — позвал я обоих, клацая пультом в поисках нужного канала после эсэмэски Корнилова.

— Срочное что? — сунулся в кабинет Боев, уже с пиджаком, перекинутым через локоть. — Дел у меня до хренищи.

— На минуточку зайти, — кивнул я ему на экран, где уже пошла заставка скандальных новостей.

Скривив недовольную морду, пробурчал, что домой ему надо. Надо же, домоседом каким заделался. Точнее, Катька моя его так оформила. И правильно сделала. Вон ходит, рожа и так-то всегда довольная была, и зубы сушил вечно, а теперь вообще аж глаза режет. Что тот прожектор светится.

— Что тут? — пропихнулся мимо Боева Камнев, хмурясь. Он-то у нас улыбается, только когда по телефону сюсюкает со своей Роксаной. Сюсюкает! Кто бы знал, что он это в принципе умеет.

— Смотрите.

Начался выпуск. Я увидел знакомые мордахи приятских ребят. Журналист опрашивал их, повторяя с нажимом самые убийственные вещи. Демонстрировал на камеру добытые мной бумажки, зачитывал фамилии. Да уж, прямо сейчас до хрена народу волосы, на глазах седеющие, на себе рвет. Так вам, сукам, и надо.

Выпуск закончился, репортер пообещал еще подробности в следующем и заявил, что требует считать данный выпуск официальным обращением к соответствующим структурам. Я выключил телек и посмотрел на мужиков. Камнев кивнул и хлопнул меня по плечу.

— Хорошо это, Колян. Хорошо.

А вот Боев прищурился и уставился на меня, похоже, в ярости.

— Ты. Ты, блядь, не сказал нам ничего! — заорал он. — Мне не сказал. Какого хуя, Шаповалов. Ты мне друг. И промолчал! Она моя женщина!

— И моя сестра, — принял я его гнев спокойно. Понимаю. На его месте я бы тоже злился. Но поступил, как сам решил. Как правильно.

— Сестра, да. Но моя, моя женщина. Жена! Я, бля, как теперь должен ей в глаза смотреть, а?! Как?! Что скажу? Прости, Катюха, но мою работу брат твой сделал, а я чмо позорное и ни хера и пальцем не шевельнул?

— Не говори. Вообще, — веско сказал Яр. — Кате сейчас это на хрена? Нервы все. Волнения.

— А она, по-вашему, на Луне, бля, живет и не увидит вот это все?

— Случилось и случилось. Ей зачем знать, кто и при чем, — пожал я плечами.

— Ей знать? А мне? Мне знать, что ни хера, *ни хера* не сделал?

— Ты ребенка ей сделал. Ты ее счастливой сделал и делаешь, дурака кусок. Выдохни, Андрюха, — попросил его. — Давайте теперь уже просто жить. И женись уже на моей сестре, а то придется мне тебе морду опять бить.

— Себе, дебил, набей. Из-за тебя до сих пор тянули, — буркнул Боев и вылетел из кабинета, шарахнув дверь.

— Отойдет, — махнул рукой Яр.

* * *

— Алька! Алька, зараза такая! — Даже сквозь входную дверь квартиры от отцовского крика можно было оглохнуть. Не говоря уже о том, что он колотил по той еще и ногами, похоже. — А ну открывайте, поганцы!

— Узнал, — подмигнул мне Коля и отхлебнул чай.

— Узнал наверняка, — вздохнула я и пошла открывать, но не сделала и шагу, как он поймал меня.

— Тут будь. Разберусь, — велел он и направился в прихожую.

— Вы чего это удумали, а?! — кричал папа теперь и в квартире. — Через три дня роспись у них. Роспись! Моя дочь что, нищенка какая, чтобы без свадьбы...

— Александра этого не хочет, — оборвал его невозмутимо мой мужчина.

— Па, у меня уже была одна свадьба. Не хочу я больше такого.

— Была у нее. А я людям как в глаза смотреть должен? Моя дочка, *моя*, замуж втихаря выскочит. Не бывать этому! А ну собирайся,

Алька, поедем все организовывать. Я всех на уши поставлю, хоть что-то достойное успе...

— Папа! Я не хочу! — отрезала я, а Коля обнял за талию, поддерживая. — А раз я этого не хочу, то и не буду делать. И ты меня не заставишь.

— Ах ты... Вот. Все ты виноват, Шаповалов! Отца родного больше ни во что не ставит!

— Пап, перестань. Я тебя люблю.

— Ой, любит она, вы посмотрите! — отец уже не орал, а громко ворчал, хмурясь нарочито сильно. — Любишь — так давай слушайся. Сказал — нужна свадьба, значит, нужна.

— Па, если ты хочешь свадьбу, то тебе придется жениться самому. А мы с Колей обещаем *эту* свадьбу посетить.

— Умная, да? Я в жизни один раз женился, и все на этом, ясно? Тебе, Шаповалов, ясно?

Коля кивнул молча, улыбаясь, и поцеловал меня в висок.

— Чаю с нами выпьешь? — предложила я, и папа, насупившись, прошагал мимо нас на кухню.

— Че хотят, то и творят они, — бухтел он, прихлебывая чай. — В доме моем жить не хотят. Ишь ты, им тут лучше. Где тут жить, а? Работать он ко мне не хочет. Хватает им, вы посмотрите. Я и смотрю, прям едят на золоте, пьют из серебра. Свадьбу они не хотят... Ну ничего-ничего! Я вам устрою еще... припомню... Вот назло не помру! Родите мне внучку, я ее так избалую, что вы у меня попляшете! Вот, кстати, Алька, когда?

— Па-а-а-ап! — покачала я головой, смеясь. — Живи сто лет, балуй сколько хочешь. Мы тебя любим.

— Кого тут у вас бало... Алька? — у него будто лампочку кто внутри включил. — Дочь? Серьезно?

Я закивала, обнимая Колю вокруг торса, а он стиснул мои плечи.

— Ну, Шаповало-о-ов! Ах ты... молодец!

Примечания

1

Следователь по особо важным делам — прим. Автора.